

42 #3 2022

ТРУДЫ
ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ
СОБСТВЕННОСТИ

WORKS
ON INTELLECTUAL
PROPERTY

Vol. 42 #3 2022

WORKS ON INTELLECTUAL PROPERTY

ISSUE TOPIC

Arbitration in Domain Disputes

*Protection of Personal Data:
to the History of the Subject*

How to Protect Content in the Digital Jungle

Internet Distribution: New Limits

Legal Perpendiculars of Parallel Import

*Geographical Indications as an Object
of Intellectual Property Rights*

Artificial Intelligence and Copyright

HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS
NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY

MOSCOW 2022

Том 42 #3 2022

ТРУДЫ ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

ТЕМЫ НОМЕРА

Арбитраж в доменных спорах

*Защита персональных данных:
к истории вопроса*

*Как защитить контент в цифровых
джунглях*

*Доведение до всеобщего сведения:
новые пределы*

*Правовые перпендикуляры параллельного
импорта*

*Географические указания как объект
интеллектуальных прав*

*Искусственный интеллект
и авторское право*

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

МОСКВА 2022

unesco
Chair

UNESCO Chair on Copyright,
Neighboring, Cultural
and Information Rights,
HSE University, Moscow,
Russian Federation

The journal is registered on September 16, 2021 in the Federal Service of Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate of registration of mass media ФC77–81925.

The reproduction of articles and other materials against the will of the copyright holders is prohibited in accordance with paragraph 3 of Art. 1274 of the Civil Code of the Russian Federation.

The RLS "ConsultantPlus" was used when preparing the journal.

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Higher Education and Science of Russian Federation for the publication of the main research results for the degree of candidate and doctor of Legal Sciences.

Subscription Index
Unified catalogue "Russian Press" 11287

Address:
National Research University Higher School of Economics

20 Myasnitskaya St.
Moscow 101000, Russia

Tel. +7 495 772 95 90 *23017
e-mail: fts@hse.ru

Executive editor:
Ruslan Budnik

Designer
Valery Korshunov

Pre-press
Natalya Puzanova

Proofreader:
Elena Satarova

© National Research University
Higher School of Economics, 2022

ISSN 2225-3475
ISSN 2713-1270 (Online)

WORKS ON INTELLECTUAL PROPERTY

Vol. 42 #3 2022

Scientific and analytical journal
Issued since 1999

(Certificates of registration of mass media
018878 dated 28/05/1999 and ФC77–45963 dated 15/07/2011)

Publishers:

National Research University Higher School of Economics
Creativity Center for UNESCO

The journal is published according to the Agreement between UNESCO and the Higher School of Economics on the establishment of the UNESCO Chair in Copyright, Neighboring, Cultural and Information Rights dated August 7, 2020. The authors are responsible for the choice and presentation of views contained in this journal, and for opinions expressed therein, which are not necessarily those of UNESCO and do not commit the Organization as well as of the UNESCO Chair.

Editor-in-Chief

MIKHAIL FEDOTOV (HSE, Russian Federation)

Deputy Editor-in-Chief

RUSLAN BUDNIK (HSE, Russian Federation)

Executive secretary

NATALIA YAKIMOVSKAYA (HSE, Russian Federation)

Editorial Council:

YURI BATURIN (Lomonosov Moscow State University, Russian Federation)

IVAN BLIZNETS (Kutafin Moscow State Law University, Russian Federation)

ELENA VOINIKANIS (HSE, Russian Federation)

EDUARD GAVRILOV (HSE, Russian Federation)

GADIS GADZHIEV (HSE, Russian Federation)

ADOLF DIETZ (Max Planck Society, Germany)

MIKHAIL KRASNOV (HSE, Russian Federation)

PETER MAGGS (University of Illinois, USA)

OLEG NERETIN (Federal Institute of Industrial Property, Russian Federation)

ANGELIKA NUSSBERGER (University of Cologne, Germany)

SERGEY POTAPENKO (Kuban State University, Russian Federation)

ILYA RASSOLOV (Moscow City University, Russian Federation)

ALEXANDR SERGEEV (HSE, Russian Federation)

ANTON SERGO (Russian State Academy of Intellectual Property, Russian Federation)

ASTAMUR TEDEEV (Lomonosov Moscow State University, Russian Federation)

ILYA SHABLINSKY (State Academic University for the Humanities, Russian Federation)

SERGEY SHAKHRAV (Shenzhen MSU-BIT University, PRC)

unesco

Кафедра

Кафедра ЮНЕСКО
по авторскому праву,
смежным, культурным
и информационным правам,
НИУ ВШЭ, Москва,
Российская Федерация

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций и включен в реестр зарегистрированных средств массовой информации, серия ПИ № ФС77–81925 от 16 сентября 2021 г.

Перепечатка материалов против воли правообладателей запрещена в соответствии с п. 3 ст. 1274 ГК РФ. При подготовке журнала использована СПС «КонсультантПлюс».

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России для публикации основных результатов исследований на соискание ученых степеней кандидата и доктора юридических наук.

Распространяется по подписке. Объединенный каталог «Пресса России» — подписной индекс 11287.

Координаты редакции:
адрес фактический: 109028, Москва, Б. Трехсвятительский пер., д. 3, оф. 436; почтовый: 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20, журнал «Труды по интеллектуальной собственности», тел.: +7 495 772 95 90 *23017, e-mail: fts@hse.ru

Координаты издателя и распространителя:
адрес фактический: 107418, Москва, ул. Профсоюзная, д. 33, кор. 4, Издательский дом НИУ ВШЭ; 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20, Издательский дом НИУ ВШЭ, тел. +7 495 772 95 90 *15298, e-mail: id@hse.ru

Выпускающий редактор:
Будник Р.А.

Художественное оформление:
Коршунов В.П.

Верстка:

Пузанова Н.Е.

Корректор:
Сатарова Е.В.

© Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2022

Напечатано с готового оригинал-макета. ООО «Фотоэксперт», 109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42.

Подписано к печати 01.09.2022 г.
Формат 60×90 1/8. Усл.печ.л. 13,88.
Тираж 300 экз. Заказ №

ISSN 2225-3475
ISSN 2713-1270 (Online)

ТРУДЫ ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Том 42 #3 2022

Научно-аналитический журнал
Издается с 1999 г.

(Свидетельства о регистрации СМИ
№ 018878 от 28.05.1999 и ФС77–45963 от 15.07.2011)

Учредители:

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Автономная некоммерческая организация «Творческий центр ЮНЕСКО».

Журнал издается по Соглашению между ЮНЕСКО и НИУ ВШЭ об учреждении Кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам от 7 августа 2020 г. В соответствии с Соглашением авторы статей, опубликованных в журнале, несут ответственность за выбор и представление мнений, которые не обязательно совпадают с мнением ЮНЕСКО и не являются мнением Организации или Кафедры ЮНЕСКО НИУ ВШЭ.

Главный редактор

ФЕДОТОВ М.А. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Заместитель главного редактора

БУДНИК Р.А. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Ответственный секретарь

ЯКИМОВСКАЯ Н.Л. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Редакционный совет:

БАТУРИН Ю.М. (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация)

БЛИЗНЕЦ И.А. (Московская государственная юридическая академия им. О.Е. Кутафина, Российская Федерация)

ВОЙНИКАНИС Е.А. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

ГАВРИЛОВ Э.П. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

ГАДЖИЕВ Г.А. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

ДИТЦ А. (Институт Макса Планка, ФРГ)

КРАСНОВ М.А. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

МЭГГС П. (Иллинойский университет, США)

НЕРЕТИН О.П. (Федеральный институт промышленной собственности, Российская Федерация)

НУССБЕРГЕР А. (Кельнский университет, ФРГ)

ПОТАПЕНКО С.В. (Кубанский государственный университет, Российская Федерация)

РАССОЛОВ И.М. (Московский городской педагогический университет, Российская Федерация)

СЕРГЕЕВ А.П. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

СЕРГО А.Г. (Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Российская Федерация)

ТЕДЕЕВ А.А. (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация)

ШАБЛИНСКИЙ И.Г. (Государственный академический университет гуманитарных наук, Российская Федерация)

ШАХРАЙ С.М. (Университет МГУ-ППИ в Шеньчжэне, КНР)

СОДЕРЖАНИЕ

12.00.00. Юридические науки

ИНФОРМАЦИЯ. ГОСУДАРСТВО. ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

- А.Г. СЕРГО, Т.Г. СУСАЛЁВА. Российский арбитражный центр разрешения доменных споров как средство эффективной борьбы за права российских правообладателей и администраторов доменных имен 8
- Д.Ю. САПРОНОВ. Историческая ретроспектива правового регулирования персональных данных в некоторых странах 26
- Д.Г. ТКАЧЕНКО. Некоторые правовые особенности регулирования средств массовой информации и ограничения информации в них. 32

ПРАВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

- М.А. ГОРДЕЕВА, А.А. НОВИКОВА. Незащищенность контента в цифровой среде: поиски решения 42
- Н.В. БУЗОВА. Международные договоры и некоторые проблемы защиты авторских и смежных прав в информационно-телекоммуникационных сетях 52
- А.Г. ДЕЙНЕКО. О новых пределах доведения произведений до всеобщего сведения в деле «“Телеспорт групп” против “Яндекса”» 60
- В.В. РЕЧКИН. Лицензионные соглашения в отношении стандарт-необходимых патентов (FRAND-лицензии) 69
- А.Ю. ВОЛКОВА. Интеллектуальная собственность в условиях параллельного импорта 79
- М.А. САСИНА. Множественность исключительных прав географического указания. 89

ПРАВО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

- М.Н. КОМАШКО. Институт авторства и искусственный интеллект 98

О КАФЕДРЕ ЮНЕСКО ПО АВТОРСКОМУ ПРАВУ, СМЕЖНЫМ, КУЛЬТУРНЫМ И ИНФОРМАЦИОННЫМ ПРАВАМ НИУ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ» 108

TABLE OF CONTENTS

12.00.00. Juridical Sciences

INFORMATION. STATE. HUMAN RIGHTS

SERGO A.G., SUSALEVA T.G. The russian arbitration center for domain dispute resolution as a means of effective struggle for the rights of russian rightholders and domain name registrants	8
SAPRONOV D.YU. Historical retrospective of the legal regulation of personal data in some countries	26
TKACHENKO D.G. Some legal features of media regulation and restrictions on information in the media . . .	32

INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS

GORDEEVA M.A., NOVIKOVA A.A. Content Insecurity in the Digital Environment: Finding a Solution	42
BUZOVA N.V. International treaties and some problems of protection of copyright and related rights in information and telecommunication networks	52
DEINEKO A.G. On new limits for making works available to the public in the Telesport Group v. Yandex case	60
RECHKIN V.V. License Agreements for Standard-Required Patents (FRAND-licenses)	69
VOLKOVA A.YU. Intellectual Property under Parallel Import Conditions	79
SASINA M.A. Plurality of exclusive rights of a geographical indication	89

ARTIFICIAL INTELLIGENCE LAW

KOMASHKO M.N. Institute of authorship and artificial intelligence	98
---	----

ABOUT UNESCO CHAIR ON COPYRIGHT, NEIGHBORING, CULTURAL AND INFORMATION RIGHTS AT THE HSE UNIVERSITY	110
---	-----

Научная статья

УДК: 341.9.019

DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.15930>

Original article

РОССИЙСКИЙ АРБИТРАЖНЫЙ ЦЕНТР РАЗРЕШЕНИЯ ДОМЕННЫХ СПОРОВ КАК СРЕДСТВО ЭФФЕКТИВНОЙ БОРЬБЫ ЗА ПРАВА РОССИЙСКИХ ПРАВООБЛАДАТЕЛЕЙ И АДМИНИСТРАТОРОВ ДОМЕННЫХ ИМЕН¹

THE RUSSIAN ARBITRATION CENTER FOR DOMAIN DISPUTE RESOLUTION AS A MEANS OF EFFECTIVE STRUGGLE FOR THE RIGHTS OF RUSSIAN Rightholders AND DOMAIN NAME REGISTRANTS

Антон Геннадьевич СЕРГО

Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Москва, Российская Федерация, mail@internet-law.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9685-9607>

Татьяна Геннадьевна СУСАЛЁВА

ООО «КЛОВЕРМЕД», Москва, Российская Федерация, susalyova.juriste@mail.ru; jurist@clovermed.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3779-7642>

Информация об авторах

А.Г. Серго — доктор юридических наук, профессор кафедры авторского права, смежных прав и частноправовых дисциплин ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности»; профессор кафедры интеллектуальных прав ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина»; президент юридической фирмы

- АНО «Интернет и Право»; ассоциированный член
- кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
- Т.Г. Сусалёва — юрисконсульт ООО «КЛОВЕРМЕД»;
- медиатор, член Союза профессиональных медиаторов
- «М2В»
- **Аннотация.** Рассмотрена возможность и целесообразность создания в Российской Федерации специализированного арбитражного центра урегулирования доменных споров, возникающих в национальной доменной зоне (домены зон .RU, .РФ, .SU) и в new gTLD (доменные зоны нового уровня, вводимые с 2012 г.), управление (администрирование) которыми осуществляется зарегистрированными на территории Российской Федерации юридическими лицами. Сделана попытка определить цели, для которых должен создаваться Российский арбитражный центр разрешения доменных споров, как
- в части защиты прав и законных интересов правообладателей средств индивидуализации и администраторов
- доменных имен, так и в части повышения эффективности

¹ Работа выполнена в рамках НИР «Развитие альтернативных систем урегулирования споров в сфере интеллектуальной собственности на примере доменных имен», № 4-ГЗ-2021.

в Российской Федерации самой системы регулирования доменных споров.

Предложены шаги, которые необходимо предпринять для начала функционирования Российского арбитражного центра, а также сделано предположение, что создание такого арбитражного института станет ступенью к аккредитации его ICANN как центра разрешения доменных споров на территории Российской Федерации и стран ЕАЭС согласно процедуре UDRP в отношении общих доменов верхнего уровня (ДВУ gTLD), некоторых национальных доменов верхнего уровня (ДВУ ccTLD) и всех новых общих доменов верхнего уровня (ДВУ new gTLD).

Актуальность настоящей статьи обусловлена произошедшими в законодательстве Российской Федерации за последние годы изменениями в части регулирования сферы доменных имен, предстоящим утверждением правительством Российской Федерации правил регистрации доменных имен национальной доменной зоны и юридической и фактической, по мнению авторов, готовностью Российской Федерации к переходу на следующий уровень правового регулирования «доменных отношений» и разрешения доменных споров.

Ключевые слова: доменное имя; доменные споры; RuDRP; российский арбитражный центр; ICANN; национальная безопасность

Для цитирования: Серго А.Г., Сусалёва Т.Г. Российский арбитражный центр разрешения доменных споров как средство эффективной борьбы за права российских правообладателей и администраторов доменных имен // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2022. Т. 42, № 3. С. 8–25; DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.15930>

Anton G. SERGO

Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russian Federation,
mail@internet-law.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9685-9607>

Tatiana G. SUSALYOVA

CLOVERMED LLC, Moscow, Russian Federation,
susalyova.juriste@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3779-7642>

Information about the authors

A.G. Sergo — Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Department of Copyright, Related Rights and

- Private Law Disciplines of the Russian State Academy of Intellectual Property; Professor of the Department of Intellectual Rights of the O.E. Kutafin' Moscow State Law University;
- President of the legal firm "Internet and Law"; associated fellow of the UNESCO Chair on Copyright, Neighboring, Cultural and Information Rights National Research University "Higher School of Economics"
- T.G. Susalyova — legal adviser, CLOVERMED LLC; mediator, member of the Union of Professional Mediators «M2B»

- **Abstract.** The authors consider the possibility and appropriateness of creating a specialized Arbitration Centre for the resolution of domain name disputes arising in the national domain zone (.RU, .РФ, .SU domains) and in a new gTLDs (new-level domain zones created since 2012) operated by companies, registered in the territory of the Russian Federation.

- The authors try to define the goals of the Russian Arbitration Center for resolving domain disputes both for the defence of rights and legitimate interests of the holders of means of individualization and domain name registrants as well as the improvement of the efficiency of the domain disputes regulatory system in the Russian Federation.

- The authors propose the steps to be taken to start the functioning of the Russian Arbitration Center. They also put forward the assumption, that the creation of such an arbitration organization will become a step towards its accreditation by ICANN as a center for resolving domain disputes in accordance with the UDRP procedure for generic top-level domains (gTLDs), some country code top-level domains (ccTLDs) and all new generic top-level domains (new gTLDs) in the territory of Russian Federation and the EAEU member states.

- The relevance of this article is due to the changes in the legislation of the Russian Federation that have occurred in recent years regarding the regulation of the domain names area, to the forthcoming approval of the registration rules for the national domain zone domain names and, to the authors opinion, due to the legal and factual readiness of the Russian Federation to move to the next level of legal regulation of «domain relations» and domain disputes resolution.

- **Keywords:** domain name; domain disputes; RuDRP; Russian arbitration center; ICANN; national security

- **For citation:** Sergo A.G., Susalyova T.G. The Russian arbitration center for domain dispute resolution as a means of effective struggle for the rights of Russian copyright holders and domain name administrators // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2022. Vol. 42 (3). P. 8–25; DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.15930>

Текущий, 2022 год ознаменовался активной стадией международной геополитической борьбы, попытками изолировать Российскую Федерацию от «цивилизованного мира», нарушением прав российских граждан, разрывом культурных и правовых связей и формированием новых альянсов.

На первый взгляд, в таких условиях говорить об организации в России Арбитражного центра разрешения доменных споров (далее — Российский арбитражный центр) и возможности присоединиться к системе регулирования доменных споров на основе Единой политики разрешения споров о доменных именах [Uniform Domain Name Dispute Resolution Policy (UDRP) [1] (далее — Политика, UDRP)] и Правил Единой политики разрешения споров о доменных именах [Rules for Uniform Domain Name Dispute Resolution Policy [2] (далее — Правила)]² неразумно или, по крайней мере, преждевременно. Однако умение побеждать противника его же оружием — это ли не часть искусства борьбы? В условиях падения норм и даже принципов международного публичного и частного права, в том числе таких, казалось бы, незыблемых, как право частной собственности или принцип равенства людей вне зависимости от их национальной принадлежности, в условиях информационного противостояния решение проблемы защиты прав и законных интересов российских субъектов права в «доменных», как и в любых иных правоотношениях, должно приобретать стратегическое значение для общества и государства, а сам субъект права должен иметь возможность применить весь арсенал доступных законных способов защиты. Одним из таких способов является рассмотрение доменных споров в специализированных арбитражных центрах³ в соответствии с UDRP или с применением

² Для этого документа также используются наименования: Единая политика по разрешению споров в связи с доменными именами (Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 28.03.2014 № СП-21/4 «Об утверждении справки по вопросам, возникающим при рассмотрении доменных споров») и Единая политика по урегулированию споров в области доменных имен (ЕПУС) (Всемирная организация интеллектуальной собственности, WIPO).

³ На май 2022 г. действуют шесть аккредитованных арбитражных центров, в которых возможно рассмотрение домен-

ной процедуры для разрешения возникающих между правообладателями товарных знаков (иных средств индивидуализации и подлежащих правовой охране обозначений) и администраторами доменных имен споров о регистрации и использовании доменов.

Кратко обозначим, что представляет собой процедура UDRP.

В 1999 г. после многолетней [3] тщательной работы по созданию выверенного порядка разрешения споров между правообладателями товарных знаков и администраторами доменных имен Всемирная организация интеллектуальной собственности (далее — ВОИС) представила Политику и Правила UDRP — документы, регламентирующие универсальную альтернативную процедуру разрешения доменных споров. В том же году Политика и Правила UDRP были утверждены ICANN⁴.

В настоящее время UDRP используется для всех общих доменов верхнего уровня (ДВУ gTLD)⁵, для всех новых общих доменов верхнего уровня (ДВУ new gTLD)⁶, для более 40 национальных доменов верхнего

ных споров в соответствии с Политикой и Правилами UDRP:

- Азиатский центр разрешения споров по доменным именам (Asian Domain Name Dispute Resolution Centre);
- Канадский международный центр по разрешению споров в интернете (Canadian International Internet Dispute Resolution Centre, CIIDRC);
- Национальный арбитражный форум (National Arbitration Forum, NIF);
- Чешский Арбитражный центр по интернет-спорам Чешского Арбитражного (третейского) суда при Торгово-промышленной и аграрной палате Чехии (The Czech Arbitration Court Arbitration Center for Internet Disputes);
- Центр ВОИС по арбитражу и посредничеству WIPO (Arbitration and Mediation Center) (WIPO);
- Арабский центр по разрешению споров по доменным именам (Arab Center for Domain Name Dispute Resolution, ACDR).

⁴ Корпорация по управлению доменными именами и IP-адресами.

⁵ К gTLD (generic Top-Level Domain — общий домен верхнего уровня) относятся: .AERO, .ASIA, .BIZ, .CAT, .COM, .COOP, .INFO, .JOBS, .MOBI, .MUSEUM, .NAME, .NET, .ORG, .PRO, .TEL.

⁶ New gTLD (new generic top level domain — new gTLD) — более 2 тысяч новых доменов верхнего уровня, к которым в том числе относятся: .РУС, .САЙТ, .ОНЛАЙН, .ДЕТИ, .ОРГ, .МОСКВА, .MOSCOW, .TATAR.

уровня (ДВУ ccTLD)⁷, и еще 40 национальных доменов верхнего уровня (ДВУ ccTLD) используют вариации UDRP.

Созданная процедура UDRP стала логичным продолжением мировых тенденций саморегулирования отношений, складывающихся в интернет-пространстве, действенность и исполнимость которой заложена на уровне договоров субъектов «доменных отношений»: ICANN, национальных регистратур (операторов реестров ДВУ⁸ ccTLD), регистраторов и администраторов доменных имен. Принятые многочисленными аккредитованными ICANN операторами реестров ДВУ Политика и Правила UDRP были имплементированы в соглашения между регистраторами и администраторами доменных имен и предоставили возможность правообладателям быстро, эффективно и недорого разрешать споры, возникающие из «недобросовестной регистрации» доменных имен, тождественных или сходных с товарными знаками (знаками обслуживания) или аналогичными обозначениями правообладателей, с помощью услуг аккредитованных арбитражных центров.

В основу альтернативной процедуры UDRP легли принципы справедливости и добросовестности, в определенной степени обуславливающие как предмет доказывания для сторон спора, так и границы внутреннего суждения арбитров аккредитованных арбитражных центров [4].

Юридически значимым результатом процедуры UDRP является решение о прекращении регистрации домена, о передаче домена правообладателю товарного знака (знака обслуживания) или об отказе в удовлетворении жалобы правообладателя и сохранении доменного имени за администратором. Решения, вынесенные в пользу заявителя, исполняются непосредственно регистраторами соответствующих доменных имен⁹.

Альтернативная процедура урегулирования доменных споров в соответствии с Политикой и Правилами UDRP и ее многочисленные вариации обладают весомыми преимуществами, к которым, в частности, можно отнести:

- международный и универсальный характер процедуры. Наличие названного преимущества, по нашему мнению, продиктовано, с одной стороны, широкой распространенностью в мире альтернативного разрешения споров (ADR) на основе Политики и Правил UDRP, а с другой стороны, достаточно единообразным на международном уровне пониманием ядра процедуры — принципов UDRP: справедливости и добросовестности. Международный и универсальный характер процедур на основе UDRP, не связанной каким-либо национальным законодательством, имеет особое значение в условиях трансграничности правоотношений, складывающихся в интернет-пространстве, и позволяет использовать ее вне зависимости от места регистрации или жительства сторон спора;
- четкие границы предмета доказывания как для заявителя¹⁰, так и для ответчика¹¹. Несомненно, такое достоинство способствует относительной предсказуемости исхода дела, минимизирует ошибки при принятии решения арбитрами и позволяет исключить разбирательства по спорам, которые не могут быть рассмотрены на основании Политики и Правил UDRP и в соответствии с «дочерними» по отношению к UDRP процедурами;
- короткие сроки рассмотрения спора. Период времени от даты подачи жалобы в аккредитованный арбитражный центр до получения решения и его исполнения составляет два-три месяца, что в несколько раз меньше среднего срока рассмотрения доменного спора в любом национальном суде. Очевидно, что срок, в течение которого будет принято и исполнено решение и достигну-

⁷ Национальные домены верхнего уровня, для которых возможно применение UDRP: .AG, .AI, .AS, .BM, .BS, .BZ, .CC, .CD, .CO, .CY, .DJ, .EC, .FJ, .FM, .GD, .GT, .KI, .LA, .LC, .MD, .ME, .MW, .NR, .NU, .PA, .PK, .PN, .PR, .PW, .RO, .SA, .SC, .SL, .SN, .SO, .TJ, .TT, .TV, .UG, .VE, .VG и .WS.

⁸ ДВУ — домен верхнего уровня.

⁹ Исполнимость решений гарантирована соглашением об аккредитации регистраторов, регулирующим отношения ICANN и аккредитованных регистраторов, а также условия сохранения полученной аккредитации (далее — CAP). В случае неисполнения регистратором решения уполномоченного арбитражного центра он может утратить аккредитацию.

¹⁰ Правообладатель, для того чтобы его требования были удовлетворены в соответствии с UDRP, должен доказать совокупность трех фактов: 1) что доменное имя ответчика идентично или сходно до степени смешения с его товарным знаком или знаком обслуживания; 2) что у ответчика отсутствуют права или законные интересы в отношении доменного имени; 3) что спорное доменное имя было зарегистрировано и используется недобросовестно.

¹¹ Ответчик, для того чтобы сохранить права на свое доменное имя, обязан предоставить доказательства одного из следующих обстоятельств: 1) что до момента уведомления о споре администратор доменного имени использовал его или осуществлял подготовку к его использованию в связи с добросовестным предложением товаров или услуг; 2) что администратор доменного имени широко известен под спорным доменным именем, даже если у него отсутствует зарегистрированный товарный знак или знак обслуживания; 3) что администратор доменного имени осуществляет законное некоммерческое или иное добросовестное использование доменного имени без цели извлечения прибыли от введения потребителя в заблуждение либо без цели опорочить товарный знак или знак обслуживания заявителя.

та цель подачи заявления, имеет существенное значение для правообладателя, особенно в тех случаях, когда недобросовестное использование доменного имени причиняет ущерб репутации правообладателя, оттягивает часть его клиентов, способствует введению в заблуждение пользователей интернета или даже распространению вредоносного ПО¹²;

- заочное асинхронное рассмотрение спора¹³ [2]. Такое рассмотрение способствует быстрому и эффективному урегулированию спора, так как принятие решения арбитрами не зависит от явки сторон, зачастую являющихся резидентами разных государств. Кроме того, асинхронное заочное рассмотрение доменного спора, в котором представление дополнительных материалов по запросу арбитра скорее является исключением, чем правилом [5], требует от сторон высокой степени ответственности при обеспечении относимых и достаточных доказательств своей правовой позиции¹⁴;
- высокая квалификация арбитров, рассматривающих доменные споры. Узкий, но при этом специфический предмет споров обязывает арбитров иметь глубокие и устойчивые знания в сфере регулирования интеллектуальной собственности, прав на товарные знаки, включая знания международных практик в этой области, знания тонкостей функционирования интернета, регистрации, использования доменных имен. Кандидат, направляющий заявку на аккредитацию в качестве «поставщика услуг» — арбитражного центра для разрешения доменных споров в соответствии

с Политикой и Правилами UDRP, — обязан представить сведения о квалификации будущих арбитров, о программах повышения и поддержания уровня и актуальности знаний арбитров [6];

- относительно небольшая стоимость ведения дела в аккредитованном арбитражном центре [7]. Так как сама процедура альтернативного урегулирования доменного спора не предусматривает несение сторонами расходов на участие представителей сторон в заседаниях, транспортных расходов, затрат на сбор и приобщение дополнительных доказательств, на участие в исполнительном производстве, основными расходами сторон в данном случае являются арбитражный сбор и вознаграждение услуг переводчика¹⁵;
- возможность предъявлять требования непосредственно к администратору домена без установления его действительной личности и без промежуточного привлечения в процесс регистратора доменного имени. Регистраторы доменных имен, которым аккредитованным арбитражным центром направлен запрос о предоставлении информации, обязаны сообщить ее в течение двух дней, в противном случае регистратор нарушит Правила и Политику UDRP, а соглашение между ним и оператором соответствующего реестра ДВУ будет расторгнуто. В то же время проблема установления личности администратора доменного имени в свете ужесточения требования к защите персональных данных физических лиц в России [8] и по всему миру [9, 10] встает в каждом втором судебном деле, рассматриваемом российским судом. В итоге первые два-три месяца доменный спор не разрешается по существу, а суд совершает действия, направленные исключительно на выявление надлежащего ответчика и уточнение исковых требований¹⁶;
- срок¹⁷ и порядок исполнения решения аккредитованного арбитражного центра. Для процедуры

¹² Для российских правообладателей срок рассмотрения и исполнения искового заявления носит существенный характер, а его неопределенность или длительность может влиять на экономическую устойчивость истца или лишать его прибыли в течение продолжительного периода либо даже стать причиной прекращения им предпринимательской деятельности. Более того, если учесть, что средняя продолжительность «жизни» российской компании составляет 4,5 года (см.: URL: <https://www.business.ru/news/7685-analitiki-poschitali-skolko-v-srednem-jivut-kompanii>, дата обращения: 20.05.2022), а судебный процесс по поводу доменного имени может занять от трети до половины отведенного времени, то задача сокращения срока рассмотрения элементарных доменных споров становится для российских субъектов предпринимательской деятельности критически важной.

¹³ Согласно п. 15 Правил, арбитр рассматривает дело исключительно на основании документов и объяснений, предоставленных сторонами.

¹⁴ В то же время в классическом судебном процессе нередки случаи, когда от заседания к заседанию доказательства «придерживаются», а доводы о процессуальной недобросовестности стороны спора судом игнорируются, в результате чего спор приобретает затяжной и дорогостоящий характер.

¹⁵ Несмотря на то что государственная пошлина, обычно уплачиваемая при подаче заявления в российский суд, имеет сравнительно небольшой размер, дальнейшие судебные издержки истца и ответчика могут достигать размеров, не сопоставимых с исковыми требованиями и результатом судебного процесса.

¹⁶ См., например, дело № А40-82743/2021 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.04.2022).

¹⁷ Процедура UDRP предусматривает автоматическое исполнение регистратором решения аккредитованного арбитражного центра об отмене регистрации домена или о передаче доменного имени заявителю, если в течение 10 дней ответчик не обратился в компетентный национальный суд для разрешения спора. При рассмотрении спора зоны .EU срок исполнения решения достигает 30 дней.

UDRP и ее аналогов характерны автономность и самоисполнимость принятых решений. Соответствующий регистратор исполняет вынесенное решение в силу соглашения об аккредитации без участия третьих лиц, будь то суд или судебные приставы.

Такие значительные плюсы альтернативных процедур в совокупности с их результативностью принесли им популярность и международное признание. Так, в 2021 г. арбитры специальных аккредитованных арбитражных центров проанализировали рекордное количество дел по сравнению с предыдущими годами. По данным ВОИС, доля рассмотренных только его арбитрами дел увеличилась на 22%. Статистика 2021 г. по UDRP-спорам показывает, что Центром ВОИС по арбитражу и посредничеству WIPO было рассмотрено 5128 дел, Национальным арбитражным форумом — 2059 дел; Чешский Арбитражный центр по интернет-спорам Чешского Арбитражного (третейского) суда при Торгово-промышленной и аграрной палате Чехии рассмотрел 653 доменных спора (включая 605 по UDRP и 48 по euADR [11]), Азиатским центром разрешения споров по доменным именам рассмотрено 225 доменных споров (включая 172 по UDRP, 42 по cnDRP [12] и 7 по hkDRP [13]), Канадский международный центр по разрешению споров в интернете принял 48 соответствующих решений (включая 23 по UDRP и 25 по caDRP [14]), а Арабский центр по разрешению споров по доменным именам рассмотрел два доменных спора [15].

Одновременно нельзя не отметить: несмотря на то что UDRP и производные от нее процедуры урегулирования доменных споров функционируют в мире уже более 20 лет, отечественные субъекты права де-факто ограничены в использовании преимуществ этого альтернативного способа разрешения возникших разногласий. В частности, препятствиями для использования альтернативных процедур урегулирования доменных споров в случае российских правообладателей и администраторов доменных имен можно назвать перечисленные ниже.

Во-первых, это неприсоединение доменных зон .RU, .РФ, .SU к UDRP, вследствие чего возникающие споры о доменах в этих зонах не могут быть рассмотрены специальными аккредитованными арбитражными центрами с применением Правил и Политики UDRP. Представляется, что такая мера оправдана с точки зрения сохранения суверенитета и независимости национальной доменной зоны. Как было указано выше, действенность UDRP обеспечена правом ICANN отменить аккредитацию регистратору доменного имени, если он не исполнил решение аккредитованного арбитражного центра в течение срока,

установленного UDRP. Безусловно, с точки зрения государственной безопасности, суверенности национального интернета опрометчиво было бы допустить ситуацию, при которой подконтрольная правительству США организация¹⁸ диктовала бы требования к российским субъектам «доменных правоотношений» в зонах .RU, .РФ, .SU и осуществляла бы контроль за исполнением решений в отношении граждан Российской Федерации.

Во-вторых, это имеющая место в Российской Федерации правовая неопределенность в области регулирования отношений по поводу регистрации и использования доменных имен, прекращения регистрации доменных имен и разрешения доменных споров. Несмотря на то что многие ученые-правоведы регулярно высказывались о необходимости заполнения правового вакуума в решении доменных споров [16] и разработки собственных правил разрешения споров, аналогичных принятым в рамках ВОИС [17], об адаптации к российским условиям Политики и Правил UDRP [18], за 20 лет российским законодателем так и не был реализован собственный механизм эффективного быстрого урегулирования доменных споров в зонах .RU, .РФ, .SU, а правообладатель не получил действенный способ защиты своих прав от недобросовестной регистрации доменных имен.

В-третьих, это языковой барьер, существующий для русскоязычных участников доменных споров, не владеющих английским языком, при отстаивании своих прав и законных интересов в соответствии с процедурой UDRP, который практически нивелирует права отечественных правообладателей на обращение в аккредитованный арбитражный центр и делает маловероятным подготовку в течение 20 дней русским администратором достойного ответа при «нападении» на его доменное имя. При разрешении доменных споров в подавляющем количестве доменных зон рабочим языком является английский или язык регистрационного соглашения. Следовательно, в случае наличия в доменной зоне, например .COM, домена, сходного до степени смешения с товарным знаком российского правообладателя, юридически он имеет возможность обратиться за защитой своих прав в соответствии с процедурой UDRP, но фактически ему придется не только подготовить жалобу, но и перевести ее и все доказательства на английский язык, что чаще всего потребует дополнительных финансо-

¹⁸ Только 1 сентября 2016 г. истек срок контракта ICANN с Министерством торговли США и Национальным управлением информации и связи (NTIA), и, по сообщению ICANN, администрирование адресного пространства интернета перешло под контроль международного сообщества.

вых и временных затрат и может стать проблемой для субъектов малого предпринимательства. Ситуация же с отечественными администраторами доменных имен, согласно проведенному анализу, выявляет даже некоторую дискриминацию русского языка, в том числе в тех случаях, когда его использование в качестве языка разбирательства является прямым применением положений Политики и Правил UDRP. Так, в ряде рассмотренных Центром ВОИС дел, несмотря на то что языком регистрационного соглашения был русский, арбитры посчитали возможным установить языком разбирательства английский по просьбе заявителя, обосновав это тем, что «заявителю, придется понести значительные расходы, если он будет вынужден перевести жалобу» [19]; тем, что «спорное доменное имя состоит из латинских символов» [20]; тем, что «ответчик представил несколько пространственных сообщений и ответ на английском языке» [21], или тем, что «ответчик, как представляется, знаком с английским языком» [22].

В-четвертых, это неопределенность в Российской Федерации правового и процессуального статуса UDRP и решений, принятых аккредитованными арбитражными центрами в соответствии с Политикой и Правилами UDRP [23].

В результате к началу лета 2022 г. в сухом остатке отечественная правовая наука имеет уже отпраздновавшую совершеннолетие дискуссию о положительных и отрицательных сторонах альтернативных процедур регулирования доменных споров, а российские участники доменных споров в отсутствие альтернативы вынуждены мириться с необходимостью использовать громоздкую судебную процедуру даже в элементарных случаях явного де-факто и де-юре нарушения их прав на средства индивидуализации или доменное имя.

Но являются ли указанные препятствия непреодолимыми? Вероятно, нет. Авторы настоящей статьи выражают уверенность, что организация на территории Российской Федерации собственного арбитражного центра для урегулирования доменных споров, узаконивание альтернативной процедуры их разрешения — RuDRP (Russian Domain Names Disputes Resolution Policy — Российские правила рассмотрения споров о доменных именах) [17] и дальнейшее одобрение ICANN Российского арбитражного центра в качестве нового поставщика услуг по разрешению споров смогут в полной мере ликвидировать имеющиеся противоречия между интересами государства и рядовых субъектов «доменных правоотношений».

Утверждение собственной процедуры разрешения споров в национальной доменной зоне и создание

организации, способной осуществлять деятельность по действительному внесудебному урегулированию доменных споров, по мнению авторов, не только не несет риск для национальных интересов и информационной безопасности Российской Федерации [24], но и приведет к укреплению позиций российской национальной доменной зоны в международном интернет-пространстве, к стабилизации ее функционирования, становлению ее экономической привлекательности и повышению результативности защиты прав и законных интересов отечественных правообладателей и администраторов. Этот тезис подтверждается и международным опытом. Так, в КНР, стране, где суверенный интернет защищается с начала 90-х годов прошлого века, успешно действует Китайская международная экономическая и торговая арбитражная комиссия, рассматривающая доменные споры как в соответствии с cпDRP¹⁹, так и в соответствии с Политикой и Правилами UDRP. Аналогично функционирует и Чешский Арбитражный центр по интернет-спорам Чешского арбитражного (третьего) суда при Торгово-промышленной и аграрной палате Чехии, который с 2005 г. приступил к разрешению доменных споров на основании альтернативной процедуры euADR²⁰ в доменной зоне Европейского союза .EU, а в 2008 г. получил аккредитацию в качестве арбитражного центра по разрешению доменных споров, согласно процедуре UDRP.

Возможно, в правовом и политическом сообществе, как это случалось и ранее [25], возникнет вопрос: имеется ли у нас такая острая необходимость в создании собственного арбитражного центра для урегулирования доменных споров, альтернативной процедуры их разрешения — RuDRP и тем более для получения Российским арбитражным центром аккредитации ICANN? Авторам представляется, что ответ на этот вопрос однозначно должен быть утвердительным, так как названные значимые как с юридической, так и с политической точек зрения действия и события будут способствовать защите национальных интересов Российской Федерации и прав российских субъектов «доменных правоотношений».

¹⁹ Процедура разрешения доменных споров в доменной зоне .CN в соответствии с Политикой и Правилами CNNIC ccTLD.

²⁰ euADR — это альтернативная процедура разрешения споров в отношении доменных имен .eu, основанная на европейском законодательстве: 1) Постановления (ЕС) № 733/2002 Европейского парламента и Совета от 22 апреля 2002 г. о введении домена верхнего уровня .EU и 2) Регламента (ЕС) № 874/2004 от 28 апреля 2004 г., устанавливающего правила государственной политики, касающиеся внедрения и функций домена верхнего уровня .EU, а также принципы, регулирующие регистрацию.

Показателен в рассматриваемом аспекте тот факт, что на май 2022 г. доменная зона .RU насчитывает более 5 млн доменных имен, из которых более 17% зарегистрировано на зарубежных администраторов; в свою очередь, в доменной зоне .РФ зарегистрировано более 674 тыс. доменных имен, из которых почти 8% принадлежит также лицам, находящимся за пределами Российской Федерации. Это означает, что сегодня для более чем 900 тыс. доменов, входящих в национальную доменную зону [26], в случае столкновения интересов администратора домена и российских правообладателей, отечественных юридических лиц и даже государственных органов последние смогут защитить свои права лишь при условии расширительного толкования судами ст. 247 АПК РФ. Иначе, тем более в условиях разразившегося в информационном море шторма антироссийских настроений, спорный домен в течение длительного периода разбирательства может использоваться не только в ущерб правообладателям, не только для введения потребителя в заблуждение, но и для нанесения урона национальной безопасности Российской Федерации. Это становится особенно актуальным, когда доменное имя, тождественное или сходное до степени смешения с наименованием государственного органа, федерального информационного ресурса или просто создающее впечатление «относимости» к государству, используется, например, для сбора персональных данных граждан Российской Федерации или распространения ложной информации, противоречащей национальным интересам Российской Федерации [24]. Красочной иллюстрацией к сказанному служит ситуация с доменом ROSPATENT.RU, который продается за 600 тыс. рублей, что не может не вызывать удивления и даже некоторой обеспокоенности. При этом аннулирование такого домена в настоящий момент в лучшем случае займет год, а в худшем не увенчается успехом ввиду пробелов законодательного регулирования доменных споров. Представляется, что при наличии в Российской Федерации RuDRP, основанной на них альтернативной процедуры рассмотрения доменных споров, и Российского арбитражного центра киберсквоттинг²¹ и тайпсквоттинг²² доменов, возможно, стали бы менее привлекательными, а подобная проблема решалась бы в течение двух-трех месяцев.

²¹ Киберсквоттинг — регистрация доменных имен, содержащих торговую марку, принадлежащую другому лицу, в целях их дальнейшей перепродажи или недобросовестного использования.

²² Тайпсквоттинг — регистрация доменных имен, близких по написанию с адресами популярных сайтов, в расчете на ошибку части пользователей.

С другой стороны, права и законные интересы отечественных правообладателей и администраторов доменных имен также должны быть эффективно защищены не только в национальной доменной зоне, но и в зонах, принявших Политику и Правила UDRP.

Анализ статистики ВОИС демонстрирует ежегодный рост жалоб правообладателей из различных государств к ответчикам из Российской Федерации: от 16 рассмотренных ВОИС дел в 2000 г. до 120 дел в 2021-м [27]. Отметим, что большинство спорных доменов было «взято без сопротивления ответчиков», то есть без предоставленного им отзыва на жалобу [28, 29] либо с предоставлением ответа на жалобу, не соответствующего требованиям UDRP по форме, содержанию, порядку предоставления отзыва [19, 30, 31, 32].

Согласно данным, предоставленным ВОИС с 2000 по 2022 г., 135 доменных споров [33] было инициировано российскими заявителями, однако, по мнению авторов, это не означает не востребованости UDRP для отечественных правообладателей, а свидетельствует о неосведомленности большинства заинтересованных лиц о своем праве обратиться в один из аккредитованных арбитражных центров для рассмотрения доменного спора в отношении доменов gTLD, new gTLD, тождественных или сходных до степени смешения с товарными знаками, а также о затруднительности и затратности ведения дела на иностранном языке.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что при наличии в Российской Федерации аккредитованного Российского арбитражного центра, уполномоченного разрешать доменные споры в соответствии с Правилами и Политикой UDRP, в котором языком разбирательства был бы определен русский, российские правообладатели имели бы больше возможностей защищать свои права и законные интересы в соответствующих доменных зонах.

Согласно информации ICANN о процедуре одобрения поставщиков услуг по разрешению споров [34] для рассмотрения ICANN заявки на одобрение, заявитель обязан продемонстрировать способность быстро, организованно и честно рассматривать споры в контексте глобальной интернет-среды, что ясно указывает на трехступенчатость предстоящего Российской Федерации пути к утверждению Российского арбитражного центра в качестве нового аккредитованного «поставщика услуг» по разрешению доменных споров в соответствии с Правилами и Политикой UDRP:

- утверждение альтернативного способа регулирования доменных споров в соответствии с RuDRP как части национального законодательства;

- создание Российского арбитражного центра, рассматривающего доменные споры в соответствии с RuDRP, и его функционирование в течение срока, достаточного для формирования впечатления о его эффективности и профессиональном уровне разрешения споров в сфере доменных имен;
- получение Российским арбитражным центром аккредитации ICANN и возможности рассматривать доменные споры не только в отношении доменов национальной доменной зоны на основании RuDRP, но и в отношении иных доменов в соответствии с Правилами и Политикой UDRP.

Инициирование описанного выше процесса особенно актуально сегодня, когда законодательная и судебная системы Российской Федерации как никогда ранее готовы преодолеть препятствия, не позволявшие многие годы российским субъектам «доменных правоотношений» использовать лучшие международные практики разрешения доменных споров и эффективно защищать свои права и законные интересы. По мнению авторов, для достижения целей — укрепления национальной безопасности в информационной и интернет-сферах, защиты российских субъектов права, повышения стабильности и экономической привлекательности российской национальной доменной зоны — необходимо произвести нормотворческие и организационные действия, перечисленные ниже.

1. Наделение правительства Российской Федерации правом утверждать порядок регистрации доменных имен в национальной доменной зоне. Указанное знаковое событие, согласно Плану законопроектной деятельности Правительства Российской Федерации на 2022 г. [35], должно произойти в июле — ноябре 2022 г. и стать платформой для утверждения правил регистрации доменных имен российской национальной доменной зоны и формирования устойчивой и эффективной правовой системы регулирования доменных имен.

2. Утверждение правительством Российской Федерации Правил регистрации доменных имен, которые будут действовать в российской национальной доменной зоне, и закрепление в них положений о новом альтернативном внесудебном способе разрешения доменных споров — процедуре RuDRP.

Особое внимание при проработке правил регистрации доменных имен необходимо уделить вопросам, связанным с входящими в соответствии с Приказом Роскомнадзора от 29 июля 2019 г. № 216 [26] в состав доменов национальной доменной зоны доменов, обозначенных как «иные домены верхнего уровня, управление которыми осуществляется зареги-

стрированными на территории Российской Федерации юридическими лицами, являющимися зарегистрированными владельцами баз данных указанных доменов в международных организациях распределения сетевых адресов и доменных имен», к которым относятся в настоящий момент домены .РУС, .ДЕТИ, .МОСКВА, .MOSCOW, .TATAR [36], так как в отношении них российский законодатель имеет, на первый взгляд, более узкие границы свободы законотворчества²³. В связи с указанным возникают опасения, связанные с возможным противоречием будущих правил регистрации доменных имен в российской национальной зоне с принципами и политикой ICANN и возможным наступлением негативных последствий как для операторов реестров ДВУ, вплоть до утраты ими статуса операторов, так и для рядовых администраторов доменных имен.

Для минимизации риска наступления описываемого негативного сценария необходимо, во-первых, разумно, с привлечением специалистов высокой квалификации, проработать нормы будущих правил регистрации доменных имен в национальной доменной зоне с использованием всех инструментов юридической техники, включая оговорки, исключения, особый срок и порядок вступления отдельных положений Правил в силу для доменов .РУС, .ДЕТИ, .МОСКВА, .MOSCOW, .TATAR и иное. А, во-вторых, операторам реестров ДВУ .РУС, .ДЕТИ, .МОСКВА, .MOSCOW, .TATAR целесообразно рассмотреть вопрос прохождения процедуры огосударствления, которая, с одной стороны, необходима для соблюдения требований ч. 4 ст. 14.2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ [37], а с другой стороны, могла бы стать основанием для применения операторами соответствующих реестров ДВУ п. 7.16²⁴ Соглашения о реестре ICANN [38], что в значительной степени нивелировало бы ситуацию с потенциальным противоречием между национальным законодательством и требованиями ICANN.

Также при разработке Правил RuDRP после тщательного анализа и сопоставления с законодательством Российской Федерации представляется

²³ ДВУ .РУС, .TATAR, .MOSCOW, .МОСКВА, .ДЕТИ не являются для ICANN ccTLD, а были делегированы в качестве new gTLD.

²⁴ Базовое соглашение о реестре ICANN содержит положения, регламентирующие согласительные, направленные на сохранение существующих правоотношений процедуры в случае возникновения конфликта между применимым к оператору реестра ДВУ законодательством и требованиями ICANN. Указание на возможность применения согласительных процедур содержится и в отдельных соглашениях о реестре с отдельными операторами реестра.

возможным применение адаптированных для российских субъектов права специальных принципов рассмотрения и разрешения судебных и административных споров (юридических конфликтов) в интернете: принципа многоэлементного анализа, принципа first come, first served («получает тот, кто первый пришел»), принципа привилегированной защиты общеизвестных (famous) товарных знаков (знаков обслуживания) и принципа prima facie неправомерности действий (бездействия) участника интернет-отношений [16].

Правила RuDRP, по мнению авторов, кроме того, должны содержать ряд основополагающих положений:

- требования к регистраторам и администраторам доменных имен национальной доменной зоны. При этом целесообразно рассмотреть вопрос установления ограничений для регистрации доменных имен национальной доменной зоны нерезидентами Российской Федерации. Предвосхищая критику данной позиции со ссылками на глобальный характер интернета и трансграничность складывающихся на его просторах отношений, отметим, что практика введения таких ограничений — не редкость для правил регистрации доменных имен ccTLD. К слову, в Регламенте (ЕС) 2019/517 [39] установлено, что регистрация одного или нескольких доменных имен в рамках TLD.eu возможна для *«граждан Европейского союза, физических лиц, не являющихся гражданами Европейского союза, но являющихся резидентами государства-члена, предприятий, учрежденных в Европейском союзе, организаций, созданных в Европейском союзе»*. Следовательно, определение некоторых ограничений для регистрации доменных имен в российской национальной зоне не будет, как может показаться, предвестником «железного занавеса», но послужит национальным интересам Российской Федерации и повысит устойчивость и предсказуемость регулирования национальной доменной зоны;
- положения о языке регистрационного соглашения;
- порядок и особенности регистрации географических и геополитических названий;
- порядок и особенности регистрации названий субъектов Российской Федерации;
- порядок и особенности регистрации названий государственных органов, учреждений и организаций;
- правила передачи доменного имени иному лицу как в соответствии с договором, так и на основании вступившего в силу решения суда или иного административного государственного органа или

арбитражного учреждения, уполномоченного рассматривать доменные споры в соответствии с законодательством Российской Федерации;

- правила в отношении возможной приостановки, прекращения регистрации и аннулирования доменных имен, включая вопрос о bona vacantia²⁵;
- правила в отношении недобросовестной и неправомерной регистрации доменных имен, включая возможность поэтапной регистрации доменных имен для обеспечения соответствующих временных возможностей для наименований государственных органов и правообладателей обозначений, права на которые признаны или установлены национальным законодательством Российской Федерации (аналог так называемого этапа Sunrise);
- понятие недобросовестной регистрации и недобросовестного использования доменного имени, основания и последствия установления в результате внесудебной или судебной процедуры, свидетельствующие о такой регистрации и/или использовании обстоятельств. При этом, руководствуясь международной практикой [3] определения обстоятельств, явно демонстрирующих признаки недобросовестной регистрации и/или недобросовестного использования доменного имени, к таким обстоятельствам необходимо отнести совокупность трех фактов:
 - факта тождества или сходства до степени смешения доменного имени с товарным знаком, фирменным наименованием, названием государства, наименованием государственного органа, учреждения или организации, а также, возможно, личным именем и псевдонимом известной в Российской Федерации личности;
 - факта регистрации доменного имени его администратором без прав или законных интересов на соответствующее использованное обозначение;
 - факта регистрации и/или использования доменного имени недобросовестно. Подчеркнем, что авторы склонны считать именно такую формулу третьего обязательного к установлению факта недобросовестности наиболее отвечающей принципам добросовестности и справедливости, на которых должна строиться альтернативная процедура рассмотрения доменных споров RuDRP. Более того, как указывали ранее авторы [4], поскольку в ряде случаев первично добросовестно зарегистрированное доменное имя впоследствии исполь-

²⁵ Юридический термин, обозначающий ситуацию, в которой собственность остается без явного владельца.

зуются недобросовестно и такое использование приносит действительные убытки правообладателям, наиболее актуальным и необходимым является установление альтернативного третьего условия признания «регистрации» доменного имени недобросовестной.

О законном интересе администратора доменного имени, позволяющем сохранить за ним доменное имя, должны свидетельствовать такие уже ставшие классической альтернативных процедур рассмотрения доменных споров обстоятельства:

- использование администратором доменного имени для добросовестного предложения товаров или услуг до того, как он получил любое уведомление о споре;
- наличие достоверных свидетельств совершения администратором подготовительных действий, направленных на добросовестное предложение товаров или услуг с использованием спорного обозначения до того, как он получил любое уведомление о споре;
- известность администратора доменного имени (в качестве юридического или физического лица) под спорным доменным именем даже в отсутствие у него права, признанного или установленного национальным законодательством;
- осуществление администратором доменного имени законной некоммерческой деятельности с использованием спорного доменного имени без намерения ввести в заблуждение потребителей или нанести ущерб репутации обозначению, право на которое признано или установлено национальным законодательством.

Что касается обстоятельств, позволяющих установить недобросовестность регистрации и/или использования администратором доменного имени, авторы считают необходимым включить в Правила RuDRP дополнительные факты, в результате чего открытый перечень свидетельств недобросовестности может предусматривать:

- обстоятельства, указывающие на то, что доменное имя было зарегистрировано или приобретено главным образом в целях продажи или иной передачи владельцу обозначения, в отношении которого право признано или установлено национальным законодательством, или
- обстоятельства, указывающие на то, что спорное доменное имя было зарегистрировано для того, чтобы правообладатель обозначения, в отношении которого признано или установлено право национальным законодательством, не мог зарегистрировать это имя в соответствующем доменном имени при условии, что:

- правообладателем представлены доказательства сознательного следования администратором доменного имени такой модели поведения, или
- доменное имя не использовалось соответствующим образом в течение не менее двух лет с даты регистрации, или
- доменное имя используется администратором для ведения или рекламы запрещенной на территории Российской Федерации деятельности, распространения вредоносного ПО, или
- обстоятельства, указывающие на то, что доменное имя было зарегистрировано в первую очередь в целях воспрепятствования профессиональной деятельности конкурента, или
- обстоятельства, указывающие на то, что, используя доменное имя, администратор намеренно пытался привлечь с коммерческой целью пользователей интернета к своему интернет-ресурсу, создавая возможность того, чтобы обозначение, на которое право признано или установлено национальным законодательством, или имя публичного лица, наименование органа государственной власти, организации воспринималось как имеющее отношение к источнику существования, финансирования, организационной принадлежности, одобрению ресурса администратора либо продукции или услуги, предоставляемой через ресурс администратора, или
- обстоятельства, указывающие на то, что зарегистрированное доменное имя — это личное имя, для которого не существует очевидной связи между администратором доменного имени и зарегистрированным доменным именем.

Несомненно, правила RuDRP должны содержать и Правила внесудебного урегулирования доменных споров, включающие в себя:

- обязательность инкорпорирования в регистрационные соглашения с администраторами доменных имен правил внесудебного урегулирования споров в соответствии с RuDRP;
- право любого лица, которое считает, что его право на обозначение нарушено регистрацией и/или использованием тождественного или сходного до степени смешения с ним доменного имени, воспользоваться альтернативной процедурой разрешения доменного спора, обратившись в специализированный арбитражный центр;
- обязательность для регистраторов и администраторов доменного имени участия во внесудебном урегулировании спора, согласно RuDRP, и исполнения принятых арбитражным центром вступивших в силу решений;

- последствия неисполнения регистратором такого решения;
- право сторон спора обратиться в национальный суд;
- условия о сроках²⁶ рассмотрения спора, языке разбирательства, автоматически применяемых обеспечительных мерах²⁷;
- условия о заочном асинхронном характере разбирательства.

3. Включение в условия соглашений об аккредитации, заключаемых оператором реестра ccTLD²⁸ и регистраторами доменных имен, условий об обязательном исполнении регистраторами решений, принятых не только судом, но и Российским арбитражным центром в соответствии с процедурой внесудебного альтернативного разрешения споров RuDRP, и последствий неисполнения такого решения в виде расторжения по инициативе оператора реестра соглашения об аккредитации.

В соответствии с Приказом Роскомнадзора от 29 июля 2019 г. № 216 [26] Российскую национальную доменную зону составляют ДВУ .RU, ДВУ .РФ, ДВУ .SU и иные домены верхнего уровня, управление которыми осуществляется зарегистрированными на территории Российской Федерации юридическими лицами, являющимися зарегистрированными владельцами баз данных указанных доменов в международных организациях распределения сетевых адресов и доменных имен. Следовательно, в настоящий момент операторами реестров ДВУ, входящих в национальную доменную зону, являются АНО «Координационный центр национального домена сети Интернет» (далее — АНО КЦ) [40] для доменов .RU/.РФ, Российский научно-исследовательский институт развития общественных сетей (РосНИИРОС) [41] для домена .SU, ООО «Русские имена» [42] для доменов .РУС, ООО «Координационный центр Регионального домена Республики Татарстан» [43] для

²⁶ Процедура UDRP имеет сжатые сроки совершения юридически значимых действий: три дня на принятие жалобы к рассмотрению, два дня на принятие обеспечительных мер, пять дней на исправление заявителем ошибок, 20 дней на направление ответчиком отзыва, 14 дней на принятие решения и 10 дней на вступление решения в законную силу. Производные от UDRP процедуры также отличаются короткими процессуальными сроками.

²⁷ Арбитражный центр предоставляет регистратору запрос на подтверждение, который включает в себя запрос на блокирование доменного имени, т.е. запрет на изменение информации владельца домена и регистратора ответчиком. Блокирование сохраняется в течение всего срока разбирательства по UDRP.

²⁸ Национальная регистратура (оператор реестра ДВУ ccTLD) — организация, являющаяся администратором национального (национальных) домена (доменов) верхнего уровня (country code Top Level Domain, ccTLD).

доменов .TATAR, Фонд содействия развитию технологий и инфраструктуры интернета [44] для доменов .MOSCOW/.МОСКВА и Фонд «Разумный интернет» [45] для доменов .ДЕТИ.

Анализ документов, размещенных на официальных сайтах указанных выше юридических лиц, позволяет говорить о том, что только АНО КЦ и РосНИИРОС открыто предоставляют информацию об условиях соглашений об аккредитации, иные же операторы реестров ДВУ, входящих в национальную доменную зону, раскрывают такую информацию исключительно по запросу и зачастую только после заключения соглашения о неразглашении конфиденциальной информации. Между тем содержание соглашений об аккредитации АНО КЦ [46] и РосНИИРОС [47] позволяет говорить об отсутствии для двух крупных национальных регистратур препятствий к изменению условий заключенных ими соглашений. Так, соглашениями об аккредитации АНО КЦ и РосНИИРОС предусмотрено их право в одностороннем внесудебном уведомительном порядке вносить изменения в заключенные соглашения. При этом вступившие в силу изменения и дополнения обязательны для регистратора доменного имени, а в случае если регистратор не согласен с внесенными изменениями и дополнениями, он вправе принять решение о добровольном отказе от аккредитации, направив оператору реестра письменное уведомление об отказе. Таким образом, по мнению авторов, реализацию третьего шага на пути к созданию национального арбитражного центра в отношении АНО КЦ и РосНИИРОС трудно назвать затруднительной. Что касается иных операторов реестров ДВУ, входящих в российскую национальную доменную зону, то, несмотря на отсутствие в открытых источниках их соглашений об аккредитации, авторы смеют предположить маловероятным, что вышеназванные юридические лица лишили себя столь действенного договорного инструмента, как право на одностороннее изменение и расторжение соглашения.

4. Внесение точечных изменений в законодательство о третейских судах в Российской Федерации.

В настоящее время вместо Федерального закона «О третейских судах Российской Федерации» [48] действуют положения Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» [49]. Примечательно, что в новый закон не была перенесена норма о том, что третейское соглашение о разрешении спора по договору присоединения²⁹ будет считаться действительным, только если

²⁹ Договор присоединения, согласно ст. 428 Гражданского кодекса Российской Федерации, — это договор, условия которого определены одной из сторон в формулярах или иных стандарт-

такое соглашение было заключено после возникновения оснований для предъявления иска. Эта норма ранее создавала непреодолимую преграду для включения третейской оговорки в договоры между участниками «доменных правоотношений».

Казалось бы, отсутствие этой нормы открыло путь для рассмотрения доменных споров не только в национальном суде, однако перед авторами встал ряд вопросов. Будет ли действительным третейское соглашение, прописанное в договоре между администратором и регистратором доменного имени, если, например, правообладатель товарного знака присоединится к нему путем направления жалобы в Российский арбитражный центр? Действительно ли будет такое соглашение, обращенное изначально к неопределенному кругу лиц, если администратор доменного имени не направит в арбитражный центр отзыв на жалобу правообладателя?

К сожалению для авторов настоящей статьи, но к радости юридической науки, мнения разделились. При этом один из авторов считает достаточным расширить толкование п. 4 ст. 7 Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», позволив третьему лицу, в интересах которого заключено третейское соглашение, присоединиться к нему путем направления процессуального документа (искового заявления, жалобы и т.п.) в соответствующий третейский суд или организацию, осуществляющую досудебное урегулирование споров, указанные в третейском соглашении. Впрочем, можно внести в п. 4 ст. 7 названного закона соответствующие уточнения.

«Арбитражное соглашение также считается заключенным в письменной форме, если оно заключается путем обмена процессуальными документами (в том числе исковым заявлением и отзывом на исковое заявление), в которых одна из сторон заявляет о наличии соглашения, а другая против этого не возражает, или путем присоединения заинтересованного лица, в интересах которого заключено третейское соглашение в соответствии со ст. 7 настоящего Закона, путем направления процессуального документа в установленный в третейском соглашении третейский суд или постоянно действующее арбитражное учреждение на территории Российской Федерации».

Такое изменение, по мнению одного из авторов этой статьи, не должно войти в противоречие с абз. 2 ч. 3 ст. 308³⁰ Гражданского кодекса Российской Феде-

ных формах и могли быть приняты другой стороной не иначе как путем присоединения к предложенному договору в целом.

³⁰ Обязательство не создает обязанностей для лиц, не участвующих в нем в качестве сторон (для третьих лиц).

рации, так как присоединение к третейскому соглашению, заключенному между регистратором и администратором спорного доменного имени, будет являться правом правообладателя, а не его обязанностью. В то же время для самих регистратора и администратора третейское соглашение должно быть обязательным с момента его заключения.

Другой же автор считает необходимым внести изменения в п. 6 ст. 7 Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», расширив перечень правил, в которые может быть включено арбитражное соглашение. Измененная норма может выглядеть следующим образом:

«Арбитражное соглашение может быть заключено путем его включения в правила организованных торгов, правила регистрации доменных имен, правила клиринга, которые зарегистрированы в соответствии с законодательством Российской Федерации. Такое арбитражное соглашение является арбитражным соглашением участников организованных торгов, сторон договора, заключенного на организованных торгах в соответствии с правилами организованных торгов, участников клиринга или сторон регистрационного соглашения, заключенного в соответствии с правилами регистрации доменных имен».

И тот, и другой варианты, могут быть в относительно короткие сроки реализованы законодателем, что позволит признавать действительными третейские соглашения, заключенные между регистраторами и администраторами доменных имен и активированные поданной в Российский арбитражный центр жалобой правообладателя.

5. Внесение изменений как в формы договоров, так и в действующие договоры между регистраторами и администраторами доменных имен для включения в них новых правил регистрации доменных имен, правил разрешения доменных споров, третейской оговорки, прав регистратора в случае вынесения решения арбитрами Российского арбитражного центра о прекращении регистрации доменного имени или о его передаче правообладателю расторгнуть договор с администратором.

6. Создание одного или нескольких «поставщиков» услуг по разрешению доменных споров в соответствии с альтернативной внесудебной процедурой RuDRP.

В настоящее время на территории Российской Федерации организовано семь постоянно действующих арбитражных учреждений³¹, специализирующихся

³¹ Международный коммерческий арбитражный суд при Торгово-промышленной палате Российской Федерации; Морская арбитражная комиссия при Торгово-промышленной палате

ся на различных категориях споров, однако авторы склонны считать, что нет никаких весомых оснований выбирать между ними кандидата в «поставщики услуг» RuDRP. По данным статистики Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП России, в 2021 г. доля споров об интеллектуальной собственности составила в нем только 2% [50], и это был самый высокий процент за 11 лет ведения статистики. В Арбитражном центре при РСПП Коллегия по спорам в сфере интеллектуальной собственности была образована лишь в конце 2021 г., в Российском арбитражном центре при АНО РИСА [51] информации о рассмотрении каких-либо споров, связанных с интеллектуальной собственностью, авторами не обнаружено. Остальные арбитражные учреждения и вовсе образованы для рассмотрения узкого круга споров. Таким образом, ни одно из действующих арбитражных учреждений не обладает какой-либо наработанной практикой третейского разрешения споров, связанной с объектами интеллектуальной собственности, но при этом они отягощены регламентами, правилами и другими локальными актами, не рассчитанными на применение альтернативных процедур разрешения доменных споров.

При таких обстоятельствах закономерно будет создать отдельное арбитражное учреждение для разрешения доменных споров на основе RuDRP. Авторы настоящей статьи придерживаются мнения, что предпочтительно создать Российский арбитражный центр при Федеральной службе по интеллектуальной собственности или ТПП России, действующей более 30 лет и осуществляющей не только содействие организациям и индивидуальным предпринимателям в их предпринимательской деятельности и защите их прав как на территории Российской Федерации, так и за рубежом, и помощь им в сфере интеллектуальной собственности [52].

Все это дает основание предполагать, что указанные организации обладают достаточными компетенцией, авторитетом и потенциалом для создания Российского арбитражного центра по разрешению доменных споров для привлечения в него отечествен-

ных и иностранных специалистов-практиков высокого уровня в качестве арбитров, а в будущем — для расширения полномочий арбитражного учреждения и получения Центром аккредитации в качестве «поставщика услуг» UDRP.

При подборе кандидатов в арбитры нового арбитражного учреждения, закладывая изначально фундамент для реализации долгосрочных целей получения аккредитации ICANN и наделения Российского арбитражного центра полномочиями по рассмотрению споров в соответствии не только с правилами и процедурами RuDRP, но и с Политикой и Правилами UDRP, необходимо руководствоваться требованиями ICANN к кандидатам на одобрение в качестве «поставщика услуг» альтернативной процедуры регулирования споров UDRP [34]. Следовательно, в состав арбитров нового Российского арбитражного центра должны входить способные вести разбирательство на нескольких языках независимые профессионалы — юристы, практикующие в областях интеллектуальной собственности, информационных технологий, интернет-права, прав на доменные имена, обладающие обширным техническим и правовым опытом в области ADR в общем и доменных споров в частности, в области ИТ, включая электронный бизнес и интернет, богатым опытом работы с конфликтами прав на объекты интеллектуальной собственности и средства индивидуализации и прав на доменные имена в национальной доменной зоне и прав на интернационализованные доменные имена.

Параллельно с юридическим созданием Российского арбитражного центра важно разработать и внедрить интернет-платформы Российского арбитражного центра для поддержания высокой эффективности и скорости альтернативных процедур рассмотрения доменных споров. Платформа Центра должна быть мультиязычной и обладать всем инструментарием для создания сторонами спора учетных записей, для обеспечения безопасной электронной подачи жалоб, ответов и отзывов, публикации решений.

По мнению авторов, для достижения поставленных целей защиты прав и законных интересов российских субъектов доменных споров и обеспечения национальных интересов основным языком разбирательства в Российском арбитражном центре должен быть русский, дополнительными возможными рабочими языками процедуры могут быть французский, английский и испанский языки³².

Разрешая вопрос компетенции Российского арбитражного центра разумно с учетом опыта успешных

Российской Федерации; Российский арбитражный центр при автономной некоммерческой организации «Российский институт современного арбитража»; Арбитражный центр при Общероссийской общественной организации «Российский союз промышленников и предпринимателей»; Национальный центр спортивного арбитража при автономной некоммерческой организации «Спортивная арбитражная палата»; Арбитражный центр при автономной некоммерческой организации «Национальный институт развития арбитража в топливно-энергетическом комплексе»; Арбитражное учреждение при Общероссийском отраслевом объединении работодателей «Союз машиностроителей России».

³² Официальные языки ВОИС.

мировых практик [3] ограничить ее «элементарными» разбирательствами, то есть теми доменными спорами, где стороны имеют возможность предъявить очевидные доказательства обоснованности своих требований или доводов, а ситуация отсутствия у администратора любых законных интересов в отношении доменного имени предельно ясна.

По мнению авторов, достижение таких характеристик возможно при ограничении доменных споров:

- по перечню объектов, о нарушении прав на которые указывает заявитель (споры о нарушении права на фирменное наименование; споры о нарушении права на товарный знак и знак обслуживания; споры о нарушении права на наименование государственного органа или организации). Впоследствии, при успешном внедрении альтернативной процедуры RuDRP в правовую систему Российской Федерации и получении на нее отклика среди участников «доменных правоотношений», возможно расширение круга объектов, в отношении которых она может быть применена, с включением:
 - споров о нарушении прав на наименования некоммерческих организаций;
 - споров о нарушении прав на НМППТ и географические указания;
 - споров о нарушении прав на личные имена и псевдонимы;
 - споров о нарушении прав на коммерческие обозначения;
 - споров о нарушении прав на произведения;
- по кругу требований заявителя в отношении спорного доменного имени:
 - о прекращении регистрации доменного имени;
 - о передаче доменного имени заявителю.

В целом, такой близкий к классическому подход к компетенции арбитражного центра по регулированию доменных споров должен позволить в последующем Российскому арбитражному центру привлечь интерес отечественных участников доменных споров к альтернативной процедуре их разрешения, подтвердить наличие всеобъемлющего набора стандартизированных внутренних политик и процедур для решения доменных споров и возможность обеспечить администрирование процедуры UDRP при реализации финального этапа достижения поставленных целей защиты прав и законных интересов российских правообладателей и администраторов доменных имен при обеспечении национальных интересов и национальной безопасности.

7. Подача заявки в ICANN на аккредитацию Российского арбитражного центра в качестве нового, возможно, седьмого арбитражного центра по разре-

шению споров о доменных именах в соответствии с Политикой и Правилами UDRP.

Обращаясь к истории одобрения ICANN арбитражных центров UDRP, можно наблюдать, что только три действующих в настоящее время центра получили аккредитацию в течение первых трех лет появления UDRP [53], Чешский, Арабский и Канадский арбитражные центры были одобрены значительно позднее, когда уже был накоплен опыт ADR в сфере национальных доменных споров, и эта процедура заняла существенно меньше времени, чем 20 лет становления российской системы регулирования сферы доменных имен.

Подводя итог проведенному исследованию, хочется сделать вывод о том, что описанные шаги к созданию Российского арбитражного центра как постоянно действующего арбитражного учреждения для рассмотрения доменных споров в соответствии с внесудебной альтернативной процедурой на основе национальных правил регистрации доменных имен и регулирования доменных споров в национальной доменной зоне — RuDRP — вполне исполнимы, а цели нельзя назвать утопическими, о чем свидетельствует опыт многочисленных национальных право порядков от государств Африки до стран Европейского союза [3]. Ни различия в правовых системах, ни менталитет, ни культурные и национальные традиции этих государств не стали помехой для внедрения альтернативных процедур рассмотрения доменных споров, либо использовавших кальку положений UDRP, либо внесших в процедуру некоторые изменения (о языке, защищаемых объектах или дополнительных признаках), при сохранении узнаваемости «материнской» процедуры, ее норм и основополагающих принципов.

В свете сказанного представляется, что при условии победы практичности, логики и юридической техники над упрямым игнорированием успешных мировых практик уже в краткосрочном периоде Российская Федерация сможет повысить предсказуемость «доменных правоотношений» отечественных субъектов права, увеличить скорость и эффективность рассмотрения доменных споров в национальной доменной зоне, обеспечив в том числе защиту национальных интересов государства, а в среднесрочной перспективе улучшить положение российских правообладателей и администраторов доменных имен в доменных зонах, присоединившихся к UDRP.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Uniform Domain Name Dispute Resolution Policy. — URL: <https://www.icann.org/resources/pages/policy-2012-02-25-en> (дата обращения: 20.05.2022).

2. Rules for Uniform Domain Name Dispute Resolution Policy. — URL: <https://www.icann.org/resources/pages/udrp-rules-2015-03-11-en> (дата обращения: 20.05.2022).
3. Романенкова Е.И., Серго А.Г. Международные системы урегулирования доменных споров. М.: ИПЦ Маска, 2022.
4. Серго А.Г., Сусалёва Т.Г. Нетипичные решения UDRP: расширенное толкование Политики, или особое мнение коллегии арбитров // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2021. Т. 39. № 4. С. 42–54. DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2021.13512>
5. Серго А.Г. Доменные имена. Правовое регулирование. М.: Изд-во Рос. гос. акад. интеллектуал. собственности, 2018. 332 с.
6. URL: <https://www.icann.org/resources/pages/provider-approval-process-2012-02-25-en> (дата обращения 21.05.2022).
7. URL: <https://www.wipo.int/amc/en/domains/fees/index.html> (дата обращения 21.05.2022).
8. Федеральный закон «О персональных данных» № 152-ФЗ от 27 июля 2006 г. // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения 21.05.2022).
9. Закон КНР о кибербезопасности. — URL: http://www.npc.gov.cn/npc/xinwen/201611/07/content_2001605.htm (дата обращения 21.05.2022).
10. Общий регламент защиты персональных данных (GDPR) Европейского союза. — URL: <https://gdpr-text.com/ru/> (дата обращения 21.05.2022).
11. URL: https://eu.adr.eu/eu_tld/about/index.php (дата обращения: 20.05.2022).
12. URL: <https://www.hkiac.org/ip-and-domain-name/domain-dispute-resolution/domain-name-dispute-resolution-services/cndrp> (дата обращения: 20.05.2022).
13. URL: <https://www.hkiac.org/ip-and-domain-name/domain-dispute-resolution/domain-name-dispute-resolutions/hkdrp#policy> (дата обращения: 20.05.2022).
14. URL: <https://www.cira.ca/policy/domain-name/cira-domain-name-dispute-resolution-policy> (дата обращения: 20.05.2022).
15. URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=e5419aa1-8906-40ca-a9e6-a7b405ed0f5f> (дата обращения: 20.05.2022).
16. Даниленков А. Международные доменные споры в зеркале российской правовой системы // Хозяйство и право. 2013. № 3. С. 47–65.
17. Серго А.Г., Сокерин К.В. Особенности защиты права на доменное имя // Юрист. 2007. № 6.
18. Еременко В.И. О необходимости законодательного регулирования отношений, связанных с доменными именами // Государство и право. 2013. № 7. С. 46–58.
19. URL: <https://www.wipo.int/amc/en/domains/search/text.jsp?case=D2015-1291> (дата обращения: 20.05.2022).
20. URL: <https://www.wipo.int/amc/en/domains/search/text.jsp?case=D2021-1190> (дата обращения: 20.05.2022).
21. URL: <https://www.wipo.int/amc/en/domains/search/text.jsp?case=D2021-4275> (дата обращения: 20.05.2022).
22. URL: <https://www.wipo.int/amc/en/domains/search/text.jsp?case=D2013-1651> (дата обращения: 20.05.2022).
23. Наумов В., Королев Д. Процессуальный статус UDRP в России: возможности и парадоксы. — URL: <http://www.russianlaw.net/law/doc/a32.htm>
24. Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.05.2022).
25. Савельев А.И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование: 2-е изд. М.: Статут, 2016 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.05.2022).
26. Приказ Роскомнадзора от 29 июля 2019 г. № 216 «Об определении перечня групп доменных имен, составляющих российскую национальную доменную зону» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.05.2022).
27. URL: https://www.wipo.int/amc/en/domains/statistics/countries_yr.jsp?party=R&country_id=147 (дата обращения 21.05.2022).
28. URL: <https://www.wipo.int/amc/en/domains/search/text.jsp?case=D2021-1020> (дата обращения 21.05.2022).
29. URL: <https://www.wipo.int/amc/en/domains/search/text.jsp?case=D2021-1325> (дата обращения 21.05.2022).
30. URL: <https://www.wipo.int/amc/en/domains/decisions/text/2016/d2016-0137.html> (дата обращения 21.05.2022).
31. URL: <https://www.wipo.int/amc/en/domains/decisions/text/2021/d2021-2245.html> (дата обращения 21.05.2022).
32. URL: <https://www.wipo.int/amc/en/domains/decisions/text/2019/d2019-0006.html> (дата обращения 21.05.2022).
33. URL: https://www.wipo.int/amc/en/domains/statistics/countries_yr.jsp?party=C&country_id=147 (дата обращения 21.05.2022).
34. URL: <https://www.icann.org/resources/pages/provider-approval-process-2012-02-25-ru> (дата обращения: 20.05.2022).

35. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2021 г. № 3994-р // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.04.2022).
36. URL: <https://newgtlds.icann.org/en/about/program> (дата обращения 21.05.2022).
37. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.04.2022).
38. Соглашение об администрировании домена верхнего уровня. — URL: <https://newgtlds.icann.org/sites/default/files/agreements/agreement-approved-31jul17-ru.pdf> (дата обращения: 25.05.2022).
39. Регламент (ЕС) 2019/517 Европейского парламента и Совета от 19 марта 2019 г. О внедрении и функционировании доменного имени верхнего уровня .eu и внесении изменений и отмене Регламента (ЕС) № 733/2002 и отмене Регламента (ЕС) № 874/2004 Комиссии. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32019R0517> (дата обращения 24.05.2022).
40. URL: <https://cctld.ru/> (дата обращения: 20.05.2022).
41. URL: <https://ripn.su> (дата обращения: 20.05.2022).
42. URL: <http://rusnames.ru> (дата обращения: 20.05.2022).
43. URL: <https://domain.tatar> (дата обращения: 20.05.2022).
44. URL: <https://faitid.org/ru> (дата обращения: 20.05.2022).
45. URL: <http://dotdeti.ru> (дата обращения: 20.05.2022).
46. URL: https://cctld.ru/registrators/accr_sogl.pdf (дата обращения: 20.05.2022).
47. URL: https://ripn.su/wp-content/uploads/accred_agg_rsu.pdf (дата обращения: 20.05.2022).
48. Федеральный закон «О третейских судах Российской Федерации» от 24.07.2002 № 102-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.04.2022).
49. Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.04.2022).
50. URL: <https://mkas.tpprf.ru/ru/Stat/page.php> (дата обращения: 20.05.2022).
51. URL: https://centerarbitr.ru/wp-content/uploads/2022/04/ГО-2021_ru.pdf (дата обращения: 20.05.2022).
52. URL: https://www.tpprf.ru/ru/reg_docs/files/Устав%20ТПП%20РФ_26022021.pdf (дата обращения: 20.05.2022).
53. URL: <https://www.icann.org/resources/pages/schedule-2012-02-25-en> (дата обращения: 20.05.2022).

REFERENCES

1. Uniform Domain Name Dispute Resolution Policy. — URL: <https://www.icann.org/resources/pages/policy-2012-02-25-en>
2. Rules for Uniform Domain Name Dispute Resolution Policy. — URL: <https://www.icann.org/resources/pages/udrp-rules-2015-03-11-en>
3. Romanenkova E.I., Sergo A.G. Mezhdunarodnye sistemy uregulirovaniya domennyh sporov. M.: IPC Maska, 2022.
4. Sergo A.G., Susalyova T.G. Netpichnye resheniya UDRP: rasshirennoe tolkovanie Politiki, ili osoboe mnenie kollegii arbitrov // Trudy pointellektual'nej sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2021. T. 39. No 4. S. 42–54. DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2021.13512>
5. Sergo A.G. Domennye imena. Pravovoe regulirovanie. M.: RGIIS, 2018. 332 s.
6. URL: <https://www.icann.org/resources/pages/provider-approval-process-2012-02-25-en>
7. URL: <https://www.wipo.int/amc/en/domains/fees/index.html>
8. Federal'nyj zakon "O personal'nyh dannyh" № 152-FZ ot 27 iyulya 2006 g. // SPS "Konsul'tantPlyus".
9. Zakon KNR o kiberbezopasnosti. — URL: http://www.npc.gov.cn/npc/xinwen/2016-11/07/content_2001605.htm
10. Obschij reglament zashchity personal'nyh dannyh (GDPR) Evropejskogo soyuza. — URL: <https://gdpr-text.com/ru/>
11. URL: https://eu.adr.eu/eu_tld/about/index.php
12. URL: <https://www.hkiac.org/ip-and-domain-name/domain-dispute-resolution/domain-name-dispute-resolution-services/cndrp>
13. URL: <https://www.hkiac.org/ip-and-domain-name/domain-dispute-resolution/domain-name-dispute-resolutions/hkdrp#policy>
14. URL: <https://www.cira.ca/policy/domain-name/cira-domain-name-dispute-resolution-policy>
15. URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=e5419aa1-8906-40ca-a9e6-a7b405ed0f5f>
16. Danilenkov A. Mezhdunarodnye domennye spory v zerkale rossijskoj pravovoj sistemy // Hozyaystvo i pravo. 2013. No 3. S. 47–65.
17. Sergo A.G., Sokerin K.V. Osobennosti zashchity prava na domennoe imya // YUrist. 2007. No 6.
18. Eremenko V.I. O neobhodimosti zakonodatel'nogo regulirovaniya otnoshenij, svyazannyh s domennymi imenami // Gosydarstvo i pravo/ 2013. No 7. S. 46–58.
19. URL: <https://www.wipo.int/amc/en/domains/search/text.jsp?case=D2015-1291>
20. URL: <https://www.wipo.int/amc/en/domains/search/text.jsp?case=D2021-1190>

21. URL: <https://www.wipo.int/amc/en/domains/search/text.jsp?case=D2021-4275> (data obrascheniya: 20.05.2022).
22. URL: <https://www.wipo.int/amc/en/domains/search/text.jsp?case=D2013-1651>
23. Naumov V., Korolev D. Processual'nyj status UDRP v Rossii: vozmozhnosti i paradoksy. — URL: <http://www.russianlaw.net/law/doc/a32.htm>
24. Ukaz Prezidenta RF ot 5 dekabrya 2016 g. No 646 "Ob utverzhdenii Doktriny informacionnoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii" // SPS "Konsul'tantPlyus".
25. Savel'ev A.I. Elektronnaya kommerciya v Rossii i za rubezhom: pravovoe regulirovanie. 2-e izd. M: Staut, 2016 g. // SPS "Konsul'tantPlyus".
26. Prikaz Roskomnadzora ot 29 iyulya 2019 g. No 216 "Ob opredelenii perechnya grupp domennyh imen, sostavlyayushchih rossijskuyu nacional'nyu domennuyu zonu" // SPS Konsul'tantPlyus.
27. URL: https://www.wipo.int/amc/en/domains/statistics/countries_yr.jsp?party=R&country_id=147
28. URL: <https://www.wipo.int/amc/en/domains/search/text.jsp?case=D2021-1020>
29. URL: <https://www.wipo.int/amc/en/domains/search/text.jsp?case=D2021-1325>
30. URL: <https://www.wipo.int/amc/en/domains/decisions/text/2016/d2016-0137.html>
31. URL: <https://www.wipo.int/amc/en/domains/decisions/text/2021/d2021-2245.html>
32. URL: <https://www.wipo.int/amc/en/domains/decisions/text/2019/d2019-0006.html>
33. URL: https://www.wipo.int/amc/en/domains/statistics/countries_yr.jsp?party=C&country_id=147
34. URL: <https://www.icann.org/resources/pages/provider-approval-process-2012-02-25-ru>
35. Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 30 dekabrya 2021 g. No 3994-r // SPS "Konsul'tantPlyus".
36. URL: <https://newgtlds.icann.org/en/about/program>
37. Federal'nyj zakon ot 27.07.2006 No 149-FZ (red. ot 30.12.2021) "Ob informacii, informacionnyh tekhnologiyah i o zashchite informacii" // SPS "Konsul'tantPlyus".
38. Soglashenie ob administrirovanii domena verhnego urovnya. — URL: <https://newgtlds.icann.org/sites/default/files/agreements/agreement-approved-31jul17-ru.pdf>
39. Reglament (ES) 2019/517 Evropejskogo parlamenta i Soveta ot 19marta 2019 goda o vnedrenii i funkcionirovanii domennogo imeni verhnego urovnya.eu i vnesenii izmenenij i otmene Reglamenta (ES) No 733/2002 i otmene Reglamenta (ES) No 874/2004 Komissii. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32019R0517>
40. URL: <https://cctld.ru>
41. URL: <https://riprn.su>
42. URL: <http://rusnames.ru>
43. URL: <https://domain.tatar>
44. URL: <https://faitid.org/ru>
45. URL: <http://dotdeti.ru>
46. URL: https://cctld.ru/registrators/accr_sogl.pdf
47. URL: https://riprn.su/wp-content/uploads/accr_aggr_su.pdf
48. Federal'nyj zakon "O tretejskih sudah Rossijskoj Federacii" ot 24.07.2002 No 102-FZ // SPS "Konsul'tantPlyus".
49. Federal'nyj zakon ot 29 dekabrya 2015 g. No 382-FZ "Ob arbitrazhe (tretejskom razbiratel'stve) v Rossijskoj Federacii" // SPS "Konsul'tantPlyus".
50. URL: <https://mkas.tpprf.ru/ru/Stat/page.php>
51. URL: https://centerarbitr.ru/wp-content/uploads/2022/04/GO-2021_ru.pdf
52. URL: https://www.tpprf.ru/ru/reg_docs/files/Ustav%20TPP%20RF_26022021.pdf
53. URL: <https://www.icann.org/resources/pages/schedule-2012-02-25-en>

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В НЕКОТОРЫХ СТРАНАХ

HISTORICAL RETROSPECTIVE OF THE LEGAL REGULATION OF PERSONAL DATA IN SOME COUNTRIES

Дмитрий Юрьевич САПРОНОВ

Высшая школа государственного аудита (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская
Федерация,
braingeek@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4465-1978>

Информация об авторе

Д.Ю. Сапронов — ведущий инженер Высшей школы государственного аудита (факультет) МГУ имени М.В. Ломоносова

Аннотация. В статье анализируется эволюция законодательства в области обработки персональных данных в разных странах. Исследуются предпосылки появления национальных нормативных актов, регулирующих защиту личной информации. Рассматривается влияние информационно-коммуникационных технологий на развитие и изменение общественных отношений, связанных с обработкой персональных данных. Исследуется формирование законодательства в области защиты персональных данных в Европе. Анализируется формирование законодательства по защите личной информации в Соединенных Штатах Америки, рассмотрен California Consumer Privacy Act. Кроме того, изучено законодательство КНР, связанное с защитой персональных данных. Уделено внимание основным положениям правового регулирования персональных данных в рассматриваемых странах, выявлены правовые конструкции, которые в значительной степени усиливают эффективность используемых подходов к регулированию оборота персональных данных. Среди таких конструкций можно выделить разделение персональных данных на категории по степени важности, категорирование информационных систем, обрабатывающих личную информацию, обязательный аудит таких систем, уведомление пользователей о передаваемых данных третьим лицам,

- обязательное возмещение операторами персональных
- данных ущерба владельцам из-за их утечки.
- Использование передового зарубежного опыта
- та положительным образом скажется на повышении
- защищенности персональных данных граждан. Именно
- но поэтому в процессе рассмотрения зарубежного
- законодательства акцент сделан на правовых подходах,
- адаптация которых к российскому законодательству по-
- зволила бы более эффективно и полно защищать пер-
- сональные данные. Это связано с тем, что российское
- законодательство, регулирующее оборот персональ-
- ных данных, требует скорейшего совершенствования,
- поскольку общественные отношения в этой области ко-
- ренным образом изменились, в том числе из-за повсе-
- местного внедрения автоматизированной обработки
- личной информации. Именно повсеместное внедрение
- автоматизированной обработки персональных данных
- оказало значительное влияние на пересмотр подходов
- к защите персональных данных в разных странах.

- **Ключевые слова:** персональные данные; защита инфор-
- мации; национальное законодательство; информаци-
- онное право; права человека; право на приватность;
- защита персональных данных; приватность

- **Для цитирования:** Сапронов Д.Ю. Историческая ре-
- троспектива правового регулирования персональных
- данных в некоторых странах // Труды по интеллекту-
- альной собственности (Works on Intellectual Property).
- 2022. Т. 42, № 3. С. 26–31;
- DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.15931>

Dmitry Yurievich SAPRONOV

Higher School of Public Audit (faculty), M.V. Lomonosov'
Moscow State University, Moscow, Russian Federation,

braingeek@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4465-1978>

Information about the author

Sapronov D.Yu. — Senior Engineer of the Higher School of Public Audit (faculty), M.V. Lomonosov' Moscow State University

Abstract. The article analyzes the evolution of legislation in the field of personal data processing in different countries of the world. The prerequisites for the emergence of national regulations regulating the protection of personal information are investigated. The influence of information and communication technologies on the development and change of public relations related to the processing of personal data is considered. The formation of legislation in the field of personal data protection in Europe is being investigated. The formation of legislation on the protection of personal information in the United States of America is analyzed, the California Consumer Privacy Act is considered. In addition, the article examines the legislation of the People's Republic of China related to the protection of personal data. The article examines the main provisions of the legal regulation of personal data in the countries under consideration, identifies legal structures that significantly enhance the effectiveness of the approaches used to regulate the turnover of personal data. Among such constructions, it is possible to distinguish the division of personal data into categories, according to the degree of importance, categorization of information systems processing personal information, mandatory audit of such systems, rules related to notifying users about the data transferred to third parties, mandatory compensation by personal data operators for damage to owners due to their leakage.

The use of advanced foreign experience will have a positive impact on improving the protection of personal data of citizens, which is why, in the process of reviewing foreign legislation, attention is focused on legal approaches, the adaptation of which to Russian legislation would make the protection of personal data more effective and complete. This necessity relates to the fact that the Russian legislation regulating the turnover of personal data requires speedy improvement, since public relations in this area have radically changed, including due to the widespread introduction of automated processing of personal information. It is the widespread introduction of automated processing of personal data that is the factor that has had a significant impact on the revision of approaches to the protection of personal data in different countries.

Keywords: personal data; information protection; national legislation; information law; human rights; right to privacy; protection of personal data; privacy

- **For citation:** Sapronov D.Yu. Historical retrospective of the
- legal regulation of personal data in some countries // Trudi
- po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual
- Property). 2022. Vol. 42 (3). P. 26–31;
- DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.15931>

Основная часть базовых международных актов, в которых закреплено неотъемлемое право человека на тайну частной жизни, разработана в то время, когда информационно-коммуникационные технологии находились на раннем этапе развития и не были настолько широко распространены, как сейчас. На момент разработки и принятия международных нормативных актов, содержащих нормы о защите личной жизни, большая часть персональных данных обрабатывалась в ручном режиме и не была автоматизирована. Кроме того, многие процессы и процедуры до широкого распространения информационно-коммуникационных технологий не требовали хранения такого количества персональных данных. С течением времени информационно-коммуникационные технологии кардинально изменили отношение общества к защите персональных данных. Персональные данные не только стали средством идентификации личности, но и превратились в товар, потребителями которого могут быть: банковский сектор, компании, занимающиеся поиском сотрудников, маркетологи, микрофинансовые организации и др. Объем персональных данных — запрашиваемых, хранимых, передаваемых и обрабатываемых — многократно вырос.

Кроме того, количество способов, которыми можно получить персональные данные человека, с середины XX в. увеличилось, а сами способы стали менее трудозатратными и не всегда требуют от того, кому принадлежат эти данные, осознанного согласия на их предоставление другой стороне. Все это приводит к тому, что неотделимое право человека на тайну личной жизни, закрепленное в международных и национальных нормативно-правовых актах, в наше время все чаще нарушается. Для решения этой задачи необходимо разработать новые подходы и принципы, закрепить их в новых международных правовых актах, которые будут служить ориентиром для совершенствования национальных законодательств.

Среди принципов, которые необходимо будет закрепить в новых международных документах, — принцип обязательного уведомления владельца персональных данных в случае их передачи третьим лицам с обозначением целей передачи, а также обязательной выплаты компенсации со стороны операторов персональных данных людям, чьи данные были украдены.

Национальное законодательство, регулирующее отношения в области персональных данных, начало формироваться во второй половине XX в. Появление таких нормативных актов стало следствием автоматизации процесса обработки персональных данных. Это произошло в 70-х годах прошлого века, когда хранение и обработка информации, в том числе и персональных данных, стали возможны не только в бумажной, но и в электронной форме.

Первый закон, регулирующий автоматизированную обработку персональных данных, был принят в 1970 г. в ФРГ властями земли Гессен [1], документ не был общегосударственным. Указанный акт регулировал автоматизированную обработку персональных данных на муниципальном уровне, при сборе налогов, оказании услуг ЖКХ и т.д. Действие документа не распространялось на частный сектор, он относился только к деятельности муниципальных властей и их подрядчиков.

Первым общегосударственным нормативным актом, регулирующим отношения, связанные с персональными данными, стал Шведский Datalagen [2], принятый в 1973 г. На момент принятия закона Швеция была одной из самых компьютеризированных стран, значительная часть данных государственных органов с 60-х годов хранилась на магнитных лентах. Принятие этого нормативного акта было вызвано обеспокоенностью правительства Швеции неурегулированностью отношений, связанных с хранением и обработкой персональных данных.

В отличие от закона, ранее принятого в земле Гессен (ФРГ), действие шведского нормативного акта распространялось и на частный сектор. Другой особенностью было то, что единых правил обработки данных в законе сформулировано не было. Правила формулировались индивидуально при обращении в Инспекцию по защите данных (Data Inspection Board) для выдачи лицензии на право автоматической обработки персональных данных. Выдача лицензий на электронную обработку персональных данных в то время была возможна по причине того, что подобный вид хранения и обработки не имел такого широкого распространения, как в настоящее время.

Однако стоит отметить, что лицензирование средних и крупных операторов персональных данных

позволяет более полно контролировать исполнение действующих норм, регулирующих электронную обработку персональных данных, а индивидуальные условия хранения дают возможность конкретизировать их для каждого оператора персональных данных, что может положительно сказаться на безопасности хранимой информации. Этот же закон регулировал трансграничную передачу персональных данных, вследствие чего организации, которые попадали под действие этой нормы, были вынуждены получить специальную лицензию.

В 1993 г. закон был пересмотрен по причине того, что в нем не учитывалось появление телекоммуникационных сетей, в частности интернета. В 1995 г. Швеция вступила в Европейский союз и стала внедрять общеевропейские нормы, регулирующие обращение с персональными данными.

В 1974 г. в США был принят Privacy Act, регулирующий сбор, обработку, использование и распространение персональных данных в системах государственных органов [3]. Помимо этого закон регулировал вопросы оповещения граждан о системах регистрации государственных органов и раскрытия их записей, доступа граждан к записям, содержащим сведения о них, и внесения изменений в эти записи, запрет на разглашение информации и исключения, когда информация может быть предоставлена третьим лицам.

Принятые нормы не относились к частному сектору и регулировали только деятельность государственных органов. Такой подход был связан с высокой стоимостью компьютерного оборудования, вследствие чего автоматизированная обработка персональных данных производилась в основном государственными агентствами США.

В 1988 г. был принят The Computer Matching and Privacy Protection Act, который добавил определенные меры защиты для владельцев персональных данных [4]. Отметим, что отношения в частном секторе также не были урегулированы. Законодательство США по защите персональных данных представляет собой конгломерат федеральных и местных актов. На федеральном уровне регулируются хранение и обработка персональных данных: банковские операции [5, 6], телекоммуникации [7], медицинская сфера [8], сбор данных о детях младше 13 лет [9]. Важным этапом эволюции законодательства США в области регулирования оборота персональных данных является принятие и вступление в силу с 1 января 2020 г. California Consumer Privacy Act [10], или CCPA. Этот нормативный акт в определенной степени перекликается с европейским GDPR, однако имеет и отличия: например, оператор не обязан получать согласие на обработку данных от пользователя.

Кроме того, интерес представляет правовая конструкция, связанная со случаем утери или кражи данных: если такое происходит, то оператор должен заплатить каждому пользователю, чьи данные это коснулось, от 100 до 750 долларов. Также закон запрещает дискриминацию пользователей, которые отказались предоставить свои данные. Однако для тех, кто согласился предоставить свои данные, может быть введена система скидок и поощрений. Такой подход может в будущем сформировать конструкцию, при которой компании будут в той или иной форме покупать у пользователей их персональные данные.

Основная часть нормативных актов по защите персональных данных в США принималась по мере того, как расширялось использование информационно-коммуникационных технологий в тех или иных секторах экономики и общественные отношения претерпевали все большие изменения. Тот факт, что обработка персональных данных регулируется не одним, а несколькими нормативными актами для каждой сферы применения, позволяет более полно урегулировать общественные отношения. Поскольку в каждой области есть своя специфика работы с персональными данными, использование единых требований к защите такой информации может не учитывать каких-то особенностей конкретных отношений. В результате возможны как случаи избыточного регулирования, так и ситуации, когда отношения, связанные с персональными данными в какой-то отрасли, будут отрегулированы нормами права не полностью.

Возможно, российскому законодателю стоит обратить внимание на некоторые принципы, используемые в США для защиты персональных данных. Положительный эффект могло бы оказать введение обязательной компенсации со стороны операторов персональных данных людям, чьи данные были украдены. Это способствовало бы повышению внимания компаний к защите персональных данных.

В Китае первый общегосударственный закон о кибербезопасности, регулирующий отношения, связанные с персональными данными, был принят в 2017 г. До этого действовали десятки норм в разных отраслях. В соответствии с принятым документом для информационных систем вводится градация по степени влияния на безопасность государства: всего таких уровней пять [11]. К первым двум уровням относятся информационные системы, не оказывающие влияния на национальную безопасность. Принадлежность компьютерных систем к третьему и последующим уровням обязывает компании, владеющие персональными данными, раз в два года проходить аудит у одного из агентств-подрядчиков и отчитываться перед Бюро общественной безопасности.

Такая градация позволяет более полно регулировать функционирование информационных систем, хранящих и обрабатывающих важную для государства информацию. Полнота регулирования достигается за счет дифференциации требований функционирования к разным классам систем, подобный подход позволит избежать ситуации, когда эти требования функционирования избыточны или (в случае больших, сложных и важных для государственной безопасности систем) недостаточны.

Следствием обязательности периодического аудита у проверенных подрядчиков и предоставления результатов проверки в соответствующий государственный орган может стать актуализация базы критически важных информационных систем, а также их состояния и соответствия требованиям, предъявляемым к данному классу систем.

Еще одной важной нормой принятого в КНР закона является регулирование трансграничной передачи информации, по этой причине многие транснациональные компании были вынуждены перенести хранение информации о китайских пользователях своих сервисов в дата-центры, расположенные на территории Китая. Таким образом, правительство КНР пошло по пути централизации регулирования отношений, связанных с персональными данными, однако дифференцированный подход к системам обработки персональных данных позволяет более полно урегулировать обработку персональной информации о гражданах. Возможно, отдельные элементы китайского опыта регулирования персональных данных стоило бы применить и в России. К их числу можно отнести разделение информационных систем на классы и независимый аудит информационных систем с последующим предоставлением информации национальному регулятору.

Анализируя зарубежный опыт правового регулирования автоматизированного хранения и обработки персональных данных, можно сделать вывод о том, что первые нормативные акты, регулирующие эту сферу, стали приниматься в 70-х годах прошлого века. Повсеместное их появление связано со сменой этапов развития информационных технологий, увеличением роли вычислительной техники при обработке персональных данных и появлении компьютерных сетей и интернета.

С развитием информационно-коммуникационных технологий подвергались изменениям и нормы права, регулирующие соответствующие отношения. В Швеции, Германии, а позднее в Европейском союзе и Китае это породило централизованную модель регулирования, а в США и ряде других стран прижилась децентрализованная модель законодательства по защите персональных данных.

Централизованная модель регулирования персональных данных подразумевает, что регулирование хранения, обработки и использования персональных данных физических лиц основано на единых подходах, которые закреплены в одном общегосударственном нормативном акте, и контролируется одним контрольным органом. Для децентрализованной системы характерны наличие отраслевых нормативных актов и отсутствие единых подходов к регулированию использования персональных данных, а также отсутствие единого контрольного органа. Частным случаем является смешанная система регулирования использования персональных данных, для нее характерно наличие одного или нескольких признаков централизованной или децентрализованной системы. В целях совершенствования российского законодательства, регулирующего защиту персональных данных российскими законодателями, следовало бы использовать опыт КНР, ЕС и США в этой области, переработав его под отечественные реалии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Datenschutzgesetz. Gesetz- und Verordnungsblatt. — Текст: электронный // Landtagsinformationssystem: [сайт]. — URL: <https://starweb.hessen.de/cache/GVBL/1970/00041.pdf#page=1> (дата обращения: 28.06.2022).
2. Datalag (1973:289). — Текст: электронный // Notisum: [сайт]. — URL: <http://www.notisum.se/rnp/document/?id=19730289> (дата обращения: 28.06.2022).
3. The Privacy Act. — Текст: электронный // CIA: [сайт]. — URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/pa.pdf> (дата обращения: 28.06.2022).
4. The Computer Matching and Privacy Protection Act. — Текст: электронный // CIA: [сайт]. — URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP91B00390R000300210007-7.pdf> (дата обращения: 28.06.2022).
5. Gramm-Leach-Bliley Act. — Текст: электронный // U.S. Government Publishing Office: [сайт]. — URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-106publ102/pdf/PLAW-106publ102.pdf> (дата обращения: 28.06.2022).
6. Fair Credit Reporting Act. — Текст: электронный // Federal Trade Commission: [сайт]. — URL: https://www.ftc.gov/system/files/545a_fair-credit-reporting-act-0918.pdf (дата обращения: 28.06.2022).
7. Electronic Communications Privacy Act of 1986. — Текст: электронный // Library of Congress: [сайт]. — URL: <https://www.loc.gov/law/opportunities/PDFs/Elect>

- ronicCommunicationsPrivacyAct-PL199-508.pdf (дата обращения: 28.06.2022).
8. Health insurance portability and accountability act. — Текст: электронный // U.S. Department of Health & Human Service: [сайт]. — URL: <https://www.hhs.gov/sites/default/files/ocr/privacy/hipaa/administrative/combined/hipaa-simplification-201303.pdf> (дата обращения: 28.06.2022).
 9. Children's Online Privacy Protection Rule. — Текст: электронный // Federal Trade Commission: [сайт]. — URL: <https://www.ftc.gov/system/files/2012-31341.pdf> (дата обращения: 28.06.2022).
 10. California Consumer Privacy Act of 2018 [1798.100 – 1798.199.100]. — Текст: электронный // California Legislative Information website: [сайт]. — URL: https://leginfo.ca.gov/faces/codes_displayText.xhtml?division=3.&part=4.&lawCode=CIV&title=1.81.5 (дата обращения: 28.06.2022).
 11. China Passes New Cybersecurity Law. — Текст: электронный // Covington & Burling LLC: [сайт]. — URL: https://www.cov.com/-/media/files/corporate/publications/2016/11/china_passes_new_cybersecurity_law.pdf (дата обращения: 28.06.2022).
- ElectronicCommunicationsPrivacyAct-PL199-508.pdf (accessed: 28.06.2022).
 8. Health Insurance Portability and Accountability Act. — Text: electronic // U.S. Department of Health & Human Service: [website]. — URL: <https://www.hhs.gov/sites/default/files/ocr/privacy/hipaa/administrative/combined/hipaa-simplification-201303.pdf> (accessed: 28.06.2022).
 9. Children's Online Privacy Protection Rule. — Text: electronic // Federal Trade Commission: [website]. — URL: <https://www.ftc.gov/system/files/2012-31341.pdf> (accessed: 28.06.2022).
 10. California Consumer Privacy Act of 2018 [1798.100 – 1798.199.100]. — Текст: электронный // California Legislative Information website: [website]. — URL: https://leginfo.ca.gov/faces/codes_displayText.xhtml?division=3.&part=4.&lawCode=CIV&title=1.81.5 (accessed: 28.06.2022).
 11. China Passes New Cybersecurity Law. — Text: electronic // Covington & Burling LLC: [website]. — URL: https://www.cov.com/-/media/files/corporate/publications/2016/11/china_passes_new_cybersecurity_law.pdf (accessed: 28.06.2022).

REFERENCES

1. Datenschutzgesetz. Gesetz- und Verordnungsblatt. — Text: electronic // Landtagsinformationssystem: [website]. — URL: <https://starweb.hessen.de/cache/GVBL/1970/00041.pdf#page=1> (accessed: 28.06.2022).
2. Datalag (1973:289). — Text: electronic // Notisum: [website]. — URL: <http://www.notisum.se/rnp/document/?id=19730289> (accessed: 28.06.2022).
3. The Privacy Act. — Text: electronic // CIA: [website]. — URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/pa.pdf> (accessed: 28.06.2022).
4. The Computer Matching and Privacy Protection Act. — Text: electronic // CIA: [website]. — URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP91B00390R000300210007-7.pdf> (accessed: 28.06.2022).
5. Gramm-Leach-Bliley Act. — Text: electronic // U.S. Government Publishing Office: [website]. — URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-106publ102/pdf/PLAW-106publ102.pdf> (accessed: 28.06.2022).
6. Fair Credit Reporting Act. — Text: electronic // Federal Trade Commission: [website]. — URL: https://www.ftc.gov/system/files/545a_fair-credit-reporting-act-0918.pdf (accessed: 28.06.2022).
7. Electronic Communications Privacy Act of 1986. — Text: electronic // Library of Congress: [website]. — URL: <https://www.loc.gov/law/opportunities/PDFs/>

НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И ОГРАНИЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ В НИХ

SOME LEGAL FEATURES OF MEDIA REGULATION

AND RESTRICTIONS ON INFORMATION IN THE MEDIA

Дмитрий Геннадьевич ТКАЧЕНКО

Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования Московский экономический институт, Москва, Российская Федерация, Dmitriyforest1985@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2501-5981>

Информация об авторе

Д.Г. Ткаченко — преподаватель Московского экономического института

Аннотация. Средства массовой информации всегда играли значительную роль в жизни людей. Правовое регулирование средств массовой информации совершенствовалось в соответствии с уровнем научно-технического прогресса, возможностью использовать технологии и технические устройства для передачи и воспроизведения информации. Нормативно-правовой базис, который регулирует средства массовой информации, качественно зависит от принадлежности национального государства к правовой семье стран, от правовых традиций и тенденций развития права в рамках национального права, от толкования конституционных норм права в государстве, от соотношения конституционных норм права и международных норм права.

Особенности средств массовой информации — это направленность распространения информации для широкого неопределенного круга лиц, стремление передать конкретную информацию максимально большому числу людей, важность передать информацию об определенном факте, объекте с помощью самых современных средств связи и технологий.

Развитие современных технологий отображается в законодательстве о средствах массовой информации. Взаимодействие средств массовой информации с отдельными категориями лиц и некоторыми видами

- информации регламентируется специальными нормами
- права. Интересы национальной безопасности Российской Федерации требуют обеспечить распространение
- качественной, достоверной информации, не содержащей
- фейков, и предотвратить распространение сведений, содержащих государственную и военную тайну.

- **Ключевые слова:** средства массовой информации; уголовное право; уголовное законодательство; административное право; цифровое право; информационное право; гражданское право; авторское право; свобода слова; гласность; противодействие преступности

- **Для цитирования:** Ткаченко Д.Ю. Некоторые правовые особенности регулирования средств массовой информации и ограничения информации в них // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2022. Т. 42, № 3. С. 32–41; DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.15932>

Dmitry G. TKACHENKO

Non-state Educational Private Institution of Higher Education Moscow Economic Institute, Moscow, Russia, dmitriyforest1985@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2501-5981>

Information about the author

D.G. Tkachenko — lecturer of Moscow Economic Institute

- **Abstract.** The media has always played a significant role in people's lives. The legal regulation of the mass media improves with scientific and technological progress, new technologies, and devices for information transmission and reproduction. The legal basis of media regulation depends qualitatively on the belonging to the legal family of states,

В настоящее время отсутствует нормативно-правовой акт, предписывающий единообразную форму таких указаний (маркировки) о запрещенных на территории Российской Федерации организациях, который был обязателен для всех средств массовой информации, в том числе выходящих в цифровом виде и в интернете [57, с. 140]. За упоминание в средствах массовой информации террористических организаций без должного указания на факт запрета деятельности данных организаций на территории Российской Федерации Кодекс РФ об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) устанавливает санкцию, согласно ч. 2 ст. 13.15, а за производство и распространение экстремистских материалов — согласно ст. 20.29 КоАП РФ [43, с. 99].

В Кодексе РФ об административных правонарушениях есть ст. 13.15 КоАП РФ «Злоупотребление свободой слова» [6, с. 23]. Формулировка данной статьи потенциально может иметь широкую трактовку по отношению к средствам массовой информации [4, с. 18]. Журналисты, блогеры, владельцы ряда средств массовой информации в интернет-пространстве идут на всевозможные ухищрения, чтобы привлечь внимание к своему материалу [15, с. 46].

В сфере правового регулирования средств массовой информации огромное значение имеет Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [40, с. 191]. Согласно ст. 3 данного закона, ограничение доступа к информации производится федеральными законами [41, с. 346]. К числу нормативно-правовых актов, которые могут устанавливать ограничения на доступ к информации, относятся Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне», Федеральный закон от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне», Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» [42, с. 54] и т. д.

В настоящее время в Российской Федерации действует ряд нормативно-правовых актов, направленных на противодействие распространению недостоверной и ложной информации [47, с. 150]. Пандемия коронавируса стала поводом к принятию данных нормативно-правовых актов: во время пандемии многие блогеры и представители средств массовой информации желали добиться максимальной популярности, большего количества комментариев, и для достижения этой цели они распространяли непроверенную, недостоверную информацию через свои сайты [52, с. 27].

Защита граждан от ложной информации производится посредством норм об административной

ответственности и уголовного законодательства [12, с. 306]. Так, Уголовный кодекс Российской Федерации был дополнен ст. 207.1, которая предусматривает санкции для физических лиц, распространяющих ложную информацию при обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан [50, с. 148]. Данная норма уголовного права была введена Федеральным законом от 1 апреля 2020 г. № 100-ФЗ [54, с. 52]. В то время, когда специалисты в сфере медицины спасали людей от коронавируса, некоторые несознательные граждане занимались распространением заведомо ложной информации о коронавирусе и вакцинах от него, тем самым препятствуя спасению жизней людей и способствуя распространению данного вирусного заболевания с более тяжелыми для здоровья людей последствиями [4, с. 18].

Средства массовой информации, распространяющие сведения в интернете и нарушающие при этом законодательство Российской Федерации, могут быть заблокированы в случае размещения противозаконной информации [7, с. 133]. Вносить в Единый реестр запрещенных сайтов (точное название — Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено) могут в российской юрисдикции при наличии достаточных поводов для блокировки [14, с. 345]. Основанием для блокировки может быть жалоба, направленная в Роскомнадзор [48, с. 60]. МВД России, Роспотребнадзор (а ранее, до ее упразднения, и Федеральная служба Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков) обладают правом обращаться в Роскомнадзор [49, с. 233] с требованием блокировки сайта в связи с нарушением закона [46, с. 124]. Жалоба, подаваемая в Роскомнадзор, может содержать скриншоты, подтверждающие факт правонарушения со стороны средства массовой информации [53, с. 86]. В тексте жалобы на правонарушение со стороны средства массовой информации должно быть четкое и ясное обоснование факта правонарушения, сделанного средством массовой информации [35, с. 88].

В связи с начавшейся в феврале 2022 г. на территории Украины специальной военной операцией для установления дисциплины в вопросе предоставления достоверной и точной информации были внесены дополнения в уголовное законодательство и Кодекс об административных правонарушениях [20, с. 206]. Так, КоАП РФ был дополнен ст. 20.3.3, говорящей об административной ответственности за дискреди-

тацию использования Вооруженных сил Российской Федерации в целях защиты России и граждан России, для поддержания международного мира [11, с. 24]. Объектом правонарушения в данной юридической конструкции являются действия, то есть активные деяния, цель которых — ухудшение имиджа (то есть дискредитация) Вооруженных сил РФ [23, с. 480]. Следовательно, правонарушением может быть как дискредитирующая публикация в средствах массовой информации, так и размещение дискредитирующей Вооруженные силы РФ информации в аудио- или видеформате [24, с. 3]. Повторное нарушение ст. 20.3.3 КоАП РФ может вести к возникновению уголовной ответственности по ст. 207.3 Уголовного кодекса Российской Федерации [51, с. 167]. Так производится регулирование качества распространяемой информации о Вооруженных силах Российской Федерации в средствах массовой информации и повышается ответственность сотрудников СМИ [10, с. 93].

Сотрудники правоохранительных органов при взаимодействии со средствами массовой информации руководствуются как федеральными законами, так и специальными нормативно-правовыми актами, актуальными внутри соответствующего министерства или ведомства [33, с. 85]. В предоставляемой сотрудниками правоохранительных органов информации должна быть соблюдена защита персональных данных тех, кто осуществляет оперативно-розыскные действия и оперативно-розыскные мероприятия по поиску и задержанию правонарушителей [31, с. 254]. Для защиты персональных данных сотрудников правоохранительных органов на видеосъемке применяются цифровые технологии для сокрытия лица и искажения голоса [9, с. 114].

Ограничение доступа к персональным данным сотрудников внутренних дел для средств массовой информации производится на основании ст. 39 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1, с. 80].

Перед тем как опубликовать в средствах массовой информации видеосъемку оперативно-розыскных мероприятий и оперативно-розыскных действий, учитывая необходимость защиты персональных данных сотрудников правоохранительных органов [2, с. 86], представители правоохранительных органов соблюдают правила защиты информации, которая охраняется нормами права об оперативно-розыскной деятельности, уголовно-процессуальным законодательством, уголовно-исполнительным законодательством [56, с. 451]. Защита персональных данных свидетелей уголовного правонарушения при предоставлении инфор-

мационного материала работникам средств массовой информации является важной частью проводимой сотрудниками правоохранительных органов работы на основании п. 5 и 6 ст. 14 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 28.06.2022) «Об оперативно-розыскной деятельности» [8, с. 240].

Согласно ст. 7 Федерального закона от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности», к профессиональной тайне органов федеральной службы безопасности относится информация, не содержащая сведений, составляющих государственную и иную охраняемую законом тайну, однако ее разглашение (распространение) может создать угрозу собственной безопасности органов федеральной службы безопасности и (или) нанести ущерб их репутации. Данная информация не подлежит публикации в средствах массовой информации [32, с. 42].

Действующее законодательство допускает возможность регистрации сайта в качестве средства массовой информации [6, с. 23]. При подаче заявления о регистрации сайта в качестве средства массовой информации в заявлении следует указать, в частности, доменное имя сайта в интернете [5, с. 9]. В то же время сайты, не зарегистрированные в качестве СМИ, не являются средством массовой информации, что не освобождает владельца сайта от юридической ответственности за размещенную на сайте информацию [3, с. 40].

Регистрация сайта в качестве средства массовой информации ведет к юридическим последствиям: возникают специфические права и обязанности [32, с. 42]. Так, регистрация сайта в качестве средства массовой информации дает право получать аккредитацию, а также официально запрашивать информацию о работе государственных органов власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и их должностных лиц [29, с. 169]. Одновременно регистрация сайта в качестве средства массовой информации накладывает обязательство нести ответственность за размещенную на сайте недостоверную информацию [28, с. 142].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Адаховская С.В., Кобленков А.Ю. Защита персональных данных сотрудника полиции от видеозаписи и незаконного распространения в средствах массовой информации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 3 (51). С. 79–83.
2. Аминов Д.И. Роль средств массовой информации в продуцировании правосознания социума в условиях пандемии // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 2. С. 86–88.

3. Ананишнев В.М., Осмоловская С.М., Ткаченко А.В. Медиа как средство воздействия массовой информации на жизнедеятельность человека // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Философские науки. 2021. № 1 (37). С. 40–48.
4. Антипов А.И. Криминализация деяний, совершаемых с использованием СМИ и (или) информационно-телекоммуникационных сетей // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2020. № 3 (5). С. 18–28.
5. Артемова К.В., Рекунова А.В., Бибина Н.М. Средства массовой информации как фактор, влияющий национальную безопасность // Государственная власть и управление: проблемы и перспективы: материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Саранск: Средне-Волжский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). 2020. С. 9–14.
6. Багаутдинов Ф.Н. Прокурор и средства массовой информации в современных условиях // Законность. 2020. № 10 (1032). С. 22–26.
7. Белоногова Е.К. Роль средств массовой информации в борьбе с коррупцией // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 43. С. 1333–1336.
8. Беседина К.Р., Яковлева Е.О. Взаимодействие средств массовой информации и правоохранительных органов в системе предупреждения преступности // Государство и право: проблемы и перспективы совершенствования: сб. научных трудов 4-й Международной научной конференции. В 2-х томах. Курск, 2021. С. 240–243.
9. Богданова К.В. Организационно-правовой аспект взаимодействия сотрудников органов внутренних дел со средствами массовой информации // Научный портал МВД России. 2021. № 3 (55). С. 114–120.
10. Бокижанова Г.К., Мусабекова Ю.В. Модели агрессии в средствах массовой информации // Актуальные проблемы современности. 2021. № 2 (32). С. 93–96.
11. Болотина Т.А., Булах И.В. Взаимодействие государства и средств массовой информации в Донецкой Народной Республике на основе зарубежного опыта // Сборник научных работ серии «Государственное управление». Донецк: Донецкая академия управления и государственной службы при главе ДНР, 2021. № 22. С. 23–29.
12. Браженская Н.Е., Чернобродов Е.Р. Средства массовой информации как один из основных механизмов формирования имиджа сотрудника полиции // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2019. Т. 24. № 3 (78). С. 306–311.
13. Булацев Т.А. К вопросу об осуществлении классификации организаций, осуществляющих выпуск средств массовой информации // Актуальные проблемы права: сб. научных статей магистрантов. Владикавказ: ГТУ, 2021. С. 18–25.
14. Буцко Д.А. Фейковые гипотезы рукотворного происхождения SARS-COV-2, представленные в средствах массовой информации // Инновации и технологии в биомедицине: научное электронное издание. 2021. С. 344–348.
15. Бышева Ю.В. Роль средств массовой информации в оптимизации противодействия коррупции // Законность и правопорядок. 2021. № 2 (30). С. 46–49.
16. Ворожцова А.Ю., Харисова К.Р. Ключевая роль средств массовой информации в формировании общественного мнения // Инновации. Наука. Образование. 2020. № 23. С. 2815–2822.
17. Гайдай М.К., Грибунов О.П. Деятельность полиции сквозь призму правового сознания студенческой молодежи // Философия права. 2019. № 3 (90). С. 155–160.
18. Гайдай М.К., Грозин С.Ю. Роль СМИ в оценке деятельности полиции // Юристы-Правоведы. 2020. № 3 (94). С. 195–198.
19. Гаврилов М.А. Роль средств массовой информации в антикоррупционном просвещении граждан: вопросы взаимодействия с органами прокуратуры // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 6. № 1 (11). С. 28–32.
20. Гончаренко О.Н., Краснолобов А.Е. Региональный опыт взаимодействия правоохранительных органов и СМИ в предупреждении преступности // Перспективные разработки и прорывные технологии в АПК: сб. материалов национальной научно-практической конференции. Тюмень: ГАУ Северного Зауралья, 2020. С. 206–211.
21. Давыденко Н.С. К вопросу о защите авторских прав в средствах массовой информации // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2020. № 1 (38). С. 87–89.
22. Дигор А.Ф. Влияние средств массовой информации на общественное доверие к сотрудникам полиции // Передовое развитие современной науки как драйвер роста экономики и социальной сферы: сб. статей V Международной научно-практической конференции. Петрозаводск, 2021. С. 291–296.
23. Егоровцева Е.Д. Медиаобраз государства и роль современных средств массовой информации в его формировании // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 37. С. 480–486.
24. Завгородняя В.Н. Социальные сети: проблемы юридического определения и соотношения с правовым режимом электронных средств массовой информации // Журнал гражданского и уголовного права. 2020. № 7 (1). С. 3–10.

25. Зиберов С.В. Формирование положительного образа следователя в средствах массовой информации // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 2 (56). С. 134–137.
26. Зотова Е.М. Возбуждение уголовных дел в следственных органах Следственного комитета Российской Федерации по материалам средств массовой информации // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 41. С. 409–414.
27. Ивлиев П.В., Кондрашов С.В. Проблемы правового статуса средства массовой информации, выполняющего функции иностранного агента // Евразийский юридический журнал. 2020. № 11 (150). С. 157–158.
28. Игинова Р.В., Хомутцова П.Ф., Плясунова А.С. Влияние средств массовой информации на индустрию моды, общество и экологию // Влияние новейших технологий, СМИ и интернета на образование, язык и культуру: сб. статей по материалам Всероссийской (с международным участием) научно-практической студенческой конференции / под ред. Л.Д. Торосян, Г.Г. Слышкина. М.: Центр гуманитарной подготовки Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2020. С. 141–147.
29. Ишигеев В.С., Исакова Е.А. Влияние искусства и средств массовой информации на формирование правосознания средств массовой информации // Философия права. 2021. № 1 (96). С. 169–172.
30. Квитчук А.С., Лаврентьева И.С. Использование возможностей средств массовой информации в правоохранительной деятельности по обеспечению безопасности дорожного движения // Безопасность дорожного движения. 2021. № 4. С. 15–21.
31. Ковальчук В.О. Роль средств массовой информации в предупреждении преступности // Вестник Луганской академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко. 2021. № S1. С. 254–259.
32. Крылов А.В. Использование средств массовой информации при раскрытии и расследовании уголовных дел о дорожно-транспортных происшествиях и их предупреждении // Сборник публикаций преподавателей и студентов по итогам факультетских, межвузовских и международных научно-практических конференций в декабре 2020 г. М., 2021. С. 42–54.
33. Крылов А.В., Безруков Ю.Н. Значение дезинформации злоумышленников и роль средств массовой информации в ее реализации // Сборник публикаций преподавателей и студентов по итогам факультетских, межвузовских и международных научно-практических конференций в декабре 2019 г. / под ред. В.Д. Серякова. М., 2020. С. 85–98.
34. Лобач Д.В., Титов Д.И. Некоторые аспекты взаимодействия судов со средствами массовой информации // Вопросы устойчивого развития общества. 2020. № 9. С. 125–129.
35. Лукьянова Е.А. Влияние закона «О полиции» на эффективность взаимодействия правоохранительного органа со средствами массовой информации // Синергия наук. 2021. № 56. С. 88–92.
36. Мальцева В.В. Влияние средств массовой информации на формирование массового сознания // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. 2021. Т. 1. С. 234–240.
37. Мартын Д.Э. Средства массовой информации ХМАО-Югры в системе профилактики преступлений // Стратегические направления противодействия преступности на национальном и транснациональном уровнях: сб. научных трудов по материалам международной научно-практической конференции / под ред. В.А. Авдеева, С.В. Розенко. Ханты-Мансийск: Югорский государственный университет, 2020. С. 267–275.
38. Матвеев А. Защита права на наименование средства массовой информации // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2021. № 9. С. 10–18.
39. Мирошниченко О.Н., Михайлова М.С. Взаимодействие институтов гражданского общества и средств массовой информации с органами власти // Вестник Чебоксарского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 2020. № 2 (21). С. 18–28.
40. Михайлов М.Я. Освещение преступлений в новостях как профилактика преступности // Инновационные исследования: опыт, проблемы внедрения результатов и пути решения: сб. статей Международной научно-практической конференции. Уфа: Аэтерна, 2020. С. 190–193.
41. Меркушина Е.А. Развитие региональных средств массовой информации под влиянием информационно-технологических инноваций // Культура в фокусе научных парадигм. 2020. № 10-11. С. 345–352.
42. Мордвинов К.В., Удавихина У.А. Имидж правоохранительных органов: актуальное состояние и практики его улучшения // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2021. № 3. С. 53–60.
43. Муллажанов Р.Ш. Использование средств массовой информации в оперативно-розыскной деятельности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 5-4 (44). С. 99–101.
44. Нестерова В.Е. Формирование имиджа сотрудника органов внутренних дел средствами массовой информации // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2021. № 1 (54). С. 42–48.

45. Осокина А.А. Проблемы правовой регламентации деятельности средств массовой информации в Российской Федерации // Актуальные вопросы развития современной цифровой среды: сб. статей по материалам научно-технической конференции молодых ученых. Волгоград: Волгоградский филиал РЭУ имени Г.В. Плеханова, 2021. С. 357–364.
46. Рыбаков Д.А., Асеев И.П. Влияние средств массовой информации на формирование общественного мнения в РФ // Управление организационно-экономическими системами: сб. трудов научного семинара студентов и аспирантов института экономики и управления. Самара: Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева. В 2-х частях / под ред. О.В. Павлова. 2020. С. 124–127.
47. Сальников В.С. Интернет-неологизмы в средствах массовой информации // Глобальный научный потенциал. 2021. № 6 (123). С. 150–153.
48. Смаилов О.Х. Взаимодействие правоохранительных органов и средств массовой информации // Вестник Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан. 2019. № 3. С. 60–67.
49. Смирнова Ю.А. Влияние средств массовой информации на подростковую преступность // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 8 (47). С. 233–236.
50. Суконкин А.А. Криминология средств массовой информации // Преступность в СНГ: проблемы предупреждения и раскрытия преступлений: сб. материалов международной научно-практической конференции. Воронеж, 2021. С. 148–149.
51. Терехина Е.О. Принципы взаимодействия подразделений ОВД со средствами массовой информации // Традиционная и инновационная наука: история, современное состояние, перспективы: сб. статей Национальной (Всероссийской) научно-практической конференции. Уфа, 2021. С. 167–170.
52. Тишутина И.В. Организационные и тактические аспекты взаимодействия правоохранительных органов со средствами массовой информации в условиях цифровизации // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2021. № 3. С. 27–30.
53. Тюнь А.П. Роль средств массовой информации в формировании имиджа сотрудников правоохранительных органов // Теория и практика общественного развития. 2021. № 11 (165). С. 86–90.
54. Федотова И.Н., Лукьянова Л.А. Российская уголовно-исполнительная система и средства массовой информации: страницы истории, день сегодняшний // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2021. № 3 (29). С. 52–56.
55. Шведова Д.А. Средства массовой информации как источник формирования общественного мнения о деятельности полиции // Правопорядок в России: проблемы совершенствования. XV Всероссийская конференция: сборник статей. М., 2021. С. 28–33.
56. Шуманина Е.И. Об эффективности взаимодействия следователя с общественностью и средствами массовой информации // Теоретические и практические аспекты предварительного расследования: сб. научных статей. Волгоград, 2020. С. 450–454.
57. Яхонтова О.С., Яхонтов Р.Н. О значимости криминологического мониторинга в средствах массовой информации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 2 (86). С. 137–142.

REFERENCES

1. Adahovskaya S.V., Koblenkov A.Yu. Zashchita personal'nyh dannyh sotrudnika policii ot videozapisi i nezakonnoho rasprostraneniya v sredstvakh massovoy informacii // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2020. No 3 (51). S. 79–83.
2. Aminov D.I. Rol' sredstv massovoy informacii v produkcirovanii pravosoznaniya sociuma v usloviyah pandemii // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2021. No 2. S. 86–88.
3. Ananishnev V.M., Osmolovskaya S.M., Tkachenko A.V. Media kak sredstvo vozdejstviya massovoy informacii na zhiznedeyatel'nost' cheloveka // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki. 2021. No 1 (37). S. 40–48.
4. Antipov A.I. Kriminalizaciya deyanij, sovershaemyh s ispol'zovaniem SMI i (ili) informacionno-telekommunikacionnyh setej // Vestnik Tomskogo instituta povysheniya kvalifikacii rabotnikov FSIN Rossii. 2020. No 3 (5). S. 18–28.
5. Artemova K.V., Rekunova A.V., Bibina N.M. Sredstva massovoy informacii kak faktor, vliyayushchij nacional'nyu bezopasnost' // Gosudarstvennaya vlast' i upravlenie: problemy i perspektivy. materialy III Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Sredne-Volzhskij institut (filial) VGUYu (RPA Minyusta Rossii). 2020. S. 9–14.
6. Bagautdinov F.N. Prokuror i sredstva massovoy informacii v sovremennyh usloviyah // Zakonnost'. 2020. No 10 (1032). S. 22–26.
7. Belonogova E.K. Rol' sredstv massovoy informacii v bor'be s korrupciej // Innovacii. Nauka. Obrazovanie. 2021. № 43. S. 1333–1336.
8. Besedina K.R., Yakovleva E.O. Vzaimodejstvie sredstv massovoy informacii i pravoohranitel'nyh organov v sisteme preduprezhdeniya prestupnosti // Gosudarstvo

- i pravo: problemy i perspektivy sovershenstvovaniya: sbornik nauchnyh trudov 4-j Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. V 2-h tomah. Kursk, 2021. S. 240–243.
9. Bogdanova K.V. Organizacionno-pravovoj aspekt vzaimodejstviya sotrudnikov organov vnutrennih del so sredstvami massovoj informacii // Nauchnyj portal MVD Rossii. 2021. № 3 (55). S. 114–120.
 10. Bokizhanova G.K., Musabekova Yu.V. Modeli agressii v sredstvakh massovoj informacii // Aktual'nye problemy sovremennosti. 2021. No 2 (32). S. 93–96.
 11. Bolotina T.A., Bulah I.V. Vzaimodejstvie gosudarstva i sredstv massovoj informacii v Doneckoj Narodnoj Respublike na osnove zarubezhnogo opyta // Sbornik nauchnyh rabot serii "Gosudarstvennoe upravlenie". 2021. No 22. S. 23–29.
 13. Bulacev T.A. K voprosu ob osushchestvlenii klassifikacii organizacij, osushchestvlyayushchih vypusk sredstv massovoj informacii // Aktual'nye problemy prava: sbornik nauchnyh statej magistrantov. Vladikavkaz, 2021. S. 18–25.
 14. Bucko D.A. Fejkovye gipotezy ruktovornogo proiskhozhdeniya SARS-COV-2, predstavlenyye v sredstvakh massovoj informacii // Innovacii i tekhnologii v biomedicine. Nauchnoe elektronnoe izdanie. 2021. S. 344–348.
 15. Bysheva Yu.V. Rol' sredstv massovoj informacii v optimizacii protivodejstviya korrupcii // Zakonnost' i pravoporyadok. 2021. No 2 (30). S. 46–49.
 16. Vorozhova A.Yu., Harisova K.R. Klyuchevaya rol' sredstv massovoj informacii v formirovanii obshchestvennogo mneniya // Innovacii. Nauka. Obrazovanie. 2020. No 23. S. 2815–2822.
 17. Gajdaj M.K., Gribunov O.P. Deyatel'nost' policii skvoz' prizmu pravovogo soznaniya studencheskoj molodyozhi // Filosofiya prava. 2019. No 3 (90). S. 155–160.
 18. Gajdaj M.K., Grozin S.Yu. Rol' SMI v ocenke deyatelnosti policii // Yurist-Pravoved. 2020. No 3 (94). S. 195–198.
 19. Gavrilov M.A. Rol' sredstv massovoj informacii v antikorrupcionnom prosveshchenii grazhdan: voprosy vzaimodejstviya s organami prokuratury // Uchenye zapiski Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2021. T. 6. No 1 (11). S. 28–32.
 20. Goncharenko O.N., Krasnolobov A.E. Regional'nyj opyt vzaimodejstviya pravoohranitel'nyh organov i SMI v preduprezhdenii prestupnosti // Perspektivnye razrabotki i proryvnye tekhnologii v APK: sbornik materialov nacional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii. 2020. S. 206–211.
 21. Davydenko N.S. K voprosu o zashchite avtorskih prav v sredstvakh massovoj informacii // Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2020. No 1 (38). S. 87–89.
 22. Digor A.F. Vliyanie sredstv massovoj informacii na obshchestvennoe doverie k sotrudnikam policii // Peredovoe razvitie sovremennoj nauki kak drajver rosta ekonomiki i social'noj sfery: sbornik statej v Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Petrozavodsk, 2021. S. 291–296.
 23. Egorovceva E.D. Mediaobraz gosudarstva i rol' sovremennyh sredstv massovoj informacii v ego formirovanii // Innovacii. Nauka. Obrazovanie. 2021. No 37. S. 480–486.
 24. Zavgorodnyaya V.N. Social'nye seti: problemy yuridicheskogo opredeleniya i sootnosheniya s pravovym rezhimom elektronnyh sredstv massovoj informacii // Zhurnal grazhdanskogo i ugovolnogo prava. 2020. No 7 (1). S. 3–10.
 25. Ziberov S.V. Formirovanie polozhitel'nogo obraza sledovatelya v sredstvakh massovoj informacii // Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2019. No 2 (56). S. 134–137.
 26. Zotova E.M. Vozbuzhdenie ugovolnyh del v sledstvennyh organah Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii po materialam sredstv massovoj informacii // Innovacii. Nauka. Obrazovanie. 2021. No 41. S. 409–414.
 27. Ivliev P.V., Kondrashov S.V. Problemy pravovogo statusa sredstva massovoj informacii, vypolnyayushchego funkcii inostrannogo agenta // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2020. No 11 (150). S. 157–158.
 28. Iginova R.V., Homutcova P.F., Plyasunova A.S. Vliyanie sredstv massovoj informacii na industriyu mody, obshchestvo i ekologiyu // Vliyanie novejsih tekhnologij, SMI i Interneta na obrazovanie, yazyk i kul'turu: sbornik statej po materialam Vserossijskoj (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskoy studencheskoj konferencii / Pod redakciej L.D. Torosyan, G.G. Slyshkina. 2020. S. 141–147.
 29. Ishigeev V.S., Isakova E.A. Vliyanie iskusstva i sredstv massovoj informacii na formirovanie pravosoznaniya sredstv massovoj informacii // Filosofiya prava. 2021. No 1 (96). S. 169–172.
 30. Kvitchuk A.S., Lavrent'eva I.S. Ispol'zovanie vozmozhnostej sredstv massovoj informacii v pravoohranitel'noj deyatelnosti po obespecheniyu bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // Bezopasnost' dorozhnogo dvizheniya. 2021. No 4. S. 15–21.
 31. Koval'chuk V.O. Rol' sredstv massovoj informacii v preduprezhdenii prestupnosti // Vestnik Luganskoj akademii vnutrennih del imeni E.A. Didorenko. 2021. No S1. S. 254–259.
 32. Krylov A.V. Ispol'zovanie sredstv massovoj informacii pri raskrytii i rassledovanii ugovolnyh del o dorozhno-transportnyh proissheshtviyah i ih preduprezhdenii // Sbornik publikacij prepodavatelej i studentov po itogam fakul'tetskikh, mezhvuzovskih i mezhdunarodnyh nauch-

- no-prakticheskikh konferencii v dekabre 2020 g. M., 2021. S. 42–54.
33. Krylov A.V., Bezrukov Yu.N. Znachenie dezinformacii zlomyshlennikov i rol' sredstv massovoj informacii v eyo realizacii // Sbornik publikacij prepodavatelej i studentov po itogam fakul'tetskikh, mezhvuzovskih i mezhdunarodnyh nauchno-prakticheskikh konferencij v dekabre 2019 g. / Pod redakciej V.D. Seryakova. M., 2020. S. 85–98.
 34. Lobach D.V., Titov D.I. Nekotorye aspekty vzaimodejstviya sudov so sredstvami massovoj informacii // Voprosy ustojchivogo razvitiya obshchestva. 2020. No 9. S. 125–129.
 35. Luk'yanova E.A. Vliyanie zakona "O policii" na effektivnost' vzaimodejstviya pravoohranitel'nogo organa so sredstvami massovoj informacii // Sinergiya Nauk. 2021. No 56. S. 88–92.
 36. Mal'ceva V.V. Vliyanie sredstv massovoj informacii na formirovanie massovogo soznaniya // Sovremennoe obshchestvo: voprosy teorii, metodologii, metody social'nyh issledovanij. 2021. T. 1. S. 234–240.
 37. Martyn D.E. Sredstva massovoj informacii HMAO-Yugry v sisteme profilaktiki prestuplenij // Strategicheskie napravleniya protivodejstviya prestupnosti na nacional'nom i transnacional'nom urovnyah: sbornik nauchnyh trudov po materialam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii / Pod redakciej V.A. Avdeeva, S.V. Rozenko. 2020. S. 267–275.
 38. Matveev A. Zashchita prava na naimenovanie sredstva massovoj informacii // Intellektual'naya sobstvennost'. Promyshlennaya sobstvennost'. 2021. No 9. S. 10–18.
 39. Miroshnichenko O.N., Mihajlova M.S. Vzaimodejstvie institutov grazhdanskogo obshchestva i sredstv massovoj informacii s organami vlasti // Vestnik Cheboksarskogo filiala Rossijskoj akademii narodnogo hozyajstva i gosudarstvennoj sluzhby pri Prezidente Rossijskoj Federacii. 2020. No 2 (21). S. 18–28.
 40. Mihajlov M.Ya. Osveshchenie prestuplenij v novostyah kak profilaktika prestupnosti // Innovacionnye issledovaniya: opyt, problemy vnedreniya rezul'tatov i puti resheniya: sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Ufa, 2020. S. 190–193.
 41. Merkusheva E.A. Razvitie regional'nyh sredstv massovoj informacii pod vliyaniem informacionno-tekhnologicheskikh innovacij // Kul'tura v fokuse nauchnyh paradig. 2020. No 10–11. S. 345–352.
 42. Mordvinov K.V., Udavichina U.A. Imidzh pravoohranitel'nyh organov: aktual'noe sostoyanie i praktiki ego uluchsheniya // Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudence. 2021. No 3. S. 53–60.
 43. Mullazhanov R.Sh. Ispol'zovanie sredstv massovoj informacii v operativno-rozysknoj deyatel'nosti // Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2020. No 5-4 (44). S. 99–101.
 44. Nesterova V.E. Formirovanie imidzha sotrudnika organov vnutrennih del sredstvami massovoj informacii // Vestnik Ural'skogo instituta ekonomiki, upravleniya i prava. 2021. No 1 (54). S. 42–48.
 45. Osokina A.A. Problemy pravovoj reglamentacii deyatel'nosti sredstv massovoj informacii v Rossijskoj Federacii // Aktual'nye voprosy razvitiya sovremennoj cifrovoj sredy. sbornik statej po materialam nauchno-tekhnicheskoy konferencii molodyh uchenyh. Volgograd, 2021. S. 357–364.
 46. Rybakov D.A., Aseev I.P. Vliyanie sredstv massovoj informacii na formirovanie obshchestvennogo mneniya v RF // Upravlenie organizacionno-ekonomicheskimi sistemami: sbornik trudov nauchnogo seminar studentov i aspirantov instituta ekonomiki i upravleniya. V 2-h chastyah / Pod redakciej O.V. Pavlova. 2020. S. 124–127.
 47. Sal'nikov V.S. Internet-neologizmy v sredstvakh massovoj informacii // Global'nyj nauchnyj potencial. 2021. No 6 (123). S. 150–153.
 48. Smailov O.H. Vzaimodejstvie pravoohranitel'nyh organov i sredstv massovoj informacii // Vestnik Akademii pravoohranitel'nyh organov pri General'noj prokurature Respubliki Kazahstan. 2019. No 3. S. 60–67.
 49. Smirnova Yu.A. Vliyanie sredstv massovoj informacii na podrostkovuyu prestupnost' // Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2020. No 8 (47). S. 233–236.
 50. Sukonkin A.A. Kriminologiya sredstv massovoj informacii // Prestupnost' v SNG: problemy preduprezhdeniya i raskrytiya prestuplenij: sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Voronezh, 2021. S. 148–149.
 51. Terekhina E.O. Principy vzaimodejstviya podrazdelenij OVD so sredstvami massovoj informacii // Tradicionnaya i innovacionnaya nauka: istoriya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy: sbornik statej Nacional'noj (Vserossijskoj) nauchno-prakticheskoy konferencii. Ufa, 2021. S. 167–170.
 52. Tishutina I.V. Organizacionnye i takticheskie aspekty vzaimodejstviya pravoohranitel'nyh organov so sredstvami massovoj informacii v usloviyah cifrovizacii // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki. 2021. No 3. S. 27–34.
 53. Tyun' A.P. Rol' sredstv massovoj informacii v formirovanii imidzha sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2021. No 11 (165). S. 86–90.
 54. Fedotova I.N., Luk'yanova L.A. Rossijskaya ugolovno-ispolnitel'naya sistema i sredstva massovoj informacii: stranicy istorii, den' segodnyashnij // Penitenciarnee pravo: yuridicheskaya teoriya i pravoprimenitel'naya praktika. 2021. No 3 (29). S. 52–56.

55. *Shvedova D.A.* Sredstva massovoj informacii kak istochnik formirovaniya obshchestvennogo mneniya o deyatel'nosti policii // *Pravoporyadok v Rossii: problemy sovershenstvovaniya. XV Vserossijskaya konferenciya: sbornik statej.* M., 2021. S. 28–33.
56. *Shumanina E.I.* Ob effektivnosti vzaimodejstviya sledovatelya s obshchestvennost'yu i sredstvami massovoj informacii // *Yeoreticheskie i prakticheskie aspekty predvaritel'nogo rassledovaniya: sbornik nauchnyh statej.* Volgograd, 2020. S. 450–454.
57. *Yahontova O.S., Yahontov R.N.* O znachimosti kriminologicheskogo monitoringa v sredstvah massovoj informacii // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii.* 2020. No 2 (86). S. 137–142.

Научная статья

УДК 347.77, 347.78

DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.15933>

Original article

НЕЗАЩИЩЕННОСТЬ КОНТЕНТА В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: ПОИСКИ РЕШЕНИЯ

CONTENT INSECURITY IN THE DIGITAL ENVIRONMENT: FINDING A SOLUTION

Мария Александровна ГОРДЕЕВА

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация,
gordeevamaria@inbox.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-2624-0307>

Анна Александровна НОВИКОВА

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация,
novikova.a@rggu.ru,
<https://orcid.org/000-0002-4950-0802>

Информация об авторах

М.А. Гордеева — кандидат исторических наук, заведующая кафедрой культуры мира и демократии (Кафедра ЮНЕСКО) Российского государственного гуманитарного университета

А.А. Новикова — кандидат исторических наук, доцент кафедры культуры мира и демократии (Кафедра ЮНЕСКО) Российского государственного гуманитарного университета

Аннотация. Современные практики защиты авторского права в цифровой среде представляются сложными не только из-за характера объекта собственности, но и из-за самой природы нарушений. Практически неограниченные возможности копирования контента из социальных сетей и интернет-платформ создают заметные

- сложности с точки зрения его распространения и защиты авторских прав. Статья посвящена анализу ряда судебных кейсов, связанных с нарушениями авторских прав как музыкантами, блогерами, журналистами, так и обычными пользователями цифровых платформ, что связано с изменением потребления контента, несистемностью и сетевым характером цифровой среды и особенностями поведения человека в интернет-среде.

- **Ключевые слова:** авторское право; объекты авторского права; нарушения авторского права; проблемы регулирования авторского права; интернет-среда и социальные сети

• **Для цитирования:** Гордеева М.А., Новикова А.А.

- Незащищенность контента в цифровой среде: поиски решения // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2022. Т. 42, № 3. С. 42–51;
- DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.15933>

• **Maria A. GORDEYEVA**

• Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation,
• gordeevamaria@inbox.ru,
• <https://orcid.org/0000-0002-2624-0307>

дения) и фотографиях. Защита прав создателей и владельцев авторских прав затрудняется сложностью произведений, создаваемых современными авторами в сфере мультимедиа.

Кратко сопоставим законодательный опыт защиты прав автора в цифровой среде в более жестком и гибком вариантах — опыт Великобритании и Соединенных Штатов Америки. Авторское право в Великобритании регламентируется достаточно жестко на основании Закона об авторском праве, промышленных образцах и патентах 1988 г. [1], дополненного Законом о цифровой экономике 2017 г., вступившим в силу в 2018 г. [2].

В нем сделаны оговорки относительно исключительных случаев бесплатного использования; таковыми являются, например, образовательные цели, в то время как любое копирование считается нарушением. Членство в Европейском союзе заставило Великобританию адаптировать собственное законодательство в области авторских прав и привести его в определенное соответствие с директивой ЕС по авторскому праву [3]. Эти принципы были в полной мере реализованы в рамках Положения об авторском праве и смежных правах 2003 г. [4], по которому основной идеей является допущение использования копии авторского произведения пользователями напрямую без посредников или коммерческих целей.

Сравнивая законодательство Великобритании и Соединенных Штатов Америки, мы можем констатировать, что в США применяется намного более гибкий подход, не только более точно определяющий объекты авторского права (как уникальные) и ответственность за нарушение авторских прав, но и учитывающий возможное копирование в образовательных или академических целях, а также по незнанию. Такой подход позволяет исключить непредумышленное копирование материалов, защищенных авторским правом, лицом, сделавшим это по незнанию. Впоследствии ему предоставляется возможность удалить данные материалы в определенный срок, чем обеспечивается гибкое регулирование защиты авторских прав.

Основной законодательный акт США по защите прав автора в цифровой среде — это Закон об авторском праве в цифровую эпоху, принятый в 1998 г. [5]. В этом законе четко обозначены лица, которые несут ответственность за несанкционированное копирование и размещение материалов пользователями. Открытым остается вопрос относительно того, насколько интернет-провайдер может содействовать незаконному распространению объектов авторского права, потому что одним из вызовов для защиты авторских прав в цифровой среде является предотвращение пиратского распространения контента. В этом

смысле оценка воздействия технологий связана прежде всего с пониманием меры ответственности за поведение пользователя, которая должна возлагаться на цифровую платформу или на самого пользователя.

С одной стороны, технологические параметры определяют поведение пользователя, и он ведет себя в логике цифровой среды, легко заимствуя чужие фото или видеоматериалы. С другой стороны, люди свободны в выборе поведения в сети, поэтому на данный момент большинство исследователей придерживаются точки зрения, что пользователь несет основную ответственность. Американский исследователь Элис Марвик, например, отметил, что цифровые технологии усиливают или подавляют определенные стратегии поведения человека, то есть доступность контента является определенным триггером для его несанкционированного распространения [6].

Некоторые исследователи, изучающие феномен «платформ», возражают против термина «платформа», утверждая, что он не является нейтральным. Американский исследователь Т. Гиллеспей отмечает, что этот термин используется такими контент-провайдерами, как YouTube, в рамках стратегии, позволяющей им позиционировать себя для пользователей, клиентов, рекламодателей и политиков, однако утверждает, что он намеренно расплывчатый [7].

С одной стороны, эта расплывчатость дает провайдерам возможность добиваться защиты, позволяющей пользователям выражать свое мнение в качестве «кураторов общественного дискурса». С другой стороны, она предполагает, что они не несут ответственности за контент, размещаемый пользователями. Иными словами, термин «платформа» может позволить себе определенный вид лингвистической маскировки. По словам К. Нильсена и С. Гантера, исследования платформ показывают, что их создатели, разумеется, также являются агентами со своими собственными интересами, которые напрямую взаимодействуют с другими агентами [8].

С распространением социальных сетей цифровое пространство наполнилось новой терминологией и новыми концепциями. Трансформация затронула и урбанистическое пространство — сначала появились цифровые клоны известных мест, затем в «цифру» были переведены бизнесы и сервисы. Интеграция цифровых технологий и цифровой среды в урбанистическое пространство по всему миру привело к важнейшему процессу — переходу в онлайн-пространство закрытых сообществ, комьюнити и организаций.

В 2010-х гг. изменилось коллективное восприятие урбанистического пространства, а последний этап этого изменения происходит под влиянием резкой и всеобъемлющей цифровизации всех областей

человеческой жизнедеятельности. Для большинства населения развитых стран и экономически развитых регионов онлайн-пространство и пространство реальности соединяются воедино через интеграцию цифровых технологий — через смартфоны, через внедрение системы FacePay для оплаты поездок в общественном транспорте, через получение льготных лекарств в коммерческих аптеках по QR-коду, присвоенному каждому медицинскому полису. При этом все еще существуют жесткие барьеры в определенных областях, препятствующие использованию установленных и общеизвестных концепций и нормативов реальной жизни в цифровом ее аналоге.

Потребление контента — любого результата авторской деятельности — происходит автоматически. Оно начинается каждый день, когда человек открывает приложение социальных сетей, ищет что-то при помощи поисковых сервисов в браузере. Контент может располагаться в интернете в качестве великого множества аудиовизуальных единиц, каждая из которых благодаря многообразию интернет-ресурсов воспринимается скорее как данность. Именно вследствие восприятия контента как неперенной части пребывания в интернете начинаются разногласия из-за соблюдения авторских прав — как граждан РФ, так и граждан иностранных государств.

Цифровые технологии и культура потребления контента радикально изменили так называемую архитектуру авторского права, порождая бесчисленные новые способы нарушения прав на интеллектуальную собственность. Природа самого интернета заключается в его постоянной и неизменной несистемности и даже антисистемности.

Авторские права, особенно в цифровой среде, находятся на пересечении нескольких сфер интересов — частных, публичных, научно-образовательных, культурных и социальных, — что в дальнейшем осложняет регулирование и обеспечение авторских прав. Даже на национальном уровне государственный контроль обеспечения авторских прав в цифровой среде не всегда в должном объеме обеспечивает их защиту, однако многофакторность акторов ухудшает ситуацию.

Для понимания причин несоблюдения авторских прав пользователями интернета необходимо установить некоторые особенности восприятия материалов, свойственных пользователям интернета, а также особенности поведения человека в онлайн-пространстве.

В целом, можно охарактеризовать эти особенности и свойства следующим образом:

1) непопулярность платного и лицензионного контента — с распространением платформ, дающих доступ к бесплатному пользовательскому креативно-

му материалу (Instagram, YouTube и др.), порождает у пользователя претенциозность, он чувствует, что оплачивать доступ к этим материалам совершенно необязательно, даже если того требуют автор и его представители;

2) отсутствие доступа к законному потреблению лицензионного контента — проблема, затрагивающая РФ и некоторые страны совершенно по-разному. Популярная стриминговая платформа Disney+ недоступна в России, несмотря на большое количество потенциальных подписчиков из числа российских фанатов продукции компании «Дисней», что приводит к пиратскому потреблению их продуктов;

3) культура потребления пиратского контента — в российском интернет-пространстве пиратство получило широкое распространение, особенно в контексте предыдущих двух особенностей. «Добычу» заблокированного контента — как вследствие нераспространения сервиса на территории страны, так и вследствие требования оплаты доступа к контенту — множество пользователей считают «естественным» поведением. Торрент-сервисы и социальные сети становятся площадками для организации как раз бесплатного доступа к платному контенту;

4) низкий уровень понимания того, что такое авторские права и как они применяются к онлайн-контенту, по сумме всех перечисленных выше особенностей и свойств онлайн-пространства. Пользователи, и так не имеющие достаточной юридической грамотности, начинают отделять в ментальном плане автора от авторских прав, делая любые результаты чужой интеллектуальной собственности достоянием общности.

В целом, уровень правовой грамотности населения неравномерно распространяется на различные области закона и права. Если среднестатистический человек имеет представление о действиях и актах бездействия, влекущих уголовную или административную ответственность, то знания в областях персональных данных, авторских прав и их соблюдения находятся на достаточно низком уровне. Более того, как демонстрируют многие случаи, приведенные ниже, пользователи и потребители разных уровней полностью отделяют произведения на физических носителях от произведений в цифровом пространстве, не применяя к последним даже рудиментарные представления об интеллектуальной собственности и авторских правах.

Аарон Картер, брат американского поп-певца и бывшего члена мужской музыкальной группы Backstreet Boys Ника Картера, использовал для персонального брендинга произведение европейского художника и дизайнера Йонаса Йодике без его согласия.

Согласно логике Аарона Картера, поскольку картинка была обнаружена им в поисковом сервисе Google, это делает изображение не подлежащим лицензированию и не являющимся предметом юридического соглашения. Йонас Йодике, недовольный подобным распоряжением своей интеллектуальной собственностью, подал иск против Аарона Картера, пользуясь особенностями европейского закона, признаваемого на территории США. В результате в данном конкретном случае суд США признал Йонаса Йодике пострадавшим, присудив ему компенсацию 12,5 тыс. долларов. Этот иск демонстрирует, что даже среди среднего уровня знаменитостей нет настоящего или адекватного понимания авторских прав — как один из аргументов защиты Аарон Картер делался акцент на то, что данный конкретный дизайн не был запатентован в соответствующих структурах, которые полностью признавали бы Йонаса Йодике единственным автором и собственником данного произведения, в то время как с точки зрения европейского закона произведение автоматически полностью и неотчуждаемо принадлежит автору с момента его создания.

Особенностью данного процесса была его публичность — Йонас Йодике смог обратить внимание профессиональных и фанатских сообществ на факт плагиата и нарушения его прав в социальных сетях Facebook и Twitter. Пользователи этих социальных сетей впоследствии отметили тот факт, что работы Йонаса Йодике неоднократно использовались знаменитостями без его согласия и без финансовой компенсации, включая использование его произведений для создания атмосферы в бэкграунде концертных выступлений певицы Мадонны.

Южнокорейская компания индустрии развлечений SM Entertainment, заинтересованная в запуске проекта в стиле альтернативной реальности, познакомила публику со своим последним креативным продуктом — AI-группой AESPA. После длительного периода ожидания музыкальная группа AESPA была представлена при помощи выпуска музыкального клипа на сайте YouTube с дублированием публикации в социальной сети Twitter. Вскоре пользователи социальных сетей сопоставили визуальный ряд из музыкального клипа с портфолио популярных дизайнеров, пользовавшихся услугами визуальной онлайн-галереи ArtStation. Сами дизайнеры также обратили внимание на этот факт, требуя убрать их работы из ролика или выплатить финансовую компенсацию. Компания SM Entertainment, пользуясь тем фактом, что располагается на территории Южной Кореи, а истцы-дизайнеры разбросаны по всему земному шару, затянула иск против AESPA на долгие годы, постоянно апеллируя к идее, что смена цветовой гаммы в произведениях

является достаточным изменением, свидетельствующим о существенной креативной переработке первоначального материала, вследствие которой индивидуальные авторские права неприменимы к итоговому продукту.

Известный распространением пиктографической мемовтики Илон Маск также оказался в центре скандала, когда сотрудникам его компании Tesla на одном из праздников раздали керамические кружки с изображением единорога. Фотографии этих кружек быстро попали в интернет, где энтузиасты и ценители авторской керамики опознали работу дизайнера по керамике из США Тома Эдвардса. Когда пользователи социальных сетей обратили на это внимание самого Маска, тот ответил, что изображение находится в свободном доступе в связи со смертью самого Эдвардса. Однако быстро выяснилось, что законным правообладателем работ Эдвардса является его дочь, Лиза Пранк, вступившая в право владения интеллектуальной собственностью отца после его смерти.

Лиза Пранк дала несколько комментариев, в которых утверждала, что компания Маска дважды предлагала ей заключить контракт на использование дизайна единорога, однако она не была заинтересована в сотрудничестве. Она также заявила о намерении подать иск против компании Маска и компании, производившей кружки для внутреннего мероприятия компании Tesla, фактически нарушивших авторские права на этот дизайн. На данный момент результаты исков — если они были — неизвестны, однако описанная ситуация демонстрирует, что при пересечении частных и корпоративных интересов авторские права могут быть нарушены прямым образом, при этом размывая понятие авторских прав, распространяя в интернете некорректную информацию от лица известных и влиятельных личностей, нанося им репутационный ущерб.

Торговые гиганты и медиакорпорации являются одними из самых злостных нарушителей авторских прав в интернет-пространстве. Товары, продающиеся на популярных площадках, таких как TaoBao, Amazon [9], AliExpress, Ozon, RedBubble, Wildberries и др., содержащие какие-либо изображения, часто используют авторские произведения, скопированные с публикаций самих авторов в социальных сетях [10]. Все перечисленные выше компании имеют внутренние механизмы удаления из товарного ряда лотов, содержащих нелегальный авторский контент, однако фактического удаления подобных лотов не происходит, в результате чего эти гиганты продолжают торговать нелегальными товарами и товарами, нарушающими авторские права.

Эти же платформы зачастую имеют контракты с фирмами, курирующими «боты-захватчики», кото-

рые сканируют комментарии к постам в социальных сетях и «ловят» использование заданных ключевых слов. После этого боты «захватывают» изображение или текстовое сопровождение, которое вызывает подобную реакцию у пользователей, после чего происходит автоматическая генерация базового мерчандайза с этими фразами или изображениями. Данный мерчандайз потом размещается на перечисленных выше платформах, ссылка на которые ответным комментарием отправляется восторженным пользователям [11].

Интересен тот факт, что компании и люди, заинтересованные в соблюдении прав авторов и художников, чьи работы таким образом эксплуатируются, начали таким же образом бороться с так называемыми репостерами. Репостер — это человек, размещающий чужие рисунки и иные авторские произведения, преимущественно фанатское искусство («фан-арт»), на своих страницах без ссылки на оригинального автора фан-арта. Данная модель поведения в заинтересованных сообществах активно порицается и встречает волну противодействия, в результате чего репостеры зачастую вынуждены удалять присвоенный контент или полностью удалять свои страницы из социальных сетей. Пользователи-фанаты начали массово оставлять комментарии под постами репостеров, точно привлекающих боты-захватчики, с которыми в данный момент борются фирмы-правообладатели. Если фан-арт-произведение посвящено героям вселенной Marvel, и репостер, и бот-захватчик, и маркетплейс, на котором размещен нелегальный мерчандайз, в итоге вынуждены уступить корпоративному гиганту «Дисней», позволяя онлайн-сообществам рудиментарно контролировать собственные пространства [12].

Менее продуктивна борьба с использованием авторских произведений искусства для производства NFT — non-fungible tokens, ставших одним из самых заметных векторов развития криптокультуры. Сгенерированные изображения часто размещаются на криптомаркетплейсах и пользуются спросом у коллекционеров криптоискусства, однако сами авторы первоначального изображения, видеоряда или аудиомызыкального ряда не получают от этого ни признания, ни финансовой компенсации. Поскольку область крипто слабо регулируется в какой-либо из ныне существующих правовых сфер, нарушение авторского права в криптопространстве становится повсеместным и всеобъемлющим, создавая реальную проблему для авторов и создателей контента [13]. Одним из самых злостных нарушителей является маркетплейс OpenSea [14], который из-за массивного негативного PR со стороны художников и дизайнеров и их поклонников был вынужден создать механизм по удалению

контента, нарушающего авторские права по запросу правообладателя [15], однако его было недостаточно для регулирования действий криптоаукционеров. В результате популярная портфолио-платформа для художников и дизайнеров DeviantArt создала две отдельные службы, направленные на борьбу с подобной эксплуатацией авторского контента [16]. Первая служба — бот, идентифицирующий размещение контента, имитирующего авторские произведения или подозрительно похожего на них, уведомляющий художника или дизайнера о нарушении авторских прав. Вторая служба представляет собой международную команду адвокатов и юридических лиц, размещенных на каждом континенте, услугами которых авторы могут воздействовать на платформы-нарушители для удаления украденного контента или получения финансовой компенсации за использование их произведений. Все юристы, работающие с DeviantArt, предоставляют свои услуги pro bono [17].

Онлайн-сервис YouTube является одним из примеров постоянного и слабо регулируемого распространения контента, на котором нарушаются авторские права. В абсолютном большинстве случаев в сложных условиях применения принципов соблюдения авторских прав в онлайн-среде добавляется фактор международного несоответствия законодательств разных стран. Сам сервис подчиняется американским законам ДМСА, СОРРА и ССРА, регулирующим соблюдение авторских прав в цифровом пространстве, распространение контента, который могут потреблять несовершеннолетние лица и лица, входящие в уязвимые социальные группы.

Американский блогер Mr. Beast (Джеймс Дональдсон), известный своей филантропической деятельностью и суммарным количеством подписчиков в социальных сетях 98,5 млн. человек), в 2021 г. обратил внимание на то, что российско-белорусский блогер А4 (Владислав Андреевич Бумага) практически полностью копировал его видеоролики. Владислав Бумага создавал превью и заставки, в точности повторявшие заставки и превью Джеймса Дональдсона по цветовой гамме, композиции и элементам. Сценарии видео также практически полностью совпадали, включая реакцию задействованных лиц на происходящие события. При попытке привлечь Владислава Бумагу к ответственности Джеймс Дональдсон столкнулся с абсолютным несоответствием американского законодательства и российского правового поля, в результате чего конфликт остался неразрешенным [18].

Американская бьюти-блогер Меган Ринкс стала жертвой взлома своего канала на YouTube, в результате которого все ее материалы и данные были удалены с самого канала, а вместо них индонезийская кон-

тент-ферма стала размещать компиляции низкого качества от других визажистов, нарушавшие авторские права самих визажистов. При попытке вернуть себе канал Меган Ринкс столкнулась с тем, что предметом ее интеллектуальной собственности признали видео с ее присутствием и произведенные ею самой — канал на YouTube, согласно ответу от ресурса, предметом чьей-либо собственности не является. Меган Ринкс в результате утратила собственную аудиторию на YouTube, несмотря на массовую поддержку в данной ситуации других блогеров и художников на других социальных сетях. Подписчики Ринкс в итоге массово отписались от канала, так как вместо авторского визаж-контента получали индонезийские видео низкого качества и непопулярного формата [19].

Другим примером саморегулирования заинтересованного онлайн-сообщества является давление, оказанное на многочисленные платформы, на которых размещала свой контент Сюзи Лу. Сюзи Лу представляла жанр «реакции», характеризующийся фокусировкой на реакции блогера на контент. Сюзи Лу производила «реакции» на популярные японские аниме-сериалы, однако в отличие от других блогеров помимо своей реакции на экране в полном объеме демонстрировала сами сериалы. Таким образом, Сюзи Лу позволяла фанатам аниме смотреть целые серии, не приобретая доступа к официальным платформам — дистрибьюторам аниме.

Многие онлайн-блогеры обратили внимание на то, что Сюзи Лу также дублировала этот же контент на платформах Twitch и Patreon по подписке, фактически продавая чужой продукт по заниженной цене. Заинтересованные сообщества начали массово жаловаться на ее контент и на платформы, позволяющие подобным образом влиять на доходы популярных японских авторов. Только массовые жалобы от крупных блогеров и рядовых пользователей привели к блокировке аккаунтов Сюзи Лу в зарубежном интернет-пространстве [20].

Примечательно, что сам канал Сюзи Лу имел достаточно ограниченное число подписчиков, что позволяло ей оставаться вне поля зрения правовых служб платформ, на которых она размещала свои материалы. Если бы на ее нарушение авторских прав не обратили внимание фанатские сообщества, с большой вероятностью она продолжала бы размещать чужой контент под предлогом «реакции» на него.

Границы допустимой переработки чужого контента для собственного произведения в США, например, были определены по прецедентному делу, в рамках которого американский комик Мэтт Хосс (настоящее имя — Мэтт Хоссейнзаде) попытался засудить владельцев компании H3H3 Productions

Итана и Хилу Кляйн за создание вторичного произведения — ролика, высмеивающего стилистику произведений Мэтта Хосса и его манеру поведения [21]. В рамках данного судебного разбирательства было установлено, что Итан и Хила Кляйн не нарушали авторских прав Мэтта Хосса в связи с тем, что его контент был использован в частичном, компилятивном характере, сопровождаясь авторским юмористическим контентом, составлявшим существенную художественную сущность, и превращая вторичный контент в самостоятельное креативное произведение.

Тем не менее в 2021 г. конфликт по поводу онлайн-контента и авторских прав на него перешел все мыслимые границы. Корпорация «Дисней» зарегистрировала как торговую марку «Локи» в связи с выходом одноименного сериала у Marvel. Прототипом главного героя является бог из норвежской мифологии Локи, чей культ соблюдался на территориях Скандинавских стран и в Исландии. В результате создания данной торговой марки пользователи маркетплейса RedBubble столкнулись с тем, что люди из Скандинавских стран, которых зовут Локи (т.е. это их официальное и зарегистрированное имя), не смогли разместить заказы на создание футболок и кружек с собственным именем. Та же судьба постигла современных носителей имен других скандинавских божеств, таких как Один, Фригга, Сиф. На данный момент конфликт остается неразрешенным [22].

Все описанные выше ситуации демонстрируют либо полное незнание правовых систем в области авторского права и интеллектуальной собственности, либо эксплуатацию несогласованности правовых систем между странами, чьи граждане становятся истцами и ответчиками в отдельно взятых судебных разбирательствах и публичных спорах. Часть ныне действующего законодательства сильно устарела и может в том числе навредить лицам, пытающимся привлечь к ответственности тех, кто нарушил их авторские права.

Например, платформа YouTube, действующая на основе американского ДМСА, для урегулирования конфликта и в соответствии с требованиями самого закона сообщает задействованным сторонам персональные данные для потенциального судебного иска. То есть недобросовестные акторы в данном сценарии могут получить полное имя, адрес проживания, адрес регистрации и телефонный номер второй стороны — полный набор, необходимый для стимулирования онлайн-буллинга и даже доксинга (обнародования персональных данных человека в целях устрашения, харассмента и других действий). Очевидно, что в условиях современного развития онлайн-общества данные меры представляют большую угрозу, предлагая призрачные методы улучшения ситуации.

При этом вдохновляют кейсы саморегулирования международных онлайн-сообществ в условиях существования онлайн-вакуума в регулировании и соблюдении правопорядка в контексте авторских прав. Сообщества пытаются осуществлять функцию контроля распространения, мотивации, надзора за авторским контентом, демонстрируя пользовательскую готовность, потребность в сознательном потреблении контента и готовность формировать протоинституциональные механизмы контроля авторского контента в интернет-пространстве.

В будущем компаниям, государствам и надгосударственным организациям следует совершенствовать законы и правила, регулирующие авторское право в интернет-пространстве. Возможным выходом из сложившейся ситуации может стать согласованная и интегрированная на региональном, национальном и наднациональном уровнях правовая система, которая способствовала бы эффективному обеспечению соблюдения авторских прав в интернет-пространстве. В то же время необходимо повышать правовую грамотность как обычных пользователей социальных сетей, так и авторов, художников, чьи произведения находятся в зоне риска недобросовестного использования и эксплуатации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Путеводитель по фондам патентной документации отделения «Всероссийская патентно-техническая библиотека» ФИПС и интернет-ресурсам / сост. отделение ВПТБ ФИПС. — URL: <https://www1.fips.ru/about/vptb-otdelenie-vserossiyskaya-patentno-tekhnicheskaya-biblioteka/guide-june2019.pdf> (дата обращения 10.05.2022).
2. United Kingdom. Digital Economy Act 2017. — URL: <https://wipolex.wipo.int/en/text/474845> (дата обращения 10.05.2022).
3. Directive 2001/29/EC of the European Parliament and of the Council of 22 May 2001 on the harmonization of certain aspects of copyright and related rights in the information society // Official Journal of the European Communities. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32001L0029&from=EN> (дата обращения 10.05.2022).
4. United Kingdom. Intellectual Property Office. FOI release. The Copyright and Related Rights Regulations 2003. — URL: <https://www.gov.uk/government/publications/the-copyright-and-related-rights-regulations-2003> (дата обращения 10.05.2022).
5. US Congress. Digital Millenium Copyright Act. — URL: <https://www.congress.gov/bill/105th-congress/house-bill/2281> (дата обращения 10.05.2022).
6. Marwick A.E. Why do people share fake news? A sociotechnical model of media effects. *Georgetown: Georgetown Law Technical Review*, 2018. P. 474–512.
7. Gillespie T. The Politics of Platforms, *New Media & Society* // SAGE Journals. 2010. No 12 (3). P. 64.
8. Nielsen K.R., Ganter S.A. Dealing with digital intermediaries: A case study of the relations between publishers and platforms // SAGE Journals. 2017. No 20 (4). P. 16.
9. Amazon.com: The Place Where American Dreams are Stolen by Chinese Counterfeiters // *Forbes*. 27.09.2017. — URL: <https://www.forbes.com/sites/wadeshepard/2017/09/27/amazon-com-the-place-where-american-dreams-are-stolen-by-chinese-counterfeiters/> (дата обращения 10.05.2022).
10. Stolen Artwork is all Over Amazon — and Creators Want the Company to do Something about it. 23.01.2019. — URL: <https://www.buzzfeednews.com/article/nicolenguyen/amazon-counterfeit-art-sellers-fakes-copyright-infringement> (дата обращения 10.05.2022).
11. Fung B. The Supreme Court's big ruling on 'patent trolls' will rock cbusinesses everywhere // *Washington Post*. 23.05.2017. — URL: <https://www.washingtonpost.com/news/the-switch/wp/2017/05/23/the-supreme-court-just-undercut-patent-trolls-in-a-big-way/> (дата обращения 10.05.2022).
12. Artists are provoking Nintendo and Disney to sue bots that steal artwork // *Polygon*. 5.12.2019. — URL: <https://www.polygon.com/2019/12/5/20997056/i-want-that-on-a-shirt-bots-copyright-infringement-twitter> (дата обращения 10.05.2022).
13. White K.E. A Rule for Determining When Patent Misuse Should be Applied, 11 *Fordham Intell. Prop. Media & Ent. L.J.* 671 (2001). — URL: <https://ir.lawnet.fordham.edu/iplj/vol11/iss3/2> (дата обращения 10.05.2022).
14. Yaffe-Bellany D. Thefts, Fraud and Lawsuits at the World's Biggest NFT Marketplace // *The New York Times*. 06.06.2022 — URL: <https://www.nytimes.com/2022/06/06/technology/nft-opensea-theft-fraud.html> (дата обращения 10.05.2022).
15. How can I report fraudulent content on OpenSea? — URL: <https://support.opensea.io/hc/en-us/articles/4404423595667-How-can-I-report-fraudulent-content-on-OpenSea> (дата обращения 10.05.2022).
16. DeviantArt Protect: Helping Safeguard Your Art. 1.06.2021. — URL: <https://www.deviantart.com/team/journal/DeviantArt-Protect-Helping-Safeguard-Your-Art-884278903> (дата обращения 10.05.2022).
17. Bevan B. Content Creators Are Having Their Pictures And YouTube Channels Stolen And Sold As NFTs // *The Gamer*. 16.01.2022. — URL: <https://www.thegamer.com/opensea-nft-stolen-art-pictures-youtubers-streamers/> (дата обращения 10.05.2022).

18. URL: <https://twitter.com/mrbeast/status/1362842357142585348>
19. A beauty YouTuber with over 2 million subscribers says her account has been hijacked for months but the platform is doing nothing about it // The Insider. 24.02.2020. — URL: <https://www.insider.com/beauty-youtuber-meghan-rienks-account-was-hacked-youtube-did-nothing-2020-2#:~:text=While%20investigating%20the%20random%20content,look%20into%20the%20situation%20ASAP> (дата обращения 10.05.2022).
20. Ellis T.J. The History of Anime Reaction YouTuber: Suzy Lu, and the Controversy (Start To Finish). — URL: <https://animemotivation.com/suzy-lu-anime-reaction-youtuber-controversy/> (дата обращения 10.05.2022).
21. Ha A. Judge sides with YouTubers Ethan and Hila Klein in copyright lawsuit. — URL: <http://tcrn.ch/2wFLtBs> (дата обращения 10.05.2022).
22. Disney trademarked Loki, the Marvel movie character. Some fans of the Norse god were not happy // The Washington Post. 2.07.2021 — URL: https://www.washingtonpost.com/religion/disney-loki-redbubble-trademark/2021/07/02/d59908ec-d9c0-11eb-8fb8-aea56b785b00_story.html (дата обращения 10.05.2022).
6. Marwick A.E. Why do people share fake news? A sociotechnical model of media effects. Georgetown: Georgetown Law Technical Review, 2018. P. 474–512.
7. Gillespie T. The Politics of Platforms, New Media & Society // SAGE Journals. 2010. No 12 (3). P. 64.
8. Nielsen K.R., Ganter S.A. Dealing with digital intermediaries: A case study of the relations between publishers and platforms // SAGE Journals. 2017. No 20 (4). P. 16.
9. Amazon.com: The Place Where American Dreams Are Stolen By Chinese Counterfeiters // Forbes. 27.09.2017. — URL: <https://www.forbes.com/sites/wadeshepard/2017/09/27/amazon-com-the-place-where-american-dreams-are-stolen-by-chinese-counterfeiters/> (дата обращения: 10.05.2022).
10. Stolen Artwork Is All Over Amazon — And Creators Want the Company to do Something About it. 23.01.2019. — URL: <https://www.buzzfeednews.com/article/nicolenguyen/amazon-counterfeit-art-sellers-fakes-copyright-infringement> (дата обращения: 10.05.2022).
11. Fung B. The Supreme Court’s big ruling on ‘patent trolls’ will rock businesses everywhere // Washington Post. 23.05.2017. — URL: <https://www.washingtonpost.com/news/the-switch/wp/2017/05/23/the-supreme-court-just-undercut-patent-trolls-in-a-big-way/> (дата обращения: 10.05.2022).
12. Artists are provoking Nintendo and Disney to sue bots that steal artwork // Polygon. 5.12.2019. — URL: <https://www.polygon.com/2019/12/5/20997056/i-want-that-on-a-shirt-bots-copyright-infringement-twitter> (дата обращения: 10.05.2022).
13. White K.E. A Rule for Determining When Patent Misuse Should be Applied, 11 Fordham Intell. Prop. Media & Ent. L.J. 671 (2001). — URL: <https://ir.lawnet.fordham.edu/ipj/vol11/iss3/2> (дата обращения: 10.05.2022).
14. Yaffe-Bellany D. Thefts, Fraud and Lawsuits at the World’s Biggest NFT Marketplace // The New York Times. 06.06.2022 — URL: <https://www.nytimes.com/2022/06/06/technology/nft-opensea-theft-fraud.html> (дата обращения: 10.05.2022).
15. How can I report fraudulent content on OpenSea? — URL: <https://support.opensea.io/hc/en-us/articles/4404423595667-How-can-I-report-fraudulent-content-on-OpenSea> (дата обращения: 10.05.2022).
16. DeviantArt Protect: Helping Safeguard Your Art. 1.06.2021 — URL: <https://www.deviantart.com/team/journal/DeviantArt-Protect-Helping-Safeguard-Your-Art-884278903> (дата обращения: 10.05.2022).
17. Bevan B. Content Creators Are Having Their Pictures And YouTube Channels Stolen And Sold As NFTs // The

REFERENCES

1. Putevoditel’ po fondam patentnoy dokumentatsii otdeleniya “Vserossiyskaya patentno-tekhnicheskaya biblioteka” FIPS i Internet-resursam [Elektronnyy resurs] / sost. otdeleniye VPTB FIPS. — URL: <https://www1.fips.ru/about/vptb-otdelenie-vserossiyskaya-patentno-tekhnicheskaya-biblioteka/guide-june2019.pdf> (дата обращения: 10.05.2022)
2. United Kingdom. Digital Economy Act 2017. — URL: <https://wipo.int/wipolex/en/text/474845> (дата обращения: 10.05.2022)
3. Directive 2001/29/EC of the European Parliament and of the Council of 22 May 2001 on the harmonization of certain aspects of copyright and related rights in the information society // Official Journal of the European Communities. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32001L0029&from=EN> (дата обращения: 10.05.2022).
4. United Kingdom. Intellectual Property Office. FOI release. The Copyright and Related Rights Regulations 2003. — URL: <https://www.gov.uk/government/publications/the-copyright-and-related-rights-regulations-2003> (дата обращения: 10.05.2022).
5. US Congress. Digital Millenium Copyright Act. — URL: <https://www.congress.gov/bill/105th-congress/house-bill/2281> (дата обращения: 10.05.2022).

- Gamer. 16.01.2022. — URL: <https://www.thegamer.com/opensea-nft-stolen-art-pictures-youtubers-streamers/> (data obrascheniya: 10.05.2022).
18. URL: <https://twitter.com/mrbeast/status/1362842357142585348>
19. A beauty YouTuber with over 2 million subscribers says her account has been hijacked for months but the platform is doing nothing about it // The Insider. — 24.02.2020. — URL: <https://www.insider.com/beauty-youtuber-meghan-rienks-account-was-hacked-youtube-did-nothing-2020-2#:~:text=While%20investigating%20the%20random%20content,look%20into%20the%20situation%20ASAP> (data obrascheniya: 10.05.2022).
20. *Ellis T.J.* The History of Anime Reaction YouTuber: Suzy Lu, And The Controversy (Start To Finish). — URL: <https://animemotivation.com/suzy-lu-anime-reaction-youtuber-controversy/> (data obrascheniya: 10.05.2022).
21. *Ha A.* Judge sides with YouTubers Ethan and Hila Klein in copyright lawsuit. — URL: <http://tcrn.ch/2wFLtBs> (data obrascheniya: 10.05.2022).
22. Disney trademarked Loki, the Marvel movie character. Some fans of the Norse god were not happy // The Washington Post. — 2.07.2021 — URL: https://www.washingtonpost.com/religion/disney-loki-redbubble-trademark/2021/07/02/d59908ec-d9c0-11eb-8fb8-aea56b785b00_story.html (data obrascheniya: 10.05.2022).

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДОГОВОРЫ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ АВТОРСКИХ И СМЕЖНЫХ ПРАВ В ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЯХ

INTERNATIONAL TREATIES AND SOME PROBLEMS OF PROTECTION OF COPYRIGHT AND RELATED RIGHTS IN INFORMATION AND TELECOMMUNICATION NETWORKS

Наталья Владимировна БУЗОВА

Российский государственный университет правосудия,
Москва, Российская Федерация,
nbuzova@yandex.ru,
DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.15934>

Информация об авторе

Н.В. Бузова — старший научный сотрудник, кандидат юридических наук

Аннотация. В отношении объектов авторского права и смежных прав действует ряд международных договоров, однако только некоторые из них затрагивают вопросы использования охраняемых объектов творчества в информационно-телекоммуникационных сетях. Но даже эти договоры не предусматривают правил, которые могли бы быть применены к случаям, когда неправомерное использование было осуществлено в информационно-телекоммуникационной сети, а само нарушение имеет трансграничный характер, например, ввиду принадлежности нарушителя к юрисдикции одного государства, осуществления действий по доведению до всеобщего сведения охраняемых объектов в информационно-телекоммуникационной сети в другом государстве и доступности объектов авторского права или смежных прав в нескольких государствах. Центр ВОИС по арбитражу и посредничеству рассматривает споры между сторонами, которые предусмотрели их рассмотрение в данном международном органе соглашением сторон. До настоящего времени не существует международного органа, который рассматривал бы споры о нарушениях авторских и смежных прав, имеющие трансграничный характер, в отсутствие соглашения между сторонами.

- Решению данной проблемы могло бы способствовать
- принятие международного договора, касающегося
- использования результатов интеллектуальной деятельности,
- в частности объектов авторского права и смежных
- прав, в информационно-телекоммуникационных сетях.
- В таком договоре среди прочего могли бы быть определены вопросы юрисдикции трансграничных споров или в соответствии с таким международным договором мог бы быть учрежден международный орган (с ограниченной компетенцией) для рассмотрения трансграничных споров. Либо такой международный договор мог бы расширить компетенцию Центра ВОИС по арбитражу и посредничеству.

- **Ключевые слова:** авторское право; исключительное право; международные договоры; правообладатель;
- смежное право; суд

- **Для цитирования:** Бузова Н.В. Международные договоры и некоторые проблемы защиты авторских и смежных прав в информационно-телекоммуникационных сетях // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2022. Т. 42, № 3. С. 52–59;
DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.15934>

Natalia V. BUZOVA

- Russian State University of Justice,
69 Novocheryomushkinskaya St., Moscow, Russia,
nbuzova@yandex.ru,
<https://orcid.org.0000-0003-2268-0345>

ратурных и художественных произведений, заключенная 9 сентября 1886 г., далее — Бернская конвенция), то правовое регулирование отношений, касающихся объектов смежных прав (в том числе исполнений, фонограмм, вещания), на международном уровне носит в определенной степени разрозненный характер.

Так, Конвенция об охране интересов производителей фонограмм от незаконного воспроизводства их фонограмм (Женева, 29 октября 1971 г.) и Конвенция о распространении несущих программы сигналов, передаваемых через спутники (Брюссель, 21 мая 1974 г.), являются договорами публичного права. Они не регламентируют правоотношения между создателями и пользователями и не предусматривают на международном уровне особых исключительных или иных прав создателей результатов интеллектуальной деятельности [1], а устанавливают только обязательства для государств-участников по совершенствованию своего национального законодательства в сфере авторского права и смежных прав.

Международная конвенция об охране прав исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций (Рим, 26 октября 1961 г., далее — Римская конвенция) затрагивает только права исполнителей, изготовителей фонограмм и организаций вещания ограниченного содержания, которые не распространяют свое действие на цифровую сферу. Договор ВОИС по исполнениям и фонограммам (Женева, 20 декабря 1996 г., далее — ДИФ) относится только к исполнениям и фонограммам. Еще более узкую направленность имеет Пекинский договор по аудиовизуальным исполнениям (Пекин, 24 июня 2012 г.).

Обеспечению соблюдения прав интеллектуальной собственности посредством процедур, которые позволяют прибегнуть к эффективным действиям, направленным против любого нарушения прав интеллектуальной собственности, призваны содействовать положения Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (Марракеш, 15 апреля 1994 г., далее — Соглашение ТРИПС), но это Соглашение также не распространяется на информационно-телекоммуникационные сети.

Вопросы неправомерного использования объектов авторского права и смежных прав в информационно-телекоммуникационной сфере находят отражение не только в международных договорах в сфере интеллектуальной собственности. Вследствие актуальности использования цифровой среды для осуществления различных правоотношений создаются международно-правовые механизмы, имеющие более широкую сферу применения, которые также затрагивают вопросы авторского права и смежных прав — например, Конвенция о компьютерных преступлениях (Буда-

пешт, 23 ноября 2001 г., далее — Будапештская конвенция)¹. Статья 10 данной конвенции посвящена нарушению авторского права и смежных прав. Будапештской конвенцией установлено обязательство для сторон принимать законодательные и иные меры, необходимые для того, чтобы квалифицировать в качестве уголовных преступлений, согласно внутригосударственному праву, нарушения авторских или смежных прав, как они определены законодательством соответствующей стороны. Обязательство распространяется на авторские и смежные права, предусмотренные Бернской конвенцией, Римской конвенцией, Соглашением ТРИПС, Договором ВОИС по авторскому праву (Женева, 20 декабря 1996 г., далее — ДАП), а также ДИФ. Исключения составляют нарушения моральных (личных неимущественных) прав, которые не подпадают под обязательство сторон в связи с рассматриваемой конвенцией.

В качестве квалифицирующих признаков указываются умышленное совершение неправомерных действий, коммерческий их масштаб и использование компьютерной системы. Конвенция не исключает возможность применения к нарушителям иных эффективных мер правовой защиты, например административных или гражданских, вместо привлечения к уголовной ответственности (п. 3 ст. 10 Будапештской конвенции).

Будапештская конвенция относится к международным договорам публичного права (к сфере уголовного права) и направлена на сближение национальных стандартов в отношении привлечения к уголовной ответственности за киберпреступления. Она предполагает также сближение «уголовно-правовой оценки преступлений», «национальных уголовно-процессуальных мер, направленных на обеспечение собирания доказательств при расследовании таких преступлений», и расширение международного сотрудничества в данном направлении [2]. Но ее положения не предусматривают дополнительных интеллектуальных прав для обладателей авторских и смежных прав. Она не создает для указанных категорий лиц новых преференций и правовых возможностей по защите нарушенных авторских и смежных прав в интернете. Кроме того, Российская Федерация в указанной конвенции не участвует².

¹ Конвенция Совета Европы о киберпреступности (Convention on Cybercrime CETS № 185). — URL: <https://rm.coe.int/1680081580>

² Распоряжение Президента Российской Федерации «О подписании конвенции о киберпреступлениях» от 15 ноября 2005 г. № 557-рп в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 22 марта 2008 г. № 144-рп утратило силу.

В 2021 г. Российская Федерация предложила собственный проект международного договора, целью которого является в том числе поощрение и укрепление мер, направленных на эффективное предотвращение преступлений и иных противоправных действий в сфере информационно-коммуникационных технологий и борьбу с этими преступлениями³.

Проект Конвенции ООН о противодействии использованию информации и коммуникационных технологий в преступных целях (далее — проект Конвенции в сфере ИКТ) также содержит положения, касающиеся нарушений авторского права и смежных прав с использованием информационно-коммуникационных технологий (ст. 27)⁴. Проект Конвенции в сфере ИКТ, так же как и Будапештская конвенция, предполагает обязательство для участников устанавливать законодательные и иные меры, необходимые для признания нарушения авторских и смежных прав, как они определены в законодательстве государства-участника, в качестве преступления или иного противоправного деяния, согласно его внутреннему законодательству (ст. 27).

При этом в указанной статье проекта Конвенции в сфере ИКТ нет отсылки к конкретным авторским или смежным правам, в том числе посредством отсылки к действующим международным договорам в сфере авторского права и смежных прав. Не сделаны также исключения в отношении личных неимущественных прав создателей объектов авторского права и смежных прав. Напротив, акцентировано внимание на таком правонарушении, как присвоение авторства (плагиат), которое в соответствии со ст. 146 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) уголовно наказуемо. В качестве квалифицирующих признаков также указывается на умышленность совершения действий, составляющих нарушение, с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Особо подчеркнута, что такие правонарушения охватывают также незаконное использование программ для компьютерных систем и баз данных, являющихся объектами авторского права.

Представляется, что приведенное выше положение могло бы быть дополнено ссылкой на то, что база данных является объектом не только авторского права, но и смежных прав, поскольку отдельные государства (включая Россию и государства Европейского Союза) предоставляют также смежные права на отдельные так называемые инвестиционные базы данных их изготовителям.

Несмотря на то что проект Конвенции в сфере ИКТ имеет широкий охват применения и затрагивает многие виды преступлений, которые могут быть совершены с использованием информационно-коммуникационных технологий, так же как и Будапештская конвенция, в проекте основное внимание уделено публично-правовым аспектам выявления, пресечения и предупреждения правонарушений, включая международное взаимодействие в данной сфере, но он не касается гражданско-правовых процедур и способов защиты нарушенных прав.

При этом, как показывает судебная статистика, в последние годы в России наметилась тенденция сокращения числа осужденных по ст. 146 УК РФ лиц (нарушение авторских и смежных прав) с 1071 человека в 2013 г. до 137 человек в 2020-м. Аналогичная тенденция имеет место и в отношении преступлений в сфере компьютерной информации (ст. 272–274). Если в 2013 г. к уголовной ответственности было привлечено 268 человек, то в 2020-м по ст. 272–274.1 УК РФ — только 137 человек⁵. С одной стороны, данная статистика может свидетельствовать о снижении уровня преступности в рассматриваемой сфере (и уменьшении степени общественной опасности деяний, связанных с нарушением авторских и смежных прав), а с другой стороны, такие показатели (с учетом роста гражданских дел) могут также указывать на смещение вектора заинтересованности правообладателя — от желания покарать и привлечь нарушителя к уголовной ответственности к стремлению применить способы гражданско-правовой защиты и получить денежное возмещение за совершенное правонарушение.

В тех случаях, когда нарушение имеет место в так называемой аналоговой среде (например, воспроизведение и распространение материальных носителей произведений, экземпляров фонограмм и т.д.), в государствах уже сложились подходы, касающиеся определения юрисдикции. По общему правилу, предусмотренному в том числе Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации, юрисдикция (подсудность) определяется по месту жительства (нахождения) ответчика. Однако общие правила имеют исключения. Например, в государствах Европейского союза руководствуются положениями Регламента Совета (ЕС) № 44/2001 от 22 декабря 2000 г. о юрисдикции, признании и приведении в исполнение судебных решений по гражданским и коммерческим делам (далее — Регламент ЕС о юрисдикции)⁶.

³ URL: https://archive.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4831832

⁴ URL: https://www.kommersant.ru/docs/2021/RF_28_July_2021_-_R.pdf

⁵ Судебная статистика. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. — URL: <http://www.cdep.ru>

⁶ Council Regulation (EC) No 44/2001 of 22 December 2000 on jurisdiction and the recognition and enforcement of judg-

Вместе с тем правоотношения по использованию объектов интеллектуальной собственности в информационно-телекоммуникационных сетях зачастую имеют трансграничный характер. Онлайн-сервисы, информационные платформы, сайты и другие информационные ресурсы в информационно-телекоммуникационных сетях доступны на территории нескольких государств (ограничение на доступность сервиса может быть установлено организатором такого сервиса или органами государства, например, по этическим или иным основаниям).

Международным договором в соответствующей сфере может быть определена специальная юрисдикция. Однако в многосторонних международных договорах в сфере авторского права и смежных прав, в частности администрируемых Всемирной организацией интеллектуальной собственности (ВОИС), включая ДАП и ДИФ, не нашли отражения вопросы определения юрисдикции в случаях, когда нарушения авторских и смежных прав имеют место в информационно-телекоммуникационной сети и неправомерные действия осуществлены гражданами различных государств.

В России в соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изменениями) и Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации правообладатель может обратиться за защитой прав, в том числе с требованием о пресечении действий, нарушающих авторские и/или смежные права (за исключением авторских прав на фотографии) в информационно-телекоммуникационной сети Интернет в Московский городской суд (Мосгорсуд). Специальный порядок предусматривает применение предварительных обеспечительных мер; в том случае, если заявление о применении предварительных обеспечительных мер удовлетворяется, спор о нарушении авторских или смежных прав по первой инстанции рассматривается в Мосгорсуде. По таким делам не имеет значения место нахождения ответчика. Он может находиться в любой стране и принадлежать к любой юрисдикции.

В аналоговой среде одно действие порождает одно нарушение, в цифровой среде (например, в информационно-телекоммуникационных сетях) указанный тезис не так однозначен. Действие по доведению до всеобщего сведения объекта авторского права или смежных прав без разрешения правообладателя, с одной стороны, можно рассматривать как правонарушение трансграничного характера, но с другой стороны,

имеется сомнение в том, не следует ли при определенных условиях такое действие рассматривать как группу нарушений, если доступ к охраняемым объектам открывается в нескольких странах, либо как одно нарушение, но с возможностью применения способов гражданско-правовой защиты во всех государствах, в которых есть негативные последствия такого нарушения.

Законодательно не исключена возможность обращения правообладателя за блокировкой или удалением неправомерно доведенных до всеобщего сведения объектов авторского права и смежных прав в каждой стране, в которой имеется доступ через информационно-телекоммуникационную сеть к таким объектам. В то же время возникает вопрос: сколько раз может быть истребована компенсация за нарушение и в каких государствах?

При доведении до всеобщего сведения произведения или объекта смежных прав через информационно-телекоммуникационную сеть такой объект становится доступным в нескольких государствах, и информационный ресурс, на котором размещен этот охраняемый объект, может быть адресован гражданам различных государств, в том числе в связи с использованием языков, имеющих широкое распространение во всем мире. Кроме того, на таком сайте или ином информационном ресурсе могут рекламироваться или предлагаться к продаже товары или предоставляться услуги также для граждан различных государств, поскольку скачивание статьи, книги, фонограммы или аудиовизуального произведения возможно без привязки к конкретному государству.

По результатам блокировки Роскомнадзором объекта авторского права или смежных прав на территории России не будет продолжаться извлечение доходов от просмотра и прослушивания на территории России, а на территории, например, Казахстана, Белоруссии такая возможность остается.

В одном государстве действие может считаться нарушением на основе национального законодательства, а в другом государстве аналогичное действие не рассматривается в качестве противоправного деяния, например, ввиду имеющегося исключения из авторского права или смежных прав либо отсутствия соответствующей охраны, в частности, для «инвестиционных» баз данных, охраняемых смежным правом. Кроме того, национальными законодательными актами в сфере авторского права и смежных прав в государствах могут быть предусмотрены разные правовые последствия за совершенные нарушения.

Учитывая, что ответчик является гражданином или юридическим лицом одного государства, а доступ к объекту авторского права или смежных прав имеет-

ments in civil and commercial matters // Official Journal L 012, 16/01/2001 P. 0001 — 0023. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32001R0044>

ся в нескольких государствах, справедливо возникают вопросы о том, в каком государстве можно защитить права: или только по месту нахождения ответчика, или в государстве, наиболее тесно связанном с нарушением, или в государстве, где объект был неправомерно загружен в информационно-телекоммуникационную сеть, или в том (тех), где причинены убытки.

В настоящее время для пресечения посредством блокировки действий, составляющих нарушение авторских или смежных прав, требуется обращение в компетентные органы, включая судебные, всех государств, в которых имеется доступ к соответствующему объекту через информационно-телекоммуникационную сеть, поскольку компетенция Роскомнадзора распространяется только на территорию Российской Федерации. Аналогичный подход применяется и в других государствах.

В этой связи вызывает интерес практика Суда Европейского союза (Court of Justice of the European Union), особенно решения по делу C-170/12 и делу C-441/13.

Основанием для обращения в суд фотографа «Х», проживающей в Вене (Австрия), было обнаружение на сайте организации «Е», имеющей штаб-квартиру в Дюссельдорфе (Германия), своих фотографий, размещенных этой организацией без ее разрешения. Иск с требованиями о возмещении ущерба и публикации решения суда фотограф подала в Венский коммерческий суд. Выбор юрисдикции она обосновывала ссылкой на п. 3 ст. 5 Регламента ЕС о юрисдикции, согласно которому лицо, проживающее в государстве-члене, может быть привлечено к ответственности в другом государстве-члене в делах, касающихся деликта или квазиправонарушения, в судах по месту, где произошло или может произойти событие, повлекшее за собой причинение вреда. При этом ответчик возражал против компетенции указанного суда в рассмотрении данного спора, указывая на то, что его сайт не ориентирован на Австрию.

В связи с этим в Суд ЕС был направлен запрос о толковании п. 3 ст. 5 Регламента ЕС о юрисдикции. По результатам рассмотрения указанного запроса в Постановлении Суда ЕС от 22 января 2015 г. по делу C-441/13 было указано, что п. 3 ст. 5 Регламента ЕС о юрисдикции следует толковать как означающий, что в случае обвинения в нарушении авторских прав и прав, связанных с авторским правом (смежные права), признаваемых государством-членом, где расположен суд, рассматривающий дело, этот суд обладает юрисдикцией в зависимости от места, где был причинен ущерб, для рассмотрения иска о возмещении ущерба в связи с нарушением этих прав, возникших в результате размещения онлайн охраняемой фото-

графии на веб-сайте, доступном в его территориальной юрисдикции. Этот суд обладает юрисдикцией только для вынесения решения по ущербу, причиненному в государстве-члене, в котором расположен суд⁷.

То есть Суд ЕС связал место совершения нарушения с местом наступления для правообладателя негативных последствий, а именно: с местом причинения ущерба, но указал на то, что суд государства компетентен в удовлетворении требования по ущербу только в части размера тех негативных последствий, которые имели место на территории того государства, в котором расположен данный суд. Решение по данному делу было вынесено с учетом предыдущей практики, в том числе по делу C-170/12. Из решения по делу C-170/12 следует, что правообладатель не ограничен подачей иска к ответчику только в суд одного из государств — членов Европейского союза. У него имеется правовая возможность обратиться в компетентные суды всех государств, в которых ему был причинен ущерб. Но в каждом из таких судов ему надлежит доказать размер причиненного ущерба именно в этом государстве.

В настоящее время судебная защита нарушенных авторских и смежных прав осуществляется национальными органами. В международных договорах, например в ст. 33 Бернской конвенции и ст. 30 Римской конвенции, указывается на возможность обращения в Международный суд. Однако такая возможность предоставлена не хозяйствующим субъектам в связи с нарушением их исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, предусмотренных соответствующими международными соглашениями, а государствам-участникам, которые признали компетенцию такого суда, и только по спорам между государствами, касающимся толкования или применения соответствующей конвенции, если они не могут быть урегулированы путем переговоров [3]. Информации об обращении какого-либо государства за время действия многосторонних международных договоров в сфере интеллектуальной собственности, предусматривающих возможность обращения в Международный суд, не имеется.

С учетом национального режима, установленного основополагающими многосторонними международными договорами в сфере интеллектуальной собственности, средства защиты прав определяются законодательством страны, в которой истребуется охрана, то есть правообладатель, чьи права нарушены, будет обращаться не в Международный суд, а в суд той страны, где или имело место правонарушение (либо причинен ущерб), или проживает (находится) ответчик.

⁷ URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62013CJ0441>

До настоящего времени не создан глобальный международный механизм защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях.

Заслуживают внимания положения ст. 39 проекта Конвенции в сфере ИКТ, посвященные вопросам юрисдикции. Помимо традиционных способов определения юрисдикции, которые характерны и для гражданско-правовой сферы (в частности, на территории государства, где совершено правонарушение, на борту судна под соответствующим флагом или воздушного судна, зарегистрированного в соответствии с законодательством определенного государства), в проекте предусмотрено, что юрисдикция государства-участника может быть установлена в отношении деяния, совершенного полностью или частично за пределами территории государства-участника, последствия которого составляют на его территории преступление или приводят к совершению преступления (подп. «d» п. 2 ст. 39 проекта Конвенции в сфере ИКТ). Но приведенные выше положения касаются сферы уголовного права и не в полной мере учитывают особенности использования объектов авторского права, смежных прав и гражданско-правовой защиты интеллектуальных прав на них.

Ситуация, при которой правообладателю бывает проблематично определить юрисдикцию для обращения за защитой своих нарушенных авторских или смежных прав, заставляет задуматься о создании международного правового механизма, позволяющего однозначно определять юрисдикции в случаях нарушения интеллектуальных прав, носящих трансграничный характер. Целесообразно разработать международный акт в сфере авторского права и смежных прав либо в целом интеллектуальной собственности, касающийся международно-правового регулирования отношений, имеющих трансграничный характер.

В таком международном акте в том числе могли бы быть определены вопросы юрисдикции, либо в соответствии с таким актом мог бы учреждаться специальный международный орган, например, являющийся подразделением Всемирной организации интеллектуальной собственности, в который могли бы обращаться правообладатели в случае нарушения авторских или смежных прав в цифровой среде (в информационно-телекоммуникационных сетях). В настоящее время в рамках ВОИС действует Центр ВОИС по арбитражу и посредничеству, который является нейтральным международным некоммерческим органом по урегулированию споров⁸. Однако компетенция указанного международного органа ограничена. Он фактически относится к третейским

судам, и ему подсудны споры только в тех случаях, если стороны сами договорились и предусмотрели это в своем договоре.

При этом арбитраж решает существо спора в соответствии с законом или нормами права, выбранными сторонами. В случае отсутствия выбора сторон арбитраж применяет закон и нормы права, которые он сочтет уместными (п. «а» ст. 61 Арбитражного регламента ВОИС) [4].

Действующий Центр ВОИС по арбитражу и посредничеству мог бы быть наделен дополнительными компетенциями.

В рамках предлагаемого международного акта также могло бы быть предусмотрено международное взаимодействие указанного органа с национальными органами, компетентными в вопросах связи и информационно-телекоммуникационных сетей. Решения такого международного органа могли бы учитываться национальными компетентными органами при принятии решений о блокировке неправомерно размещенного контента. При этом одно решение направлялось бы во все национальные компетентные органы стран, в которых имело место нарушение авторских или смежных прав. В то же время при наличии других требований правообладателя, в том числе по возмещению ущерба или выплате компенсации за допущенное нарушение, правообладатель мог бы обращаться в компетентные суды государств, в которых были причинены убытки действиями нарушителя.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Guide to the Copyright and Related Rights Treaties Administered by WIPO and Glossary of Copyright and Related Rights Terms. Geneva. WIPO. 2004. P. 174.
2. Волеводз А.Г. Конвенция о киберпреступности: новации правового регулирования // Правовые вопросы связи. 2007. № 2. С. 17–25.
3. Международные конвенции об авторском праве. Комментарий / Под ред. Э.П. Гаврилова. М.: Прогресс. 1982. С. 145.
4. WIPO Mediation, Arbitration, Expedited Arbitration and Expert Determination Rules and Clauses. Geneva. WIPO. 2020. P. 52.

REFERENCES

1. Guide to the Copyright and Related Rights Treaties Administered by WIPO and Glossary of Copyright and Related Rights Terms. Geneva. WIPO. 2004. P. 174.
2. Volevodz A.G. Konvenciya o kiberprestupnosti: novacii pravovogo regulirovaniya // Pravovy`e voprosy` svyazi. 2007. № 2. S. 17–25.

⁸ Альтернативное урегулирование споров. — URL: <https://www.wipo.int/amc/ru/index.html>

3. Mezhdunarodny`e konvencii ob avtorskom prave.
Kommentarij / Pod red. E.P. Gavrilova. M.: Progress,
1982. S. 145.
4. WIPO Mediation, Arbitration, Expedited Arbitration
and Expert Determination Rules and Clauses. Geneva.
WIPO. 2020. P. 52.

О НОВЫХ ПРЕДЕЛАХ ДОВЕДЕНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДО ВСЕОБЩЕГО СВЕДЕНИЯ В ДЕЛЕ «“ТЕЛЕСПОРТ ГРУП” ПРОТИВ “ЯНДЕКСА”»

ON THE NEW FRAMEWORKS OF BRINGING WORKS TO THE PUBLIC IN THE CASE “TELESPORT GROUP VS. YANDEX”

Алексей Геннадьевич ДЕЙНЕКО

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия,
alexey-deyneko@mail.ru, SPIN-код: 8899-7709,
AuthorID: 704121, ORCID: 0000-0003-3700-7364

Информация об авторе

А.Г. Дейнеко — профессор Кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам, кандидат юридических наук, государственный советник Российской Федерации 2-го класса

Аннотация. В статье проанализированы последствия для правовой доктрины и правоприменительной практики судебного спора между компаниями «Телеспорт групп» и «Яндекс», рассмотренного Московским городским судом и Первым апелляционным судом общей юрисдикции в 2021 г.

Подробно проанализированы фабула дела, процессуальные позиции сторон, а также аргументация, побудившая суд апелляционной инстанции принять по делу новое судебное решение. Уделено внимание специфике спортивных трансляций как особого вида объектов гражданских прав.

На основе проведенного анализа сделаны выводы о необходимости корректировки правовой конструкции «доведение произведений до всеобщего сведения», закрепленной в четвертой части Гражданского кодекса Российской Федерации. Кроме того, сделаны некоторые выводы относительно правовой эволюции механизмов использования объектов авторских и смежных прав в киберпространстве.

Ключевые слова: авторское право; произведения; киберпространство; интернет; доведение до всеоб-

- щего сведения; интеллектуальные права; телевидение;
- интернет-ТВ
-
- **Для цитирования:** Дейнеко А.Г. О новых пределах доведения произведений до всеобщего сведения в деле «“Телеспорт групп” против “Яндекса”» // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2022. Т. 42, № 3. С. 60–68;
- DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.15935>

Alexey G. DEINEKO

- HSE University, Russia, Moscow,
alexey-deyneko@mail.ru, SPIN-code: 8899-7709,
• AuthorID: 704121, ORCID: 0000-0003-3700-7364

Information about the author

- A.G.Deineko — professor of UNESCO Chair of copyright,
• neighboring, cultural and information rights, Candidate of
• Legal Sciences, State councillor of the Russian Federation,
• 2nd class

- **Abstract.** The article will analyze the consequences for the legal doctrine and law enforcement practice of the litigation between the companies “Teleport Group” and “Yandex”, considered by the Moscow City Court and the First Appeal Court of General Jurisdiction in 2021.

- The plot of the case, the legal positions of the parties, as well as the reasoning that prompted the appeal court to make a new decision on the case will be analyzed in detail. Attention will also be paid to the specifics of sports broadcasts as a special type of civil rights objects.

- Based on the analysis, will be drawn conclusions about the need to adjust the legal construction “bringing works to

Если же правоприменительные органы сталкиваются с противоправными действиями интернет-пользователя, то для привлечения его к ответственности приходится задействовать целый комплекс иных технических мероприятий, включая судебные экспертизы. Зачастую результатом таких действий становится информация о местонахождении лица за пределами Российской Федерации и как следствие — о нецелесообразности его дальнейшего преследования.

Высокий уровень издержек, необходимых для привлечения к ответственности лиц, осуществляющих противоправные действия в киберпространстве, вынуждает правоохранительные органы концентрировать ресурсы на преследовании тех, кто совершает наиболее опасные деяния. Лица, нарушающие авторские права, оказываются на периферии внимания правоохранительных органов, о чем красноречиво свидетельствует судебная статистика. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, из более полумиллиона граждан, привлеченных к уголовной ответственности в 2021 г., только 121 человек был привлечен к ответственности по ст. 146 Уголовного кодекса РФ (нарушение авторских и смежных прав), из них 62 было назначено условное наказание и еще 20 — наказание в виде штрафа. В 2020 г. по данной статье были привлечены к ответственности 137 человек, из них 84 отделались условным наказанием и 23 — штрафом. Усилия правоприменителей сосредотачиваются в основном на блокировке интернет-ресурсов, на которых массово размещаются объекты авторских и смежных прав (например, так называемых *торрент-треккеров*), а также на попытках привлечения к ответственности владельцев крупных интернет-ресурсов, таких как социальные сети и поисковые системы. Этим, по мнению автора, и обусловлен тот факт, что неправомерное доведение произведений до всеобщего сведения гораздо чаще порождает гражданско-правовые, нежели уголовно-правовые последствия.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации в 2015 г. утвердил Обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав, где были даны разъяснения относительно особенностей судебной защиты интеллектуальных прав, а в 2019 г. Пленум ВС РФ обобщил практику применения ч. 4 ГК РФ, в том числе в части применения судами норм о статусе информационных посредников. Вместе с тем данные разъяснения по очевидным причинам не носят исчерпывающего (и, строго говоря, обязательно для судов) характера, и формирование правовых позиций продолжается до настоящего времени.

Одно из значимых судебных дел, которое в англо-американской правовой семье вполне могло бы пре-

тендовать на статус прецедентного, было рассмотрено в 2021 г. Московским городским судом и впоследствии обжаловано в суде апелляционной инстанции. Представляется, что и без прецедентного статуса Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 2 июня 2021 г. по делу № 66-2214/2021 может стать руководящим для судов общей юрисдикции при рассмотрении аналогичных дел.

АО «Телеспорт групп», владеющее исключительными правами на показ на территории Российской Федерации ряда спортивных трансляций (в частности, матчей Серии «А» Чемпионата Италии по футболу), обратилось с иском к ООО «Яндекс» о защите исключительных прав на аудиовизуальные произведения, представляющие собой обзоры сезонов (*highlights*) Серии «А» за 2018-2019, 2019-2020 и 2020-2021 гг. Прежде чем перейти к анализу правовых позиций сторон спора и судов, необходимо обратиться к специфике такого объекта исключительных прав, как спортивные телетрансляции.

СПЕЦИФИКА СПОРТИВНЫХ ТРАНСЛЯЦИЙ КАК ОБЪЕКТА ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

В подзаголовке автор намеренно избегает формулировки «объект авторских (или смежных) прав», поскольку данное утверждение еще только предстоит доказать или опровергнуть. Законодательство об авторском праве и смежных правах пережило ряд революций, вызванных развитием технологий передачи информации. С возникновением общедоступного теле- и радиовещания в международном и национальном законодательстве развитых стран появились смежные права организаций эфирного и кабельного вещания (в отечественном законодательстве они закреплены в ст. 1329–1332 ГК РФ), осуществляющих сообщения в эфир или по кабелю и ретрансляцию как возможные способы использования произведений (п. 7–8.1 ст. 1270 ГК РФ). С ростом доступности и скорости интернета перечень способов использования произведений был дополнен доведением до всеобщего сведения, однако специального вида смежных прав, возникающих у лиц, осуществляющих это доведение, выделено не было. Такие смежные права в зависимости от объекта, о котором идет речь, могут быть отнесены к любому из известных видов смежных прав:

- смежным правам исполнителя (в силу подп. 3 п. 2 ст. 1317 ГК РФ);
- смежным правам изготовителя фонограммы (в силу подп. 4 п. 2 ст. 1324 ГК РФ);

- смежным правам организации эфирного и кабельного вещания (в силу подп. 5 п. 2 ст. 1330 ГК РФ);
- смежным правам изготовителя базы данных (в силу п. 2 ст. 1333 ГК РФ);
- смежным правам публикатора (в силу п. 1 ст. 1339 ГК РФ).

Таким образом, аналоговое теле- и радиовещание как деятельность является самостоятельным способом использования произведений, а результат этой деятельности является объектом смежных прав. При этом трансляции спортивных соревнований в интернете нельзя однозначно отнести ни к сообщению в эфир или по кабелю, ни к доведению до всеобщего сведения. Так, д.ю.н. проф. А.И. Маковский предлагает относить к доведению до всеобщего сведения только размещение в интернете записей уже состоявшихся теле- и радиопередач, а все остальное считать «вещанием как таковым» [3, с. 482]. С ним отчасти согласен д.ю.н. проф. Э.П. Гаврилов, утверждающий, что передача в интернете в режиме «реального времени» (или с задержкой) «есть сообщение в эфир или по кабелю» [4, с. 283]. Как отмечает один из разработчиков четвертой части ГК РФ к.ю.н. Е.А. Павлова, определение доведения до всеобщего сведения «несколько неточно», но различие между этим способом и сообщением в эфир или по кабелю состоит в распределении ролей. При сообщении произведения в эфир или по кабелю активные действия осуществляет организация вещания, а пользователь пассивно воспринимает сообщения, а при доведении до всеобщего сведения активную роль, напротив, играют пользователи, которые производят поиск интересующего их произведения в информационно-телекоммуникационной сети [5, с. 244].

Трудности в определении места спортивных телетрансляций в приведенной дихотомии во многом связаны с критерием доступа лица к произведению по собственному выбору, то есть его возможности произвольно выбирать место начала просмотра, которая, как правило, отсутствует при трансляции спортивных соревнований в прямом эфире. В свою очередь, спортивные трансляции в интернете не могут быть признаны сообщением в эфир или по кабелю в силу прямого указания в подп. 7, 8 п. 2 ст. 1270 ГК РФ о том, что такие сообщения осуществляются по радио или телевидению. Интернет по своей технической природе не является ни радио, ни телевидением, следовательно, без изменения формулировок ст. 1270 ГК РФ трансляции в интернете не могут быть квалифицированы в таком качестве. Компромиссным вариантом решения проблемы правовой квалификации спортивных трансляций в интернете может стать их отнесение к публичному показу произведения, предусмотренному подп. 3 п. 2 ст. 1270 ГК РФ. Такую

возможность допускает и Е.А. Павлова, исходя из указания на возможность использования «иных технических средств» [5, с. 244].

Здесь следует поставить вопрос о правовой природе спортивных трансляций более широко, рассмотрев возможность их отнесения к одному из непоименованных видов произведений. Это обусловлено тем, что все названные выше способы использования произведений имеют место только тогда, когда в объективном смысле существует само произведение. Критерий объективной (материальной) формы произведения, закрепленный в ст. 2 Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений 1886 г. и в п. 3 ст. 1259 ГК РФ, указывает на то, что правовая охрана произведения возникает в момент его создания в объективной форме, иными словами, в момент завершения автором работы над произведением. Отсюда, в частности, вытекают многочисленные практические коллизии, когда среди документов умерших композиторов, писателей или художников находят незавершенные объекты, обладающие признаками произведений. В этом же контексте происходящее в прямом эфире, то есть незавершенное спортивное соревнование, вряд ли может быть признано произведением. Вопросом о *правообъектности спортивного соревнования* задаются и в зарубежных правопорядках.

В 2011 г. Суд справедливости Европейского союза рассматривал этот вопрос на примере футбольных матчей Английской премьер-лиги и в решении от 4 октября 2011 г. по объединенным делам № С-403/08 и С-429/08 пришел к выводу, что их нельзя отнести к охраняемым авторским правом произведениям. Суд постановил, что соревнования не могут быть признаны интеллектуальным творением конкретного автора или соавторов (здесь следовало бы добавить: если мы исходим из честности и неподкупности игроков). Данный вывод Суда может быть дополнительно проиллюстрирован примером из сферы фигурного катания, для которой характерно участие спортсменов в показательных выступлениях («ледовых шоу»). Олимпийский турнир по фигурному катанию не является сценарным произведением, поскольку заранее неизвестны оценки, которые будут выставлены участникам, а следовательно, и вопрос о распределении призовых мест остается открытым. В свою очередь, показательное выступление фигуристов, из которого изъят соревновательный элемент, можно отнести к сценарным или сценарно-хореографическим произведениям, охраняемым упомянутой Бернской конвенцией и ГК РФ.

В то же время Суд отметил, что организация трансляции спортивного соревнования, состоящая

из работы комментаторов и операторов, обсуждения происходящего в студии, прямых включений с кромки поля, имеет больше признаков сценарного произведения, чем собственно спортивное соревнование. Кроме того, д.ю.н. проф. И.В. Понкин и к.ю.н. доц. А.И. Редькина отмечают, что авторско-правовой охране подлежат также некоторые элементы спортивных мероприятий: официальное наименование, логотип, опознавательная символика, талисманы, плакаты, кубки, медали, вымпелы, жетоны, памятные и иные специальные знаки призеров и других участников спортивного мероприятия [6, с. 9]. Указанные элементы объединены в российском законодательстве в понятие «символика спортивного мероприятия».

Как отмечается в зарубежных исследованиях, в основе организации спортивных трансляций лежит «авторский выбор организаторов мероприятия последовательности его элементов» [7, с. 48], т.е. речь идет об обязательных и факультативных процедурах, предшествующих соревнованию (исполнение гимна(-ов), парад участников) и завершающих его (церемония награждения). Отмечается также, что во время съемки спортивного мероприятия «ракурсы, построение кадров, различные художественные приемы, такие как разделение экрана, выбираются и реализуются в соответствии с уникальными авторскими решениями и приемами, которые, безусловно, подлежат защите в соответствии с положениями законодательства об авторском праве [7, с. 49]. Организаторы спортивных соревнований могут физически контролировать доступ зрителей и журналистов (включая операторов, комментаторов и пр.) на спортивные объекты и в этой связи обладают полномочиями, сходными с полномочиями обладателя исключительных прав.

Интересным представляется также вопрос о наличии самостоятельного вида смежных прав у организаторов спортивных соревнований, которое может заключаться в их полномочии разрешать запись или трансляцию соревнования. Как отмечают д.ю.н. проф. А.Г. Матвеев и д.ю.н. проф. В.Н. Синельникова, в проекте директивы Европейского союза об авторском праве на едином цифровом рынке содержалось предложение по выделению нового объекта смежных прав — права на освещение спортивных соревнований [8]. Однако в итоговом тексте Директивы Европейского парламента и Совета Европы от 17 апреля 2019 г. № 2019/790 данное смежное право не было закреплено.

При этом в силу особой коммерческой и культурной ценности отдельных видов спортивных соревнований в международном праве можно встретить примеры специального регулирования прав на их трансляции. Так, в Олимпийской хартии права на все

виды трансляций олимпийских соревнований закреплены за Международным олимпийским комитетом, на который возложена обязанность по обеспечению «наиболее широкого охвата различными средствами массовой информации Олимпийских игр во всем мире». Именно Международный олимпийский комитет вступает в переговоры с вещательными организациями по всему миру на предмет определения условий предоставления прав на трансляции. Аналогичные нормы содержатся в Уставе ФИФА и Уставе УЕФА для международных футбольных матчей, а также в ряде иных международных спортивных документов.

Отметим также, что п. 4 ст. 20 Федерального закона от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» наделяет организаторов российских физкультурных мероприятий и спортивных соревнований правом на их освещение «посредством трансляции изображения и (или) звука мероприятий любыми способами и (или) с помощью любых технологий, а также посредством осуществления записи указанной трансляции и (или) фотосъемки мероприятий». Согласимся с мнением А.Г. Матвеева и В.Н. Синельниковой о том, что указанная правовая конструкция должна в ближайшем будущем быть синхронизирована с положениями гл. 71 ГК РФ [8].

Что же касается анализируемого спора между АО «Телеспорт групп» и ООО «Яндекс», можно предположить, что истец не стал заявлять о нарушении своих исключительных прав на трансляции футбольных матчей, а выбрал в качестве *casus belli* именно обзоры футбольных сезонов по причине отмеченной нами неопределенности в правовой природе спортивных трансляций.

«ЯНДЕКС» И YOUTUBE: СХОДСТВО, НО НЕ ТОЖДЕСТВО

Суть претензий правообладателя (а насколько можно судить по судебным актам, факт наличия исключительных прав у истца на используемые произведения ответчиком под сомнение не ставился) состояла в том, что на сайте поисковой системы «Яндекс» были неправомерно опубликованы аудиовизуальные произведения (обзоры футбольных сезонов), права на которые принадлежат истцу. Всего истец зафиксировал пять случаев размещения различных объектов на сайте ответчика, который на момент размещения не имел исключительных прав на использование данных объектов.

Истцом были заявлены следующие требования к ответчику:

1) о прекращении использования указанных произведений на интернет-сайте yandex.ru, в том числе

путем прекращения создания для этого технических условий;

2) о запрете хранения в памяти ЭВМ указанных произведений;

3) о взыскании компенсации за нарушение исключительных прав;

4) о взыскании расходов по уплате государственной пошлины и оплате нотариальных услуг.

Оценивая заявленные иски как весьма стандартные для данной категории дел, заметим, что размер компенсации за нарушение исключительных прав в п. 3 был рассчитан истцом исходя из двукратного размера стоимости права использования указанных произведений, уплаченной истцом третьему лицу — первоначальному правообладателю по лицензионному соглашению.

Лицензионное соглашение истца с обладателем прав на спортивные трансляции в качестве одного из существенных условий предусматривало возможность истца формировать из этих трансляций обзоры сезонов и использовать их по своему усмотрению. При этом важно, что обзоры сезонов состояли исключительно из ключевых моментов футбольных матчей, что вряд ли делало возможным применение ответчиком положений ст. 1274 ГК РФ, разрешающей свободное использование произведений в информационных и иных целях. Разница между обзором лучших моментов футбольного матча (тура, сезона) и вечерним выпуском новостей, где рассказывается об итогах матча и демонстрируется видео забитого гола, на взгляд автора, очевидна.

В суде первой инстанции ответчик основал свою процессуальную позицию на том, что «Яндекс» не несет ответственности за пользовательский контент, не размещает и не распространяет его посредством сервиса, в связи с чем не могут быть удовлетворены заявленные истцом требования. Таким образом, ответчик стремился к тому, чтобы его действия соответствовали статусу информационного посредника, предусмотренному ст. 1253.1 ГК РФ. Напомним, для того чтобы быть признанным информационным посредником, ответчик должен был одновременно соответствовать двум условиям:

1) не знать о том, что использование результата интеллектуальной деятельности (в нашем случае — аудиовизуального произведения) является неправомерным;

2) своевременно принимать меры по прекращению доступа к контенту при поступлении заявления правообладателя о нарушении интеллектуальных прав.

Хрестоматийным примером информационного посредника в сфере аудиовизуальных произведений является видеохостинг YouTube, на который ежедневно загружается несколько часов видео из самых

разных точек планеты с различным национальным законодательством. Как отмечает А.М. Кузнецова, такая ситуация может вызывать затруднения у лиц, осуществляющих транслирование спортивных мероприятий и соревнований, поскольку на их возможности в переговорах с организаторами спортивных мероприятий может влиять степень исключительности прав на трансляции, которыми обладают местные вещательные компании [9, с. 223]. Для того чтобы пользоваться статусом информационного посредника в российской юрисдикции и аналогичными институтами «тихой гавани» в других странах [10], YouTube внедрил сложную систему ContentID, распознающую нелегальный контент еще на стадии загрузки видеоматериалов при помощи технологии искусственного интеллекта, а также предоставляет возможность правообладателям подавать жалобы на нарушения интеллектуальных прав в случае, если система даст сбой.

Интернет-пользователи нередко воспринимают «Яндекс» и YouTube как два похожих видеохостинга, однако указанные сервисы работают по разным принципам. YouTube предоставляет возможность загрузки и последующего просмотра видео, возлагая на пользователя всю полноту ответственности за соблюдение требований законодательства (если ContentID не выявит «грубых» нарушений авторских или смежных прав), а «Яндекс» — это в первую очередь поисковая система, с недавних пор предоставляющая в поисковой выдаче также аудиовизуальные произведения. При этом используемая «Яндексом» технология *iframe* позволяет пользователю не переходить на сайт, где размещено найденное произведение, а просматривать его непосредственно на сайте поисковой системы.

Основываясь на этой принципиальной характеристике, суд первой инстанции квалифицировал действия «Яндекса» как доведение произведений до всеобщего сведения, поскольку любой пользователь может их просматривать из любого места и в любое время по собственному выбору, оставаясь на сайте «Яндекса». Суд постановил удовлетворить заявленные истцом требования, за исключением требования о запрете хранения в памяти ЭВМ указанных произведений.

Техническая сторона данного спора стала определяющим фактором при рассмотрении апелляционной жалобы. В обосновании своей жалобы «Яндекс» заявил, что суд первой инстанции не учел технические особенности функционирования технологии *iframe*, которая является одной из разновидностей гиперссылок и позволяет отображать на сайте информацию, размещенную на другом ресурсе, без осуществления перехода на этот ресурс. Данный тезис был доказан путем проведения технической экспертизы,

которая установила, что аудиовизуальные произведения размещены на другом сайте, причем с согласия правообладателя, а их хранение и воспроизведение не осуществляется на сайте «Яндекса» (здесь и далее позиции сторон, эксперта и суда приводятся по тексту Апелляционного определения Первого апелляционного суда общей юрисдикции).

Экспертиза указала, что атрибут *iframe* создает на странице с произведением встроенный файл («контейнер»), который находится внутри страницы сайта и позволяет загружать в область заданных размеров любые независимые документы. В таком «контейнере» приводится ссылка на ресурс, на котором размещен видеоролик. При ответе на поставленные вопросы эксперт указал, что «результат выдачи по поисковому запросу состоит из гиперссылки на сайт, содержащий данный видеоролик, названия и описания видеоролика, указания его продолжительности, а также из фрагмента видеофайла. Отображение видеороликов в результатах выдачи поиска по видео осуществляется посредством выдачи результата по поисковому запросу». Иными словами, в поисковой выдаче, доступной на сайте «Яндекса», сам видеофайл не загружается на сервер «Яндекса», а при нажатии кнопки *play* его загрузка происходит непосредственно с сайта, где он был размещен.

Суд апелляционной инстанции отметил, что ст. 1270 ГК РФ не предусматривает использование гиперссылок в качестве доведения произведения до всеобщего сведения. По своей технической природе технология *iframe* является гиперссылкой, поскольку на сайте ответчика хранится не само аудиовизуальное произведение, а только «кеш» проиндексированной информации, т.е. найденные поисковым роботом «Яндекса» сведения о размещенной на других сайтах информации, ключевые маркеры («теги») и т.п.

В данном случае, по мнению суда, в действиях ответчика отсутствовали такие признаки использования произведения, как запись экземпляра произведения на электронный носитель с последующим предоставлением доступа к этому произведению любому лицу из любого места в любое время или изготовление экземпляра произведения путем его записи на новый электронный носитель. Истец также не представил доказательств использования аудиовизуальных произведений иными способами, не поименованными в п. 2 ст. 1270 ГК РФ.

Таким образом, суд апелляционной инстанции квалифицировал действия ответчика как предоставление технических средств для размещения ссылки на открытый общедоступный источник информации, правомерно содержащий аудиовизуальное произведение. На этом основании судебная коллегия сделала

вывод о том, что ответчик не допустил нарушения исключительных прав истца, и приняла по делу новый судебный акт, отказав истцу в удовлетворении всех заявленных требований. Фактически «Яндекс» в данном деле подтвердил свой статус информационного посредника, несколько расширив пределы данного понятия.

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

На первый взгляд, может показаться, что в рассмотренном деле суд слишком сильно углубился в технические вопросы функционирования интернет-сайта ответчика и не уделил должного внимания сути сложившихся правоотношений. С точки зрения теории авторского права судебное решение апелляционной инстанции сузило пределы судебного толкования понятия «доведение произведений до всеобщего сведения». Если ранее из данного понятия исключалось только размещение гиперссылки на сторонний сайт, где доступно для восприятия произведение, то теперь под такой гиперссылкой понимаются и более сложные механизмы «удаленного просмотра» произведения.

Здесь стоит обратиться к экономической стороне спора. Заметим, что истец является не просто правообладателем, получившим исключительные права на произведения от третьих лиц, а в экономическом смысле и автором указанных произведений. Согласно российскому законодательству, у истца в данном случае отсутствуют личные неимущественные права на произведения, поскольку их носителями в континентальных правовых системах могут быть только физические лица.

Вместе с тем истец, вложивший в создание этих произведений определенные усилия творческого и материального характера, вправе рассчитывать на справедливое вознаграждение от общества, если созданный им объект окажется востребованным. Именно права на прямые трансляции спортивных соревнований, а также на различного рода обзоры (*highlights*) имеют ключевую экономическую ценность в конкуренции традиционных (радио, телевидение) и цифровых средств массовой информации. Как отмечает к.ю.н. Н.В. Бузова, крупнейший российский вещатель ООО «Национальный спортивный телеканал» (учредитель телеканалов «Матч») занимает активную позицию в защите своих исключительных прав на сообщения в эфир, регулярно направляя в Мосгорсуд заявления о принятии обеспечительных мер, направленных на защиту исключительных прав [11, с. 205] (попросту говоря, добивается блокировок пиратских интернет-ресурсов). При этом права на трансляцию спортивного соревнования в наибольшей степени уязвимы именно во время проведения соревнования,

а вскоре после обнародования его результатов интерес к событию постепенно сходит на нет. В отличие от трансляций права на аудиовизуальные произведения, созданные на основе трансляций, еще долгое время могут представлять коммерческую ценность.

Размещение аудиовизуальных произведений на стороннем сайте, по мнению автора, преследовало очевидную коммерческую цель: получить прибыль от сопутствующего рекламного трафика на сайте. При этом возможность просмотра этих произведений на другом интернет-сайте (в нашем случае — «Яндекс») снизила коммерческую отдачу, поскольку такие просмотры обычно не учитываются при оценке посещаемости стороннего сайта. Прибыль от рекламного трафика в рассмотренном деле получила поисковая система, не затратившая средств и творческих усилий для создания произведений, что вряд ли можно назвать экономически обоснованным. Добавим: не только правоведа, но и специалисты в сфере маркетинга отмечают, что рынок футбольных трансляций в России носит «хаотичный характер» в силу отсутствия реестра и контроля за использованием прав на трансляции футбольных матчей в интернете [12, с. 116].

Таким образом, можно прийти к выводу, что рассмотренное Апелляционное определение является технически и юридически обоснованным, но экономически не вполне справедливым. Нет никаких сомнений в том, что дальнейшее развитие цифровых технологий еще не раз поставит судебные органы перед делами, требующими уточнения ранее выработанных правовых позиций. Среди них наверняка следует ожидать и новых позиций о правовом статусе спортивных трансляций.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дейнеко А.Г. Гражданско-правовое регулирование доведения произведений до всеобщего сведения с использованием информационно-телекоммуникационных сетей в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юр. наук. М.: РГАИС, 2013. 23 с.
2. Наумов В.Б. Институт идентификации в информационном праве: Автореф. дис. ... д-ра. юр. наук. М.: ИГП РАН, 2020. 52 с.
3. Комментарий к Гражданскому кодексу РФ, часть IV / под ред. А.Л. Маковского; вступ. статья В.Ф. Яковлева; Иссл. центр частного права. М.: Статут, 2008.
4. Гаврилов Э.П., Городов О.А. и др. Комментарий к ГК РФ (постатейный). Часть 4. М.: Велби, 2008.
5. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса РФ (постатейный) / отв. ред. Е.А. Павлова. М.: ИЦЧП имени С.С. Алексеева при Президенте РФ, 2018.
6. Понкин И.В., Редькина А.И. Право интеллектуальной собственности в сфере футбола // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2017. № 5. С. 7–14.
7. Deutsch A. Sports Broadcasting and Virtual Advertising: Defining the Limits of Copyright Law and the Law of Unfair Competition // Marquette Sports Law Review. 2000. Vol. 11. Issue 1. P. 41–86.
8. Матвеев А.Г., Синельникова В.Н. Объекты интеллектуальной собственности, получающие охрану в XXI веке // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 2. С. 281–309. DOI: 10.17072/1995-4190-2019-44-281-309.
9. Кузнецова А.М. Особенности регулирования теле-, радио- и интернет-трансляций спортивных мероприятий // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2013. № 3. С. 221–228.
10. Васичкин К.А. Регулирование деятельности информационных посредников в целях охраны интеллектуальных прав в сети Интернет по законодательству России, США и ЕС // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 6. С. 1180–1184.
11. Бузова Н.В. Спортивные передачи: актуальные вопросы правовой охраны и защиты прав на них // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 1. С. 195–213. DOI: 10.17-323/2072-8166.2019.1.195.213.
12. Гумерова Г.И., Шаймиева Э.Ш. Интеллектуальная собственность в российском профессиональном футболе как объект системы управления в виртуальном пространстве: основные положения бизнес-модели // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. № 5 (338). С. 111–128.

REFERENCES

1. Dejneko A.G. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie dovedeniya proizvedenij do vseobshchego svedeniya s ispol'zovaniem informacionno-telekommunikacionnyh setej v Rossijskoj Federacii: Avtoref. dis. ... kand. yur. nauk. M.: RGAIS, 2013. 23 s.
2. Naumov V.B. Institut identifikacii v informacionnom prave: Avtoref. dis. ... d-ra. yur. nauk. M.: IGP RAN, 2020. 52 s.
3. Kommentarii k Grazhdanskomu kodeksu RF chast' IV / Pod red. A.L. Makovskogo; vstup. st. V.F. Yakovleva; Issl. centr chastnogo prava. M.: Statut, 2008.
4. Gavrilov E.P., Gorodov O.A. i dr. Kommentarii k GK RF (postatejnyj) chast' 4. M.: Velbi, 2008.
5. Kommentarii k chasti chetvertoj Grazhdanskogo kodeksa RF (postatejnyj) / Otv. red. E.A. Pavlova. M.: ICCHP im. S.S. Alekseeva pri Prezidente RF, 2018.
6. Ponkin I.V., Red'kina A.I. Pravo intellektual'noj sobstvennosti v sfere futbola // Intellektual'naya

- sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava. 2017. No 5. S. 7–14.
7. *Deutsch A.* Sports Broadcasting and Virtual Advertising: Defining the Limits of Copyright Law and the Law of Unfair Competition // *Marquette Sports Law Review*. 2000. Vol. 11. Issue 1. P. 41–86.
8. *Matveev A.G., Sinel'nikova V.N.* Ob"ekty intellektual'noj sobstvennosti, poluchayushchie ohranu v XXI veke // *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*. 2019. No 2. S. 281–309. DOI: 10.17072/1995-4190-2019-44-281-309.
9. *Kuznecova A.M.* Osobennosti regulirovaniya tele-, radio- i internet-translyacij sportivnyh meropriyatij // *Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki*. 2013. No 3. S. 221–228.
10. *Vasichkin K.A.* Regulirovanie deyatel'nosti informacionnyh posrednikov v celyah ohrany intellektual'nyh prav v seti Internet po zakonodatel'stvu Rossii, SSHA i ES // *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2014. No 6. S. 1180–1184.
11. *Buzova N.V.* Sportivnye peredachi: aktual'nye voprosy pravovoj ohrany i zashchity prav na nih // *Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki*. 2019.No 1. S. 195–213. DOI: 10.17-323/2072-8166.2019.1.195.213.
12. *Gumerova G.I., Shajmieva E.S.* Intellektual'naya sobstvennost' v rossijskom professional'nom futbole kak ob"ekt sistemy upravleniya v virtual'nom prostranstve: osnovnye polozheniya biznes-modeli // *Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost'*. 2016. No 5 (338). S. 111–128.

ЛИЦЕНЗИОННЫЕ СОГЛАШЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ СТАНДАРТ-НЕОБХОДИМЫХ ПАТЕНТОВ (FRAND-ЛИЦЕНЗИИ) LICENSE AGREEMENTS FOR STANDARD-REQUIRED PATENTS (FRAND-LICENSES)

Владислав Владимирович РЕЧКИН

Российский университет дружбы народов (РУДН),
Москва, Российская Федерация,
rvladislavv@gmail.com,
ORCID: 0000-0003-3967-3774

Информация об авторе

В.В. Речкин — аспирант

Аннотация. В статье рассмотрены лицензионные соглашения, предметом которых являются стандарт-необходимые патенты на справедливых, разумных и недискриминационных условиях (*fair, reasonable and non-discriminatory*), именуемые FRAND-лицензии. Правовые институты стандарт-необходимых патентов и FRAND-лицензий являются средствами разрешения существующего в патентном праве конфликта интересов правообладателей и пользователей инновационных разработок и достаточно активно используются в коммерческих отношениях между крупными инновационными компаниями в зарубежных правовых порядках. Указанные правовые институты также затрагивают важнейший и актуальный вопрос о границах применения патентного и антимонопольного (конкурентного) права при регулировании инновационной сферы. Сегодня не существует единого подхода к правовому регулированию и применению FRAND-лицензий и их условий, нет единого понимания правовой природы FRAND-лицензий и в юридической науке.

Целью настоящего исследования является раскрытие сущности требований разумности, справедливости и обеспечения недискриминационного доступа во FRAND-лицензиях. Для достижения этой цели автор поставил задачу выявить сложившиеся в зарубежных правовых порядках подходы к определению условий FRAND-лицензий. Автор провел сравнительно-правовой анализ зарубежной научной доктрины, судебной практики, а также политик стандарт-устанавливающих организаций. По результатам исследования автор при-

- шел к выводу, что FRAND-лицензии являются в патентном праве лицензионными соглашениями особого рода, которые направлены на обеспечение баланса интересов правообладателей и пользователей стандарт-необходимых патентов при производстве комплексных инновационных продуктов. Особенность FRAND-лицензий заключается в специальных требованиях, предъявляемых к условиям лицензирования.

- Автор изучил практику применения патентного, обязательственного и конкурентного законодательства к FRAND-лицензиям, выявил существующие проблемы в определении их условий и разрешении споров.

- **Ключевые слова:** исключительное право; FRAND-обязательства; FRAND-лицензия; лицензионное соглашение; правообладатель; патентообладатель; роялти; стандарт-необходимый патент; стандарт-устанавливающая организация; комплексный инновационный продукт

- **Для цитирования:** Речкин В.В. Лицензионные соглашения в отношении стандарт-необходимых патентов (FRAND-лицензии) // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2022. Т. 42, № 3. С. 69–78;
DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.15936>

Vladislav Vladimirovich RECHKIN

- Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation,
rvladislavv@gmail.com,
• ORCID: 0000-0003-3967-3774

Information about the author

- V.V. Rechkin — PhD student

- **Abstract.** This article concerns to license agreements, the subject of which are standard-essential patents, on fair,

ставить FRAND-лицензию оказывают существенное влияние на исключительное право патентообладателя как при его реализации в обязательственных правоотношениях, так и при осуществлении действий по его защите в случае неправомерного использования. Отметим, что FRAND-обязательства действуют на преддоговорной стадии, включая в себя обязанность правообладателя добросовестно вести переговоры и заключить соглашение с любым лицом, желающим использовать патент, а также устанавливают специальные требования к условиям лицензионного соглашения (FRAND-лицензии).

По мнению А.С. Ворожевич, «обязательства FRAND нацелены на то, чтобы предотвращать прямой отказ от выдачи лицензии или установление в договоре чрезмерных роялти или иных невыгодных условий, которые фактически означают невозможность заключения сторонами соглашения. В связи с этим FRAND-обязательства включают в себя обещание правообладателя добросовестно вести переговоры со всеми компаниями, желающими применять стандарт в своей деятельности, о заключении лицензионного договора» [2, с. 115–151].

В зарубежной доктрине нет единого понимания правовой сущности указанных институтов. Правовой институт FRAND-обязательств не закреплен законодательно, а выработан в правоприменительной практике и научной доктрине. Разница в подходах к пониманию FRAND-обязательств во многом обусловлена различием в правовых системах государств, в которых существует указанный правовой институт.

В настоящий момент в правовых системах США, Великобритании и Франции наиболее распространено рассмотрение указанных обязательств в качестве договорных обязательств в пользу третьих лиц (*binding contracts for the benefit of third parties*) [3, с. 311–363]. В соответствии с указанным подходом правообладатель стандарт-необходимого патента обязуется перед стандарт-устанавливающей организацией предоставлять в отношении своего патента лицензию на условиях FRAND любому лицу, внедряющему стандарт в своем производстве.

FRAND-обязательства автоматически не создают лицензионное соглашение между правообладателем и пользователем стандарта — потенциальным лицензиатом. Конкретные условия лицензионного соглашения должны быть определены путем переговоров, по результатам которых заключается лицензионный договор. По сути, FRAND-обязательства являются формой «неполного/незавершенного договора», условия которого должны быть определены сторонами либо установлены судом в случае спора.

Последние судебные споры в США, Великобритании и Франции подтверждают, что публичные заявления правообладателя о готовности предоставить

FRAND-лицензию влекут возникновение между патентообладателем и стандарт-устанавливающими организациями договорных отношений, предметом которых является предоставление любым третьим лицам безотзывного лицензионного соглашения на условиях FRAND. В случае отказа патентообладателя в предоставлении лицензии либо в случае определения ее условий не в соответствии с критериями FRAND предполагаемый лицензиат вправе через суд потребовать предоставления лицензии и/или определить ее условия [4–6].

В Германии действует несколько иной подход, согласно которому FRAND-обязательства представляют собой предложение третьим лицам направлять оферты для заключения лицензионного соглашения на стандарт-необходимые патенты. Правообладатель при получении оферты обязан рассмотреть ее и при несогласии с предложенными условиями направить контрoferту [3, с. 318; 7; 8]. В связи с изложенным в Германии FRAND-обязательства не признаются в качестве договорных и сами по себе подлежат судебной защите. Соблюдение исполнения FRAND-обязательств в германском правовом порядке обеспечивается посредством применения конкурентного (антимонопольного) законодательства.

Таким образом, наличие принятых правообладателем на себя FRAND-обязательств обуславливает применение требований справедливости, разумности и обеспечения недискриминационного доступа к условиям лицензионного соглашения, в связи с чем автор считает необходимым раскрыть сущность условий FRAND-лицензий и проанализировать практику их соблюдения.

УСЛОВИЯ FRAND-ЛИЦЕНЗИИ

При анализе условий FRAND-лицензий следует выделить их общие особенности.

Во-первых, из иностранной судебной практики следует, что конкретные критерии, на основании которых устанавливается соблюдение FRAND-условий, часто вырабатываются судами в делах о нарушении исключительного права на стандарт-необходимый патент либо о нарушении антимонопольного законодательства. Разумные и справедливые роялти нередко выступают в качестве минимального размера убытков в делах о неправомерном использовании патента [9]. Условия о недискриминационном доступе тесно связаны с пресечением злоупотребления правообладателем доминирующим положением или осуществления недобросовестной конкуренции в делах о нарушении антимонопольного (конкурентного) законодательства.

Вместе с тем правовые позиции, выработанные в делах по указанным категориям споров, не являются

ся жесткими, а больше направлены на установление ориентиров, которыми могут руководствоваться суд и стороны в спорах, касающихся FRAND-лицензий.

Во-вторых, на сегодняшний день не существует какого-либо универсального механизма определения FRAND-условий. При ведении переговоров о заключении FRAND-лицензии правообладатель и потенциальный лицензиат свободны в определении условий использования патента. Суды при разрешении споров, касающихся FRAND-лицензий, стараются не пересматривать коммерческую составляющую сделки, а проверяют добросовестность сторон и соответствие условий использования патента FRAND-условиям, которые будут раскрыты далее. Для указанных целей суды пытаются конструировать гипотетические переговоры между сторонами и учитывают ранее представленные правообладателем лицензии.

На уровне стандарт-устанавливающих организаций устанавливаются общие принципы лицензирования, но не конкретные условия FRAND-лицензий. Например, в Руководстве по правам интеллектуальной собственности Европейского института телекоммуникационных стандартов (ETSI) указано: «Конкретные условия лицензирования являются коммерческими вопросами между компаниями и не подлежат рассмотрению в рамках ETSI» [10]. В уставе Совета по стандартам Института инженеров электротехники и электроники (IEEE) указано: «IEEE не несет ответственности за определение того, являются ли какие-либо условия лицензии, предусмотренные в связи с представлением правообладателем гарантийного письма, если таковые имеются, или в каких-либо лицензионных соглашениях, разумными или недискриминационными» [11].

Кроме того, конкретные ставки роялти и иные условия использования не могут устанавливаться стандарт-устанавливающими организациями из-за риска нарушения конкурентного законодательства. Из разъяснений, данных Министерством юстиции и Федеральной торговой комиссией США, следует, что установление правообладателями под видом условий лицензирования ставок роялти может рассматриваться как картельный сговор в целях поддержания цен на товарном рынке [12]. Вместе с тем политика стандарт-устанавливающих организаций может учитываться в качестве руководящих принципов при согласовании условий лицензионного соглашения между сторонами, а также при рассмотрении судебного спора [13].

ТРЕБОВАНИЯ РАЗУМНОСТИ И СПРАВЕДЛИВОСТИ

Основными условиями FRAND-лицензии, в которых выражаются требования справедливости, разумности

и недискриминационного доступа, являются условия о роялти за использование патента. Большинство судебных споров в зарубежных правовых системах касаются установления ставок и размера роялти в лицензионных соглашениях.

Определение размера роялти для FRAND-лицензии — достаточно сложная задача с юридической и экономической точек зрения. Раскрывая принципы определения FRAND-роялти, А.С. Ворожевич ссылается на работы Н. Сибрасса и Т. Коттера:

- при установлении роялти за использование конкретной технологии судам следует учитывать общую сумму всех роялти, которые должен выплатить производитель конкретного инновационного продукта;
- FRAND-роялти должны соответствовать приростной ценности технологии в сравнении с альтернативами;
- роялти должны быть пропорциональны: а) значимости технологии для стандарта; б) значимости технологии для пользователей стандарта; в) ценности стандарта для пользователей («принцип пропорциональности»);
- при установлении размера роялти не должна учитываться «ценность, добавленная технологией включением ее в стандарт» (иными словами, ценность, добавленная «сетевым эффектом»);
- роялти должны представлять собой адекватный стимул для изобретательской деятельности и участия в стандартах [1, 14].

Указанные принципы коррелируют с распространенным в зарубежной науке подходом, согласно которому стоимость патента должна основываться на цене, которая существовала до признания патента стандарт-необходимым (*ex ante value*). В деле «Microsoft v. Motorola» судья Джеймс Робартс выразил мнение, что в RAND-обязательствах разумные роялти основаны на экономической стоимости самой запатентованной технологии отдельно от стоимости, связанной с включением патента в стандарт, и стороны в рамках гипотетических переговоров должны учитывать альтернативные технологии, которые могли бы быть включены в стандарт [15].

Максимальный размер роялти может быть определен методом приростной стоимости в сравнении с лучшей альтернативной технологией (*ex ante incremental value approach*). Данный подход основывается на тесте, разработанном судом в деле «Georgia-Pac. Corp. v. U.S. Plywood Corp» [16]. Тест, состоящий из 15 пунктов, применяется для определения размера разумных роялти в делах о нарушениях исключительного права. Однако для применения метода приростной стоимости самыми значимыми являются

9-й и 15-й пункты: полезность и преимущества запатентованного объекта над старыми способами или устройствами, которые использовались для получения схожих результатов (9-й пункт); сумма, которую на момент нарушения лицензиат был бы готов заплатить лицензиару за использование патента и которая была бы приемлема для лицензиара, если бы стороны разумно и добровольно вели переговоры (15-й пункт).

Схожие принципы также изложены в сообщении Европейской комиссии об определении подходов в Европейском союзе к стандарт-необходимым патентам [17].

Принцип *ex ante incremental value approach* заключается в том, что патентообладатели получают выгоду от включения патента в стандарт исключительно за счет увеличения количества предоставляемых лицензий, основные преимущества от процесса стандартизации получают производители продукции, внедряющие стандарт и запатентованную технологию. Патентообладатель вправе увеличить цену лицензии только в пределах той ценности, которую получает лицензиат в сравнении с альтернативной технологией. Безусловно, такой подход является наиболее благоприятным для потенциальных лицензиатов (производителей) и конечных потребителей, однако он имеет ряд существенных недостатков [18, с. 91–99].

Во-первых, применение метода приростной стоимости возможно, когда уже существует какая-то рыночная стоимость стандарт-необходимого патента. Вместе с тем FRAND-лицензии предоставляются, как правило, уже после включения патента в стандарт, до указанного момента какие-либо рыночные данные, на основании которых возможно определение ставки роялти на соответствие критериям FRAND, отсутствуют.

Во-вторых, применение указанного подхода предполагает наличие альтернативных технологий, включенных в стандарт, однако ряд технологий могут являться «прорывными» и не иметь аналогов вовсе.

В-третьих, инноваторы нередко разрабатывают технологии именно для последующего включения патента в стандарт, неся колоссальные затраты на проведение научно-исследовательских работ. Если запатентованная технология является «прорывной» и существенно увеличивает ценность конечного продукта, то определение роялти методом приростной стоимости может недостаточно покрывать расходы инноватора и подрывать стимулы для создания новых технологий и их последующего включения в стандарт. По сути, правообладателю станет выгоднее предоставлять лицензии на свой патент вне стандарта.

В-четвертых, выделение стоимости отдельно взятого патента или группы патентов из стандарта затруднительно, поскольку ценность запатентованной

технологии, включенной в стандарт, определяется ее функциональной совместимостью с иными технологиями. Одной из основных функций включения патентов в стандарт является расширение совместимости и взаимодействия различных технологий.

По результатам анализа можно сделать вывод, что отдельные принципы подхода к приростной стоимости американскими и европейскими судами учитывались при разрешении споров, однако в чистом виде указанный подход судам практически так и не удалось применить. В настоящий момент на практике существует два подхода к определению разумной и справедливой ставки роялти:

1) *bottom-up approach* — согласно указанному подходу ставка роялти определяется исходя из сопоставимых лицензий или иных рыночных показателей, однако без учета общей суммы роялти за применяемый производителем стандарт;

2) *top-down approach* — в рамках данного подхода определяется общая сумма для стандарта с последующим определением доли за каждый патент.

Первый подход характеризуется установлением FRAND-роялти посредством применения метода сопоставимых лицензий (*comparable licenses*); указанный подход достаточно часто применяется американскими судами. В частности, в деле «HTC Corp. v. Telefonaktiebolaget LM Ericsson» компания HTC предъявила иск к компании Ericsson о нарушении последней FRAND-обязательств при ведении переговоров о заключении соглашения о «перекрестном» лицензировании в 2016 г. Однако окружной суд Восточного округа Техаса установил, что предлагаемые ответчиком ставки роялти соответствовали ранее выданным лицензиям, в связи с чем сделал вывод об отсутствии нарушения FRAND-обязательств и отказал в удовлетворении иска [19].

В упомянутом выше деле «Microsoft v. Motorola» суд отказался применять подход приростной стоимости по причине его неприменимости в реальных коммерческих отношениях. Суд попытался определить ставку роялти посредством сопоставимых лицензий, однако посчитал, что ранее выданные Motorola лицензии не могут приниматься во внимание в качестве сравнения, в связи с чем применил ставку роялти за использование патентных пулов, которые использовались ответчиком за пределами стандарта. Судья Робертс отметил, что ставка лицензии за патентный пул в данном случае обеспечивает необходимый баланс интересов для сторон, предусматривая ставку роялти, достаточно высокую для правообладателя (создавая стимулы для лицензирования патента через патентные пулы) и достаточно низкую для лицензиата (необходимую для широкого внедрения стандарта).

В Германии суды также достаточно активно применяют метод сопоставимых лицензий. В частности, в делах «Fraunhofer-Gesellschaft (MPEG-LA) v. ZTE» и «Tagivan (MPEG-LA) v. Huawei» Высший земельный суд Дюссельдорфа отклонил возражения ответчиков о злоупотреблении истцом доминирующим положением, выразившемся в направлении оферты для заключения лицензионного соглашения не на условиях FRAND. Суды указали, что ранее предоставленные истцом лицензии могут использоваться при проверке соответствия предлагаемой ставки роялти требованиям разумности и справедливости, что в случае, если сопоставимые лицензии были приняты большинством лицензиатов на рынке, точного математического расчета роялти не требуется [20, 21].

Преимущество *bottom-up approach* заключается в том, что ценообразование FRAND-лицензий осуществляется на основании реальных рыночных сделок. В упомянутом выше деле «HTC Corp. v. Telefonaktiebolaget LM Ericsson» указано, что сопоставимые лицензии являются наилучшим рыночным доказательством стоимости стандарт-необходимых патентов и надежным методом установления справедливых и разумных ставок роялти, согласующихся с условиями FRAND.

Указанный подход также позволяет проверить условие о недопустимости дискриминации. Если правообладатель установит ставку роялти, отличную от обычно применяемой при аналогичных обстоятельствах, то потребуются экономическое обоснование изменения ставки.

Недостатком указанного подхода является то, что правообладатели могут устанавливать сверхвысокие ставки роялти, опасаясь недостаточной компенсации убытков, или роялти за использование патента в случае сравнения ранее выданных лицензий [22].

Второй подход — *top-down approach* — был применен в деле «In re Innovatio IP Ventures v. Wireless Network Users». Судья Холдерман произвел расчет ставки роялти исходя из средней прибыли производителей Wi-Fi-чипов за период 2000–2013 гг. (общая сумма вознаграждения за использование стандарта Wi-Fi 802.11 составила 1,80 доллара США за один чип), количества патентов, включенных в стандарт Wi-Fi 802.11 (3 тыс. патентов), а также учел важность патента истца для стандарта. Суд, соглашаясь с мнением специалистов, пришел к выводу, что 84% стоимости стандарта Wi-Fi 802.11 определяется 10% наиболее значимых стандарт-необходимых патентов, к которым относились патенты истца. В результате суд определил ставку роялти в размере 9,56 цента за использование 19 патентов истца, выделив причитающуюся истцу долю в общей сумме вознаграждения за использование стандарта [23].

Недостаток *top-down approach* заключается в том, что для установления общего размера вознаграждения за использование стандарта суду следует установить общее количество стандарт-необходимых патентов, а также проанализировать все совершенные за конкретный период сделки, предметом которых являлись патенты, включенные в конкретный стандарт. Однако значительное количество сделок являются конфиденциальными, и суд ограничен только теми доказательствами, которые предоставляют стороны. Помимо указанного суд, устанавливая стоимость конкретного стандарт-необходимого патента, затрагивает также определение стоимости иных патентов в составе стандарта, которые не являются предметом спора.

Еще одной проблемой в определении разумных и справедливых роялти является установление базы для их расчета. В настоящий момент существует два подхода для установления базы роялти: от стоимости конечного продукта (*the entire market value rule / EVMR*) и от стоимости отдельного компонента в комплексном инновационном продукте (*smallest salable patent-practicing unit / SSPPU*).

Согласно правилу SSPPU, расчет ставки роялти должен осуществляться от стоимости компонента (наименьшей продаваемой единицы), в котором воплощен патентоохраняемый объект. Например, в деле «Cornell University v. Hewlett-Packard Company» спор касался буфера переупорядочивания команд (IRB), являвшегося составной частью процессоров (CPU), которые в совокупности составляли процессорный блок компьютера (CPU brick). Суд отклонил требования ответчика о расчете роялти исходя из стоимости конечного продукта — компьютерных серверов и рабочих станций. В качестве мотива суд указал, что компьютеры в данном случае включают в себя огромное количество компонентов, которые не охватываются патентом истца, в связи с чем расчет роялти от стоимости конечного продукта привел бы к получению патентообладателем необоснованной прибыли. В итоге суд присудил истцу убытки в виде упущенной выгоды, применив ставку роялти 0,8% стоимости процессоров (CPU) в компьютере (6,7 млрд долларов США). В данном случае суд посчитал, что именно процессоры являются наименьшей продаваемой единицей, в которой выражен патент [24].

Вместе с тем применение правила SSPPU не является абсолютным. В тех случаях, когда спрос на комплексный продукт напрямую зависит от патентоохраняемого объекта и запатентованные и непатентованные компоненты продукта составляют единую функциональную единицу, в качестве базы для расчета роялти может применяться конечная стоимость продукта в целом (EVMR).

Как указал Апелляционный суд США по федеральному округу по делу «*Laserdynamics, Inc. v. Quanta Computer, Inc.*», правило расчета роялти от стоимости конечного продукта (EVMR) является исключением из общего правила, и, если будет доказано, что запатентованный элемент стимулирует спрос на весь многокомпонентный продукт, то патентообладателю могут быть присуждены убытки в виде процента от стоимости конечной продукции [25].

Помимо указанного применение правила SSPPU не требуется в случаях, когда существуют сопоставимые лицензии. Тогда установление стоимости патента и размера роялти возможно на основании ранее предоставленных правообладателем лицензий, что является (на основании решений американских судов) наиболее эффективным средством доказывания и соответствует сложившейся мировой судебной практике [26, 27].

В Германии применение правила SSPPU также не является абсолютным. В деле «*Nokia v. Daimler*» суд сделал вывод, что правообладатели в принципе должны получать долю в прибыли от реализации конечного продукта, который основан на запатентованной технологии [28].

НЕДИСКРИМИНАЦИОННЫЕ УСЛОВИЯ

Особенностью недискриминационных условий во FRAND-лицензиях является их тесная связь с антимонопольным регулированием. В научной доктрине и судебной практике существует несколько позиций о возможности применения к FRAND-лицензиям антимонопольных (конкурентных) механизмов.

В англо-американской судебной практике и доктрине преобладает подход, согласно которому FRAND-обязательства/лицензии предоставляют более широкие гарантии по использованию патента, сверх тех пределов осуществления исключительного права, которые определяются антимонопольными требованиями. В случае нарушения правообладателем недискриминационных условий FRAND-лицензии не требуется применения антимонопольных мер воздействия, в данном случае имеют место нарушение договорного обязательства и необходимость применения договорных способов защиты. Применение антимонопольного (конкурентного) законодательства требует установления более сложной совокупности обстоятельств: наличие конкурентных отношений на товарном рынке, осуществление патентообладателем незаконных или недобросовестных действий с антиконкурентной целью, причинение вреда конкуренции на товарном рынке в качестве последствия таких действий [18, с. 123–125].

В частности, в делах «*TCL v. Ericsson*» и «*Unwired Planet v. Huawei*» Окружной суд Центрального округа Калифорнии и Верховный суд Соединенного Королевства посчитали, что условие о недискриминационном доступе не должно проверяться посредством антимонопольных запретов. Суды разграничили ущерб конкуренции, причиняемый в результате нарушения антимонопольного законодательства, и ущерб, который может быть причинен контрагенту в результате нарушения условия о недискриминационном доступе во FRAND-лицензии [5, 29].

Другим подходом для определения наличия дискриминационных условий в лицензионном соглашении является установление факта причинения ущерба конкуренции. Указанный подход был применен германскими судами в деле «*Sisvel v. Haier*». Суть спора заключалась в том, что Sisvel предложил лицензию Haier по более высокой ставке роялти, чем конкурентам лицензиата. Sisvel утверждал, что был вынужден предложить низкие ставки роялти для конкурентов контрагента из-за давления китайских органов власти, однако Высший земельный суд Дюссельдорфа посчитал, что в данном случае Sisvel злоупотребил доминирующим положением путем нарушения запрета на ценовую дискриминацию, установленного ст. 102 Договора о функционировании Европейского союза. Верховный суд ФРГ согласился позицией нижестоящего суда о недопустимости злоупотребления доминирующим положением, однако пришел к выводу, что отсутствие эффективной судебной защиты и давление китайских государственных органов стали объективной и оправдывающей причиной установления разных ставок роялти, в связи с чем требование о недискриминационном лицензировании нарушено не было [7].

Вместе с тем в указанных выше подходах имеется и общее: недискриминационные условия во FRAND-лицензиях толкуются как запрет на неоправданное установление разных условий использования патента. Отметим, что запрет на дискриминацию касается не только условий о роялти, но также и иных условий в лицензионном соглашении: территория, в пределах которой предоставляется право использования, способы и объем использования. Для проверки соблюдения условия о недискриминационном доступе все указанные факторы должны оцениваться в совокупности. Основная цель FRAND-лицензий состоит не в том, чтобы правообладатель установил одинаковые условия использования патента для всех лицензиатов, а в том, чтобы условия использования патента были экономически оправданы и не приводили к получению патентообладателем неоправданных преимуществ и/или не наносили ущерб конкуренции.

Большинство судебных споров касалось установления дискриминационных условий именно в отношении роялти. С экономической точки зрения установление идентичных роялти для всех потенциальных лицензиатов, занимающих разное место в структуре производства, нецелесообразно и может привести к неблагоприятным экономическим последствиям. Позиция об отсутствии обязанности устанавливать одинаковый размер роялти для всех лицензиатов нашла свое отражение также в судебной практике [7, 29]. Факторами, которые могут оказывать влияние на ставку/размер роялти, являются географический охват лицензии, объем продаж, продукт (конечный или комплектующий), в котором воплощается запатентованное техническое решение, в связи с чем лицензии даже с разными ставками роялти могут признаваться равными, и дискриминация будет отсутствовать.

Можно сделать вывод, что общепринятой интерпретацией условия о недискриминационном доступе является то, что лицензиатам, находящимся в одинаковом положении на товарном рынке, должны быть предложены аналогичные условия использования патента. В данном случае учитывается место лицензиата в структуре производства (производитель компонента либо конечного продукта), территориальный характер деятельности (транснациональный либо локальный), а также условия использования патента, которые запрашивает контрагент.

Важным аспектом в обеспечении недискриминационного доступа является рынок, на котором патентообладатель принял решение предоставлять FRAND-лицензии. Например, если патентообладатель принял решение о предоставлении FRAND-лицензии только производителям конечного продукта, то FRAND-обязательства будут действовать лишь в отношении указанных производителей — пользователей стандарта. В данном случае у патентообладателя отсутствует обязанность предоставить FRAND-лицензию на аналогичных условиях производителям компонентов.

Как и в случае с проверкой соблюдения справедливых и разумных условий лицензий, большое значение имеет применение метода сопоставимых лицензий. Однако существует ряд проблем. Во-первых, проверка соблюдения условия о недискриминационном доступе требует оценки иных лицензий, выданных правообладателем или заключаемых в рамках внедрения стандарта, многие из этих лицензий являются конфиденциальными. Во-вторых, указанный метод приводит к возникновению «наиболее благоприятной лицензии», что может привести к общему повышению цен на лицензии и конечные продукты, поскольку правообладатели будут опасаться установления низких ставок роялти для последующих лицензий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По результатам исследования можно сделать вывод о комплексном взаимодействии патентного, обязательственного и конкурентного права при регулировании FRAND-лицензий, что позволяет обеспечить инновационное и конкурентное развитие в отраслях производства, где требуется соединение нескольких технологий для создания комплексного инновационного продукта.

FRAND-лицензии представляют собой лицензионные соглашения особого вида, предметом которых является предоставление права использования стандарт-необходимых патентов. К особенностям FRAND-лицензий относится то, что для них предъявляются специальные требования к условиям лицензирования, исключающие дискриминацию в отношении пользователей, находящихся на одном уровне производства. Применительно к условиям о роялти основной смысл FRAND-лицензий заключается в том, что ставка/размер роялти должна обоснованно отражать стоимость запатентованной технологии в комплексном инновационном продукте. Указанный механизм позволяет исключить установление неоправданного размера роялти или иных условий использования патента.

Заключению FRAND-лицензии предшествует принятие правообладателем на себя FRAND-обязательств перед стандарт-устанавливающей организацией. Конкретные условия FRAND-лицензии устанавливаются сторонами добровольно в ходе переговоров, в случае несогласия потенциального лицензиата с условиями лицензирования спор может быть передан на рассмотрение суда. При рассмотрении споров о нарушении FRAND-обязательства суд должен оценить добросовестность поведения сторон, предложенные правообладателем условия лицензии, характер и сферы деятельности правообладателя и пользователя стандарта, место в структуре производства, ранее предоставленные патентообладателем в рамках соответствующего стандарта лицензии.

Нарушение условий FRAND-лицензий в англо-американском и французском правовых порядках рассматривается как нарушение договорных обязательств в патентном праве. В германском правовом порядке к спорам, возникающим из FRAND-обязательств/лицензий, в наибольшей степени применяется антимонопольное (конкурентное) законодательство.

Отметим, что правовая конструкция FRAND-лицензий не лишена недостатков. Проверка соблюдения FRAND-условий является достаточно сложной задачей, требующей анализа значительного количества ранее предоставленных в рамках стандарта лицензий для оценки их сопоставимости, а также для оценки

ряда иных обстоятельств. Кроме того, актуален вопрос об определении FRAND-условий для мировых и региональных лицензий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ворожевич А.С. Пределы осуществления исключительных прав на стандарт — необходимые патентоохраняемые объекты и программное обеспечение. Условия FRAND // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2018. № 20. С. 11–26.
2. Ворожевич А.С. Защита исключительных прав на патентоохраняемые объекты: монография. М.: Статут, 2020.
3. Thomas F. Cotter Comparative Law and Economics of Standard-Essential Patents and FRAND Royalties // Texas Intellectual Property Law Journal. 2014. Vol 22. P. 311–363.
4. Apple, Inc. v. Motorola Mobility, Inc., 886 F. Supp. 2d 1061 (W.D. Wis. 2012).
5. Unwired Planet v Huawei & Conversant v Huawei and ZTE, [2020] UKSC 37.
6. TCL / Philips — ETSI, Paris Court of First Instance (Tribunal Judiciaire), 6 February 2020, RG 19/02085.
7. Sisvel v Haier, Federal Court of Justice (Bundesgerichtshof) 5 May 2020 — Case No KZR 36/17.
8. Unwired Planet v Huawei. 22 March 2019. Case No I-2 U 31/16. Oberlandesgericht (Higher Regional Court) of Düsseldorf.
9. § 284 United States Code Title 35 — Patents. — URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/35> (дата обращения: 16.04.2022).
10. ETSI DIRECTIVES, 21 December 2021. Guide on Intellectual Property Rights (IPRs) Version adopted by Board#133 (10 June 2021). Clause 4.1. P. 72. — URL: <https://www.etsi.org/images/files/IPR/etsi-guide-on-ipr.pdf> (дата обращения: 31.03.2022).
11. IEEE-SA Standards Board Bylaws Approved by the IEEE-SA Board of Governors: February 2022. Clause 6.2. P. 18. — URL: https://standards.ieee.org/wp-content/uploads/import/documents/other/sb_bylaws.pdf (дата обращения: 31.03.2022).
12. U.S. Dep't of Justice & Fed. Trade Comm'n, Antitrust Enforcement and Intellectual Property Rights: Promoting Innovation and Competition (2007). P. 54-55. — URL: www.usdoj.gov/atr/public/hearings/ip/222655.pdf (дата обращения: 30.03.2022).
13. Bekkers R., Updegrove A. A Study of IPR Policies and Practices of a Representative Group of Standards Setting Organizations Worldwide (September 17, 2012). — URL: <https://ssrn.com/abstract=2333445> (дата обращения: 29.03.2022).
14. Siebrasse N., T. Cotter T. Judicially Determined FRAND Royalties // University of Minnesota Law School Legal Studies Research Paper Series Research Paper No 16-01. — URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2712837 (дата обращения: 27.03.2022).
15. Microsoft Corp. v. Motorola, Inc., CASE NO. C10-1823JLR (W.D. Wash. Nov. 29, 2012).
16. Georgia-Pacific Corp. v. United States Plywood Corp., 318 F. Supp. 1116 (S.D.N.Y. 1970).
17. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council and the European Economic and Social Committee — Setting out the EU approach to standard essential patents (COM (2017) 712 final). Brussels, 29.11.2017. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=COM:2017:0712:FIN> (дата обращения: 27.03.2022).
18. Nikolic Igor. Licensing Standard Essential Patents: FRAND and the Internet of Things. Bloomsbury Publishing, Great Britain, 2021.
19. HTC Corp. v. Telefonaktiebolaget LM Ericsson, 407 F. Supp. 3d 631 (E.D. Tex. 2019).
20. Fraunhofer-Gesellschaft (MPEG-LA) v ZTE, Regional Court (Landgericht) of Düsseldorf. 9 November 2018 — Case No. 4a O 15/17.
21. Tagivan (MPEG-LA) v Huawei, Regional Court (Landgericht) of Düsseldorf 15 November 2018 - Case No. 4a O 17/17.
22. Hovenkamp Erik, Masur, Jonathan S. How Patent Damages Skew Licensing Markets (August 17, 2016). Review of Litigation, 2017 Forthcoming, University of Chicago Coase-Sandor Institute for Law & Economics Research Paper No 774, U of Chicago, Public Law Working Paper No 592. — URL: <https://ssrn.com/abstract=2825236> (дата обращения: 28.03.2022).
23. In re Innovatio IP Ventures, LLC Patent Litigation, 956 F. Supp. 2d 925 (N.D. Ill. 2013).
24. Cornell University v. Hewlett-Packard Company, 609 F. Supp. 2d 279 (N.D.N.Y. 2009).
25. Laserdynamics, Inc. v. Quanta Computer, Inc., 694 F.3d 51 (Fed. Cir. 2012).
26. Ericsson, Inc. v. D-Link Sys., Inc., 773 F.3d 1201, 113 U.S.P.Q.2d (BNA) 1001 (Fed. Cir. 2014).
27. Scientific v. Cisco Sys., Inc., 809 F.3d 1295 (Fed. Cir. 2015).
28. Nokia v Daimler, Regional Court (Landgericht) of Mannheim. 18 August 2020 — Case No 2 O 34/19.
29. TCL Commc'n Tech. Holdings, Ltd. v. Telefonaktiebolaget LM Ericsson, CASE NO: SACV 14-341 JVS(DFMx) (C.D. Cal. Dec. 21, 2017).

REFERENCES

1. Vorozhevich A.S. The limits of realization of exclusive rights on the standard essential patents and software.

- FRAND terms // Journal of the Intellectual Property Rights Court. 2018. No 20. S. 11–26.
2. Vorozhevich A.S. Protection of exclusive rights to patented objects: monograph. Moscow: Statute, 2020
 3. Thomas F., Cotter. Comparative Law and Economics of Standard-Essential Patents and FRAND Royalties // Texas Intellectual Property Law Journal. 2014. Vol. 22. P. 311–363.
 4. Apple, Inc. v. Motorola Mobility, Inc., 886 F. Supp. 2d 1061 (W.D. Wis. 2012).
 5. Unwired Planet v Huawei & Conversant v Huawei and ZTE [2020] UKSC 37.
 6. TCL / Philips — ETSI, Paris Court of First Instance (Tribunal Judiciaire), 6 February 2020, RG 19/02085.
 7. Sisvel v Haier, Federal Court of Justice (Bundesgerichtshof) 5 May 2020 — Case No KZR 36/17.
 8. Unwired Planet v Huawei. 22 March 2019. Case No I-2 U 31/16. Oberlandesgericht (Higher Regional Court) of Düsseldorf.
 9. § 284 United States Code Title 35 — Patents. — URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/35> (data obrascheniya: 16.04.2022).
 10. ETSI DIRECTIVES, 21 December 2021. Guide on Intellectual Property Rights (IPRs) Version adopted by Board №133 (10 June 2021). Clause 4.1. P.72. — URL: <https://www.etsi.org/images/files/IPR/etsi-guide-on-ipr.pdf> (data obrascheniya: 31.03.2022).
 11. IEEE-SA Standards Board Bylaws Approved by the IEEE-SA Board of Governors: February 2022. Clause 6.2. P.18. — URL: https://standards.ieee.org/wp-content/uploads/import/documents/other/sb_bylaws.pdf (data obrascheniya: 31.03.2022).
 12. U.S. DEP'T of Justice & Fed. Trade Comm'n, Antitrust Enforcement and Intellectual Property Rights: Promoting Innovation and Competition (2007). P. 54-55. — URL: www.usdoj.gov/atr/public/hearings/ip/222655.pdf (data obrascheniya: 30.03.2022).
 13. Bekkers R., Updegrave A. A Study of IPR Policies and Practices of a Representative Group of Standards Setting Organizations Worldwide (September 17, 2012). — URL: <https://ssrn.com/abstract=2333445> (data obrascheniya: 29.03.2022).
 14. Siebrasse N., Cotter T. Judicially Determined FRAND Royalties // University of Minnesota Law School Legal Studies Research Paper Series Research Paper No 16-01. — URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2712837 (data obrascheniya: 27.03.2022).
 15. Microsoft Corp. v. Motorola, Inc., CASE NO. C10-1823JLR (W.D. Wash. Nov. 29, 2012).
 16. Georgia-Pacific Corp. v. United States Plywood Corp., 318 F. Supp. 1116 (S.D.N.Y. 1970).
 17. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council and the European Economic and Social Committee — Setting out the EU approach to standard essential patents (COM(2017) 712 final). Brussels, 29.11.2017. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=COM:2017:0712:FIN> (data obrascheniya: 27.03.2022).
 18. Nikolic Igor. Licensing Standard Essential Patents: FRAND and the Internet of Things. Bloomsbury Publishing, Great Britain (November 18, 2021).
 19. HTC Corp. v. Telefonaktiebolaget LM Ericsson, 407 F. Supp. 3d 631 (E.D. Tex. 2019).
 20. Fraunhofer-Gesellschaft (MPEG-LA) v ZTE, Regional Court (Landgericht) of Düsseldorf. 9 November 2018 — Case No 4a O 15/17.
 21. Tagivan (MPEG-LA) v Huawei, Regional Court (Landgericht) of Düsseldorf 15 November 2018 — Case No 4a O 17/17.
 22. Hovenkamp Erik, Masur, Jonathan S. How Patent Damages Skew Licensing Markets (August 17, 2016) // Review of Litigation, 2017 Forthcoming, University of Chicago Coase-Sandor Institute for Law & Economics Research Paper No 774, U of Chicago, Public Law Working Paper No 592. — URL: <https://ssrn.com/abstract=2825236> (data obrascheniya: 28.03.2022).
 23. In re Innovatio IP Ventures, LLC Patent Litigation, 956 F. Supp. 2d 925 (N.D. Ill. 2013).
 24. Cornell University v. Hewlett-Packard Company, 609 F. Supp. 2d 279 (N.D.N.Y. 2009).
 25. Laserdynamics, Inc. v. Quanta Computer, Inc., 694 F.3d 51 (Fed. Cir. 2012).
 26. Ericsson, Inc. v. D-Link Sys., Inc., 773 F.3d 1201, 113 U.S.P.Q.2d (BNA) 1001 (Fed. Cir. 2014).
 27. Scientific v. Cisco Sys., Inc., 809 F.3d 1295 (Fed. Cir. 2015).
 28. Nokia v Daimler, Regional Court (Landgericht) of Mannheim. 18 August 2020 — Case No 2 O 34/19.
 29. TCL Commc'n Tech. Holdings, Ltd. v. Telefonaktiebolaget LM Ericsson, CASE NO: SACV 14-341 JVS (DFMx) (C.D. Cal. Dec. 21, 2017).

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ В УСЛОВИЯХ ПАРАЛЛЕЛЬНОГО ИМПОРТА

INTELLECTUAL PROPERTY IN CONDITIONS OF PARALLEL IMPORT

Анастасия Юрьевна ВОЛКОВА

Балтийский федеральный университет имени И. Канта,
Калининград, Российская Федерация,
anastasiyavolkovakapital@mail.ru,
DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.15937>

Информация об авторе

А.Ю. Волкова — соискатель Балтийского федерального университета имени И. Канта, практикующий юрист

Аннотация. Предпосылками к изучению вопросов, связанных с интеллектуальной собственностью в условиях параллельного импорта, стали стремительные изменения, произошедшие в геополитической обстановке в самом глобальном смысле в течение последних нескольких месяцев, а также резкое увеличение числа санкций, введенных в отношении Российской Федерации.

Большое значение в сложившейся ситуации получило Постановление Правительства РФ от 29 марта 2022 г. № 506 «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы». Очевидно, что подавляющее большинство российских граждан столкнулось с проблемой формирования новой реальности и существования в ней, поэтому целью исследования стало рассмотрение перспектив и последствий параллельного импорта в нашей стране. Для реализации данной цели были поставлены такие задачи: изучение сути параллельного импорта как такового и уяснение предпосылок его возникновения и развития.

В работе использовались различные научные методы, например методы синтеза, анализа, обобщения, сравнения, которые в результате позволили автору составить наиболее полную картину перспектив развития отношений в сфере интеллектуальной собственности в текущих условиях.

- В результате исследования сформированы пред-
- ставления об основных рисках и ожиданиях от лега-
- лизации параллельного импорта, а также выдвинуты
- и обоснованы идеи об изменениях, которые будут
- способствовать минимизации возможных негативных
- последствий в рассматриваемой ситуации.

- **Ключевые слова:** импорт; интеллектуальная собствен-
- ность; товары; исключительное право; ответственность;
- товарный знак; правообладатели; потребители; право-
- нарушения

- **Для цитирования:** Волкова А.Ю. Интеллектуальная
- собственность в условиях параллельного импорта // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2022. Т. 42, № 3. С. 79–88; DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.15937>

Anastasiya Yu. VOLKOVA

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad,
Russian Federation,
anastasiyavolkovakapital@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4895-4343>

Information about the author

- A.Yu. Volkova — PhD student, practicing lawyer

- **Abstract.** The prerequisites for studying issues, related to
- intellectual property in the context of parallel imports were
- the rapid changes, that have occurred in the geopolitical
- situation in the most global sense over the past few months,
- as well as a sharp increase in the number of sanctions,
- imposed on the Russian Federation. Of great importance
- in this situation was the Decree of the Government of the
- Russian Federation No 506 dated March 29, 2022 “On
- goods (groups of goods), in respect of which certain
- provisions of the Civil Code of the Russian Federation
- on the protection of exclusive rights to the results of

ясь на законодательство. Говоря о нарушениях в упомянутых направлениях, обратимся к ст. 16.1 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, а также к ст. 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Напомним, что ст. 16.1 КоАП РФ предусматривает ответственность за незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза товаров и (или) транспортных средств международной перевозки [2]. Статья 1515 ГК РФ устанавливает ответственность за незаконное использование товарного знака. Согласно данной норме, товары, этикетки, упаковки товаров, на которых незаконно размещен товарный знак или сходное с ним до степени смешения обозначение, являются контрафактными. При этом правообладатель вправе требовать изъятия из оборота и уничтожения за счет нарушителя контрафактных товаров, этикеток, упаковок товаров, на которых размещены незаконно используемый товарный знак или сходное с ним до степени смешения обозначение. В тех случаях, когда введение таких товаров в оборот необходимо в общественных интересах, правообладатель вправе требовать удаления за счет нарушителя с контрафактных товаров, этикеток, упаковок товаров незаконно используемого товарного знака или сходного с ним до степени смешения обозначения [1].

Упомянем и о параллельном импорте, который подразумевает ввоз товаров в страну без разрешения правообладателей [8]. То есть продукция поставляется параллельно с поставками официальных дистрибьюторов. Это вовсе не означает, что такие товары некачественные или изготовлены с нарушениями, но отсутствует разрешение на их ввоз со стороны правообладателя. Здесь, конечно, встает вопрос о том, какие риски для бизнеса могут возникнуть и какие последствия ожидают предпринимателей и конечных потребителей. В первую очередь отметим, что уже сейчас наблюдается изменение привычного уклада, при этом функционирование бизнеса и поставки товаров в прежнем режиме становятся невозможными, а новый порядок еще не полностью проработан.

Параллельный импорт (точнее, его легализация) основан на принципе исчерпания исключительного права. Здесь уместно вспомнить ст. 1487 ГК РФ, согласно которой не является нарушением исключительного права на товарный знак использование этого товарного знака другими лицами в отношении товаров, которые были введены в гражданский оборот на территории Российской Федерации непосредственно правообладателем или с его согласия [1].

Международный принцип исчерпания исключительного права предполагает, что после первой продажи в любой точке мира этот товар можно продавать

где угодно даже без разрешения правообладателя [8]. Например, если немецкая компания выпустила новую модель автомобиля, то любое лицо может купить его и продать на территории другого государства, даже если компания-производитель не давала на эту сделку официального разрешения.

Национальный принцип, в свою очередь, подразумевает, что исчерпание исключительных прав происходит в момент первой продажи на территории конкретного государства. Например, если официальный дилер ввез на территорию России автомобиль и продал его там, то этот автомобиль может в дальнейшем перепродаваться на территории РФ неограниченное количество раз.

В России до сих пор действовал национальный принцип. Разумеется, больше всего такой подход выгоден официальным дилерам — по вполне очевидным даже обычному гражданину причинам. Пользователь, в свою очередь, при этом получает выгоду в виде подтвержденной оригинальности и уверенности в исполнении гарантийных обязательств (в том числе по ремонту продукции). Разумеется, репутационная составляющая и стабильность добавляют доверия к брендам официальных дистрибьюторов, однако не стоит оценивать ситуацию однозначно. К отрицательным сторонам данного подхода уместно относить фактическую монополию поставщиков и как следствие зависимость других продавцов от поставок, установление цен с излишними надбавками от лиц, перекупающих товар. Все это в результате приводит к удорожанию (не всегда до адекватных масштабов) продукции и даже ее недоступности для конечного потребителя, в результате чего может нарушаться баланс спроса и предложения. Также могут возникнуть негативные тенденции в качестве товаров и как следствие может возрастать доля контрафактной продукции.

При параллельном импорте, наоборот, несколько проседают перечисленные гарантии, однако ценообразование происходит более свободно и не так зависит от официального дилера. Очевидно, что каждый из подходов, безусловно, имеющих право на существование, обладает рядом преимуществ и недостатков.

Необходимо помнить, что легализация параллельного импорта не узаконивает контрабанду, а всего лишь разрешает ввоз оригинального товара по альтернативным каналам. Если продукция не соответствует требованиям безопасности и качества, то виновные лица будут подлежать привлечению к ответственности. Поэтому параллельный импорт в любом случае должен соответствовать определенным критериям, которые уже в определенной мере освещены выше. Один из таких критериев неразрывно связан с интеллектуальной собственностью и нарушениями в данной сфере.

Отметим также, что наблюдение за тем, как стремительно изменяется политика ряда государств, как быстро трансформируются отношения на международной арене, как расширяется перечень санкций, позволяет сделать выводы о том, что параллельный импорт потребует некоторой осторожности и комплексной проработки. Одна из главных причин при этом — обеспечение безопасности для бизнеса во избежание дальнейших претензий со стороны правообладателей и предъявления многомиллионных исков за использование товарных знаков, незаконные поставки продукции. Помимо этого обеспечение безопасности для бизнеса в этом отношении будет влиять и на потребителей, то есть на обычных граждан: уверенность предпринимателей в том, что их действия находятся в рамках правового поля, могут благоприятно сказаться на ценообразовании. Да, возможны некоторые издержки и увеличение стоимости ввиду изменения логистических цепочек, однако можно предотвратить рост цен, связанный с желанием неофициальных поставщиков закрыть свои риски за «полузаконные» перевозки. То есть в случае, когда поставки товаров оказываются фактически вне закона, мы наблюдаем картину с расширением черного рынка, а соответственно сложнее адекватно влиять на ценообразование в этом отношении, хотя фактически спрос на продукцию присутствует и покупатели товар приобретают.

На сегодняшний день потребительский спрос резко закрыть импортозамещением не представляется возможным, поскольку это требует больших временных затрат, связанных в том числе с перефигуриванием производств и организацией новых бизнес-процессов. В случае же налаживания процедур легализации параллельного импорта появится возможность:

- сохранить баланс между спросом и предложением;
- обезопасить предпринимателей, использующих параллельный импорт в своей деятельности;
- благодаря приданию правомерности параллельному импорту организовать новые поступления в бюджет, а также контролировать ценообразование (в том числе благодаря деятельности ФАС) в отношении ряда товаров.

Говоря о важных этапах рассмотрения вопроса, отметим то, что 13 февраля 2018 г. Конституционный суд РФ огласил постановление по делу о проверке конституционности положений п. 4 ст. 1252, ст. 1487, п. 1, 2 и 4 ст. 1515 Гражданского кодекса РФ. Спор возник из-за ситуации, в которой ООО «ПАГ» заключило государственный контракт на поставку в медучреждение партии специальной бумаги марки SONY для аппарата УЗИ. Данный товар фирма приобрела

у сторонней польской компании и ввезла в Россию. Таможенное оформление груз пройти не успел, так как товар был арестован по решению Арбитражного суда Калининградской области.

Своим решением суд удовлетворил иски о защите исключительных прав на товарный знак SONY компании «Сони Корпорейшн» (Sony Corporation). «ПАГ» было запрещено осуществлять ввоз, продажу или иное введение в гражданский оборот на территории РФ, а также хранение с этой целью указанных товаров SONY. Также с фирмы взыскали 100 тыс. рублей в качестве компенсации, а товар конфисковали. Эти решения были оставлены в силе апелляционной и кассационными судебными инстанциями.

Озвучивая свою позицию, Конституционный суд РФ отметил, что глобализация мировой торговли, введение экономических санкций в отношении России актуализировали юридическую проблему исчерпания прав правообладателя в отношении товарного знака, которое является юридическим ограничением легальной монополии на использование исключительного права на товарный знак.

Однако правообладатель может недобросовестно использовать исключительное право на товарный знак и ограничивать ввоз на внутренний рынок России конкретных товаров или реализовывать ценовую политику, состоящую в завышении цен на российском рынке. Особую опасность такие действия могут приобретать в связи с применением каким-либо государством санкций против Российской Федерации.

При решении вопроса о размере ответственности импортера суды обязаны учитывать фактические обстоятельства дела. Не допускается применение одинаковой гражданско-правовой ответственности к импортеру, ввозящему оригинальную продукцию без согласия правообладателя, и к импортеру, ввозящему поддельную продукцию, кроме случаев, когда убытки от ввоза такого товара сопоставимы с убытками от ввоза поддельной продукции. Федеральный законодатель вправе дифференцировать размер ответственности в зависимости от характера нарушения права правообладателя [7].

Как видно из описанного примера, вопрос параллельного импорта поднимался задолго до возникновения текущей геополитической ситуации. Однако сегодня мы получили возможность в определенном смысле опираться на подобный опыт. Ключевыми нюансами в указанном судебном решении являются оригинальность продукции и способ ее появления на территории конкретного государства. То есть, как уже говорилось, необходимо соблюдать интересы конечного потребителя, осуществляя ввоз оригиналь-

ной продукции, в то же время судебный спор в данном случае касался именно нарушений в сфере интеллектуальной собственности и пренебрежения интересами правообладателя. Именно в этой связи возникали прецеденты, предоставившие возможность сделать вывод о том, что необходимо уяснить разницу между параллельным импортом и ввозом контрафактной продукции.

В Постановлении Конституционного суда РФ от 13.02.2018 № 8-П по данному вопросу также обозначено, что при ввозе поддельных товаров, маркированных товарным знаком, правообладатель этого товарного знака не только несет убытки в виде упущенной выгоды, которую он мог бы получить от ввоза законно выпущенных товаров, но и претерпевает серьезные репутационные риски, связанные с несоответствием товара ожидаемым характеристикам и требованиям потребителей. Очевидна и разница в степени угрозы для законного оборота, степени общественной опасности использования потребителями товаров, контрафактных в силу поддельного происхождения, и товаров, признаваемых таковыми исключительно в силу их ввоза в страну неуполномоченным импортером [5].

В ситуации с параллельным импортом о репутационных рисках говорить неуместно, поскольку в силу своего происхождения, оригинальности товары будут соответствовать характеристикам, заявленным производителем. Следовательно, риски получить претензию со стороны покупателей минимальны, сопоставимы с теми, какие есть у самого производителя. Из всего этого вытекает очередной вывод суда по данному вопросу относительно целесообразности уничтожения товаров.

Уничтожать товары, ввезенные на территорию России в порядке параллельного импорта, можно лишь в случае их ненадлежащего качества или в целях обеспечения безопасности, защиты жизни и здоровья людей, охраны природы и культурных ценностей. Конституционный суд РФ указал, что дело ООО «ПАГ» подлежит пересмотру [7].

Тем не менее решение Арбитражного суда Калининградской области от 20.08.2018 по делу № А21-7328/2014 в результате было следующим:

- Принять отказ компании «Сони Корпорэйшн» / Sony Corporation от требования о запрете обществу с ограниченной ответственностью «ПАГ» без разрешения компании «Сони Корпорэйшн» / Sony Corporation использовать товарный знак SONY по международной регистрации № 978971 в отношении товаров, для которых данный товарный знак зарегистрирован, в том числе осуществлять ввоз, предложение к прода-

же, продажу или иное введение в гражданский оборот на территории Российской Федерации, а также перевозку или хранение с этой целью указанных товаров. В этой части производство по делу прекратить.

- Запретить обществу с ограниченной ответственностью «ПАГ» без разрешения компании «Сони Корпорэйшн» / Sony Corporation осуществлять ввоз, предложение к продаже, продажу или иное введение в гражданский оборот на территории Российской Федерации, а также хранение с этой целью товаров, указанных в ДТ (декларации на товары) № 10226050/120714/0026268, на упаковке которых /на которых размещен товарный знак SONY по международной регистрации № 978971.
- Изъять из оборота и уничтожить за счет общества с ограниченной ответственностью «ПАГ» товары, ввезенные на территорию Российской Федерации по ДТ № 10226050/120714/0026268, на которых /упаковке которых размещен товарный знак SONY по международной регистрации № 978971.
- Взыскать с общества с ограниченной ответственностью «ПАГ» в пользу компании «Сони Корпорэйшн» / Sony Corporation 10 тыс. рублей в качестве компенсации за нарушение исключительного права на товарный знак SONY по международной регистрации № 978971.
- Встречный иск общества с ограниченной ответственностью «ПАГ» оставить без удовлетворения.
- Взыскать с общества с ограниченной ответственностью «ПАГ» в пользу компании «Сони Корпорэйшн» / Sony Corporation 12 тыс. рублей государственной пошлины [6].

Разумеется, в текущих реалиях, когда ряд иностранных компаний решил покинуть российский рынок, возникает вопрос с обеспечением рынка в соответствии с потребительским спросом. Многие на себе заметили, что острее встали вопросы ценообразования, конкуренции, поддержания ассортимента продукции, адекватной организации логистики. Импортозамещение в полной мере невозможно провести в короткие сроки. И, если производителей и поставщиков в первую очередь интересуют экономическая целесообразность и прибыльность всего процесса, то для потребителя главным образом важна бесперебойность в обеспечении теми или иными товарами и продуктами.

Разумеется, за десятки лет уже сформировались привычки как со стороны покупателей, так и со стороны продавцов, были налажены рынок и цикличность бизнес-процессов, поэтому очевидно, что перестрой-

ка всей этой цепочки потребует значительных усилий и временных затрат. Несмотря на то что в нашем государстве тема импортозамещения поднимается уже не первый год и ее актуальность набирает обороты, по объективным причинам говорить о полной автономности на международном рынке неуместно. При этом осуществить полную замену зарубежной продукции сложно, если не невозможно ввиду очевидных особенностей ряда товаров и производств.

События 2022 г. стали своеобразным дополнительным катализатором в изменении экономических систем. Именно по всем изложенным причинам возник вопрос об отмене ответственности в Российской Федерации за параллельный импорт.

Для некоторых регионов, например Калининградской области как региона, территориально отделенного от основной части России, вопрос параллельного импорта имеет особое значение. Стоит при этом принимать во внимание особенности логистики, таможенного контроля, специфики былого ассортимента и качества продукции.

Среди основных ожиданий от легализации параллельного импорта стоит отметить следующие.

- Восполнение рынка наряду с официально ушедшими с российского рынка поставщиками. Тут же можно сразу вспомнить волну заявок на регистрацию товарных знаков, сходных со знаками производителей, ушедших с рынка России. Разумеется, не стоит доходить в таких вопросах до злоупотребления, поскольку могут возникнуть довольно серьезные споры, связанные с нарушением авторских прав и причинением убытков (как финансовых, так и репутационных) владельцам ушедших брендов. Вместо этого возможно заполнение российского рынка новыми, ранее неизвестными или малоизвестными брендами, которые только начинают вести свою деятельность либо ведут ее определенное время, но просто не получали должного внимания и развития по причине подавления их поставщиками-монополистами.
- Укрепление конкуренции. Данный пункт вытекает из предыдущего, ведь уход с рынка доли поставщиков-гигантов способен оказать значительное влияние на перераспределение интересов и предпочтений потребителей. Развитие монополий в дальнейшем исключать нельзя, однако на какой-то период данные процессы могут замедлиться в силу более адекватной конкуренции, в условиях которой часть потребителей будет знакомиться с рынком и ассортиментом заново.
- Замедление роста цен. Вполне логично, что в борьбе за внимание аудитории производители могут

прибегать к различным способам привлечения ее внимания и развития своего бренда, в том числе и посредством сдерживания цен. Как уже указывалось выше, в условиях параллельного импорта ценообразование складывается несколько иначе, поскольку снижается число перепродаж, соответственно процент увеличения стоимости для конечного потребителя также может быть снижен.

- Повышение качества ассортимента на рынке. Еще один способ борьбы за внимание покупателей — улучшение качественных характеристик продукции. Данный фактор также может быть связан с параллельным импортом по принципу ввоза товаров от оригинального производителя непосредственно из страны происхождения. Ведь случаи, когда товары одного наименования в разных государствах отличаются по качеству, на сегодняшний день нередки.
- Удовлетворение потребностей покупателей. Этот фактор представляет собой результат удачного совпадения потребительского спроса и возможностей производителей и поставщиков. На сегодняшний день в любом случае существует спрос на уже привычные товары, осталось только провести параллели с возможностями местных производителей, а также тех зарубежных поставщиков, которые не заявляли о своем уходе с российского рынка. На основании этого анализа можно будет делать выводы о том, товары каких категорий в первую очередь могут быть затронуты в ситуации с легализацией параллельного импорта.
- Уменьшение злоупотреблений со стороны правообладателей. В отношении данного пункта, разумеется, особенно актуальным остается вопрос авторских прав, поскольку даже освобождение на государственном уровне от ответственности за параллельный импорт не даст возможности перераспределить рынок, если речь будет идти о контрафактной продукции. В случае же соблюдения всех положенных характеристик мы получим возможность сместить вектор от монополии к адекватной конкуренции.

Также многие ждут, что одним из значимых последствий легализации параллельного импорта может стать улучшение качества товаров. Ведь ни для кого не секрет, что продукция (например, бытовая химия) одного производителя может иметь разную эффективность в зависимости от страны, на территории которой реализуются товары. То есть высока вероятность, что мы фактически получим запрет ввозить товары худшего качества. Это очень актуально для конечных потребителей, особенно для тех, кто имел возможность сравнить товары одного бренда при покупке

у правообладателей разных стран (например, в путешествиях и в своем домашнем регионе).

Относительно качества товаров можно отметить и то, что в последние несколько месяцев все чаще наблюдаются перебои в поставках товаров и сырья, и поэтому нередки случаи, когда меняется даже качество привычной продукции. Это происходит по разным причинам: одни производители пытаются за счет снижения качества товаров удержать цены, а другие не могут найти достойной альтернативы сырью, которое теперь стало недоступным.

Разумеется, при всех положительных ожиданиях, при легализации параллельного импорта имеется также и ряд рисков:

- увеличение объема контрафактной продукции, числа случаев незаконного использования товарных знаков в попытках сэкономить на процедурах правомерного ввоза соответствующих товаров и в стремлении занять рынок вместо ушедших поставщиков;
- правообладателям станет сложнее отслеживать нарушения их прав, чем в случаях, когда поставки осуществляются через дистрибьютора-монополиста;
- у потребителей могут возникнуть проблемы с гарантийным обслуживанием приобретенных товаров, особенно если речь идет о недобросовестных продавцах;
- возможность увеличения числа исков со стороны правообладателей к новым поставщикам их товаров на территорию Российской Федерации. Некоторые споры могут иметь отложенный на неопределенный срок эффект (который может зависеть от возвращения на рынок прежних официальных поставщиков, правообладателей-монополистов. Например, в случае попыток новичков занять рынок вместо крупного дистрибьютора посредством использования схожих товарных знаков, дизайна и иных методов, вводящих в заблуждение потребителей и причиняющих репутационный ущерб производителю оригинальной продукции).

Разумеется, чтобы минимизировать возможные риски, от государства потребуются серьезные действия. Причем эти действия должны затрагивать целую цепочку организации параллельного импорта, начиная со стадии законодательной проработки этого вопроса и заканчивая контролем за соблюдением законности при ввозе определенных групп товаров. Вполне логично, что целесообразно задуматься о таких предполагаемых изменениях:

- усиление таможенного контроля по выявлению поддельной продукции. Разумеется, нормы по

соответствию продукции требованиям качества и безопасности не теряют своей актуальности. Впрочем, как и требования по наличию необходимой разрешительной документации;

- Минпромторгу России понадобится время на формирование и утверждение соответствующего перечня товаров по предложениям от заинтересованных федеральных ведомств. Вполне логично, что упомянутые перечни будут корректироваться в зависимости от текущей геополитической ситуации и обстановки на мировом и отечественном рынках;
- возрастание значимости ст. 19 Закона «О защите прав потребителей» № 2300-1 от 07.02.1992, которая гласит, что потребитель вправе предъявить требования к продавцу (изготовителю, уполномоченной организации или уполномоченному индивидуальному предпринимателю, импортеру) в отношении недостатков товара, если они обнаружены в течение гарантийного срока или срока годности. Споры в данном контексте могут обрести новый виток [3].

Что касается мнений специалистов по поводу правомерности легализации параллельного импорта, хотелось бы обратить внимание на точку зрения юриста Анатолия Семенова, который в конце марта 2022 г. опубликовал заключение **по вопросу отмены ответственности за параллельный импорт продукции по номенклатуре в соответствии с порядком, определяемым Правительством Российской Федерации**. В этом заключении указано, что принятие норм, наделяющих Правительство правом принимать решения, предусматривающие перечень товаров (групп товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы, входит в конфликт с положениями ряда нормативно-правовых актов, например таких, как:

- ст. 10 Конституции (принцип разделения властей);
- ст. 55 (часть 3) Конституции, поскольку устанавливает полномочия Правительства:
 - а) произвольно ограничивать защиту исключительных прав положениями лишь Гражданского кодекса (при том, что указанная защита предусмотрена также Уголовным кодексом, Кодексом об административных правонарушениях, Законом «О защите конкуренции», Таможенным кодексом ЕАЭС и иными нормативными актами),

- б) ограничивать защиту нефедеральным законом,
- с) ограничивать защиту без определения необходимой меры, условий применения этих ограничений и преследуемой цели в виде конкретного перечня защищаемых таким образом прав и законных интересов, например, из ст. 8 (ч. 1) Конституции, ст. 8 Соглашения ВТО ТРИПС, ст. 18 Федерального закона от 9 июля 1999 г. № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» [11].

На мой взгляд, с данным мнением стоит согласиться, параллельный импорт и его полноценное внедрение должны сопровождаться системой мер, направленных на устранение и дальнейшее недопущение законодательных противоречий.

В настоящий момент никаких изменений в Гражданский кодекс РФ не внесено. По данному поводу интересным представляется упомянутое в Адвокатской газете в апреле 2022 г. мнение адвоката, руководителя практики по интеллектуальной собственности юридической фирмы Eversheds Sutherland Екатерины Тиллинг, которое сводилось к тому, что в отношении товаров, включенных в планируемый перечень, просто отменяются нормы, которыми законодательно определен так называемый принцип исчерпания прав. При этом не меняется установленный ГК РФ национальный принцип исчерпания права на международный, а полностью отменяется действие п. 6 ст. 1359 и ст. 1487 ГК РФ в отношении ряда товаров, т.е. фактически отменяется принцип исчерпания права к таким товарам вообще. Это также означает, что все же останутся товары, не попавшие в перечень, на которые указанные положения Кодекса будут распространяться без изменений, уточнила она. «При этом у многих юристов возникает вопрос о легитимности отмены действия положений ГК РФ постановлением правительства. Нормы о запрете параллельного импорта (или о национальном принципе исчерпания права) установлены ГК РФ — это указанные выше п. 6 ст. 1359 и ст. 1487 ГК РФ. Разрешение параллельного импорта, по сути, означает приостановление действий указанных норм и только в части определенных групп товаров. Однако, согласно п. 3 ст. 2 ГК РФ, приостановление действия положений ГК РФ осуществляется отдельными законами, а не подзаконными актами, к которым относится рассматриваемое постановление. В этой связи есть риск того, что законность установленного таким образом разрешения на параллельный импорт может быть оспорена в Конституционном суде РФ», — прокомментировала Екатерина Тиллинг [10].

Отметим также, что многих волнует вопрос правомерности узаконивания параллельного импорта

в России, ведь ситуация осложнена существованием единого таможенного пространства с рядом сопредельных государств.

Ранее, А.В. Сусоева [9] в журнале Суда по интеллектуальным правам озвучивала свою позицию, основанную на том, что в соответствии с п. 1 ст. 89 Договора о Евразийском экономическом союзе государства-члены осуществляют сотрудничество в сфере охраны и защиты прав на объекты интеллектуальной собственности и обеспечивают на своей территории охрану и защиту прав на них в соответствии с нормами международного права международными договорами и актами, составляющими право Союза, и законодательством государств-членов.

Регулирование отношений в сфере охраны и защиты прав на объекты интеллектуальной собственности, включая определение особенностей правового режима применительно к отдельным видам объектов интеллектуальной собственности, осуществляется согласно Приложению № 26 к Договору «Протокол об охране и защите прав на объекты интеллектуальной собственности». В соответствии с п. 16 указанного документа на территориях государств — членов Союза действует региональный принцип исчерпания исключительного права на товарный знак, согласно которому импортеру необходимо получение согласия правообладателя на ввоз на территорию Союза товара с товарным знаком и дальнейший оборот данной продукции во всем пространстве ЕАЭС [9].

Можно предположить, что с учетом перечисленных нюансов в актуальной геополитической обстановке будет сделана ставка на осуществление ввоза товаров по параллельному импорту через страны ЕАЭС, что позволит придать процессу большую правомерность. Однако в настоящее время есть тенденции к изменению и в некоторых ситуациях даже пренебрежению ранее устоявшимися основами международного взаимодействия и нормами права со стороны ряда государств, злоупотреблению вводимыми санкциями. Это может повлечь за собой трансформацию некоторых норм законодательства на государственном и интернациональном уровнях.

Подводя итог сказанному выше, отметим, что сложившиеся обстоятельства диктуют необходимость принятия своевременных мер, направленных на обеспечение экономической стабильности страны в целом, удовлетворение потребительского спроса, а также создание адекватной конкуренции среди поставщиков. В определенной мере мы находимся в начале нового пути, который ведет к изменению рынка как в государственных, так и в международных масштабах.

Таким образом, в текущей обстановке, когда мы сталкиваемся с ограничением (а в некоторых случаях

и с полным прекращением) поставок ряда категорий товаров, параллельный импорт имеет ряд положительных моментов как для бизнеса, так и для потребителя. Поэтому принятое законодательное решение представляется уместным и оправданным. Однако итоговая реализация данной идеи должна иметь комплексный характер и стать результатом взаимодействия нескольких структур в масштабах государства. И именно грамотная правовая проработка и комплексный подход помогут соблюсти баланс между интересами государства, общества и отдельно взятых правообладателей.

Автор полагает, что в ситуации, когда дипломатические отношения на международной арене претерпевают радикальные изменения, необходимо делать упор на единство государства и бизнеса. Как уже отмечено выше, обеспечение безопасности для бизнеса в этом отношении будет влиять и на потребителей, то есть на обычных граждан: уверенность предпринимателей в том, что их действия находятся в рамках правового поля, могут благоприятно сказаться на ценообразовании. Иными словами, предоставляя бизнесу инструменты для законного ведения деятельности (в том числе связанной с параллельным импортом), страна получает возможность контроля роста цен на продукцию, что позволит соблюсти баланс между спросом и предложением. Помимо этого для упрощения легализации параллельного импорта важно сделать упор на укрепление отношений в рамках ЕАЭС: это обусловлено и необходимостью придания правомерности ввозу продукции на территорию России через другие государства, и возможностью выстроить новые цепочки в логистике и в бизнес-процессах в целом. Естественно, это потребует совершенствования законодательной базы как на федеральном (например, закрепление изменений, отражающих законность параллельного импорта, в Гражданском кодексе, о чем говорилось выше), так и на межгосударственном уровнях (приведение в общее соответствие с принципами легализации введения товаров в оборот на территории России и ЕАЭС).

Всесторонняя проработка данного вопроса может также ослабить эффект санкций со стороны ряда государств в отношении Российской Федерации ввиду снижения их эффективности. Как следствие это приведет к пересмотру рыночных отношений, что может укрепить позиции как отдельно России, так и ЕАЭС.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
3. Закон «О защите прав потребителей» № 2300-1 от 07.02.1992 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Правительства РФ от 29 марта 2022 г. № 506 «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.02.2018 № 8-П «По делу о проверке конституционности положений п. 4 ст. 1252, ст. 1487 и п. 1, 2 и 4 ст. 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «ПАГ» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Решение Арбитражного суда Калининградской области от 20.08.2018 по делу № А21-7328/2014. — URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/EPdp1xSpTZgq/>
7. Сайт Конституционного суда РФ. — URL: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=3389>
8. Интернет-издание «vc.ru». — URL: <https://vc.ru/trade/391940-rossiya-legalizovala-parallelnyy-import-chto-eto-uzakonennoe-piratstvo-ili-rasshirenie-konkurencii-postavshchikov?ysclid=125bz86rau>
9. Сысоева А.В. Исчерпание исключительного права на товарный знак в Российской Федерации в контексте Евразийского экономического союза и санкционных мер // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2018. № 21. С. 74–78 — URL: <http://ipcmagazine.ru/re-views/exhaustion-of-the-exclusive-right-to-a-trademark-in-the-russian-federation-in-the-context-of-the-eurasian-economic-union-and-sanctions-measures>
10. Адвокатская газета, выпуск от 01.04.2022 — URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/eksperty-ag-otsenili-vozmozhnye-posledstviya-ot-legalizatsii-parallelnogo-importa/?ysclid=15fhh3yvk5593206603>
11. Закон.ру, социальная сеть для юристов, Санкционные реторсии в сфере интеллектуальных прав 2022. — URL: https://zakon.ru/blog/2022/3/20/sankcionnye_retorsii_v_sfere_intellektualnyh_prav_2022

REFERENCES

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' chetvertaya) ot 18.12.2006 No 230-FZ. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/

2. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativny`x pravonarusheniyax ot 30.12.2001 No 195-FZ. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/?
3. Zakon "O zashhite prav potrebitelej" No 2300-1 ot 07.02.1992. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/
4. Postanovlenie Pravitel`stva RF ot 29 marta 2022 g. No 506 "O tovarax (gruppax tovarov), v otnoshenii kotory`h ne mogut primenyat`sya otdel`ny`e polozheniya Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii o zashhite isklyuchitel`ny`x prav na rezul`taty` intellektualnoj deyatel`nosti, vyrazhenny`e v takix tovarax, i sredstva individualizacii, kotory`mi takie tovary` markirovany`". — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_413173/?
5. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 13.02.2018 No 8-P Po delu o proverke konstitucionnosti polozhenij punkta 4 staty`i 1252, staty`i 1487 i punktov 1, 2 i 4 stat`yi 1515 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhaloboj obshhestva s ogranichennoj otvetstvennost`yu "PAG". — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_290909/?
6. Reshenie Arbitrazhnogo suda Kaliningradskoj oblasti ot 20.08.2018 po delu No A21-7328/2014. — URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/EPdp1xSpTZgq/?>
7. Sayt Konstitucionnogo suda RF. — URL: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=3389>
8. Internet-izdanie "vc.ru". — URL: <https://vc.ru/trade/391940-rossiya-legalizovala-parallelnyy-import-chto-eto-uzakonennoe-piratstvo-ili-rasshirenie-konkurencii-postavshchikov?ysclid=125bz86rau>
9. Sysoeva A.V. Ischerpanie isklyuchitelnogo prava na tovarnyj znak v Rossijskoj Federacii v kontekste Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza i sankcionnyh mer // Zhurnal Suda po intellektual`nym pravam. 2018/ No 21. S. 74–78. — URL: <http://ipcmagazine.ru/re-views/exhaustion-of-the-exclusive-right-to-a-trademark-in-the-russian-federation-in-the-context-of-the-eurasian-economic-union-and-sanctions-measures>
10. Advokatskaya gazeta, vypusk ot 01.04.2022. — URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/eksperty-ag-otsenili-vozmozhnye-posledstviya-ot-legalizatsii-parallelnogo-importa/?ysclid=15fbb3yvk5593206603>
11. Zakon.ru, socialnaya set` dlya yuristov, Sankcionnye retorsii v sfere intellektual`nyh prav 2022. — URL: https://zakon.ru/blog/2022/3/20/sankcionnye_retorsii_v_sfere_intellektualnyh_prav_2022

МНОЖЕСТВЕННОСТЬ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ

ГЕОГРАФИЧЕСКОГО УКАЗАНИЯ

PLURALITY OF EXCLUSIVE RIGHTS OF GEOGRAPHICAL INDICATION

Мария Александровна САСИНА

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Российская Федерация,
Marisa99.00@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7580-6605>

Информация об авторе

М.А. Сасина — студентка магистерской программы «Интеллектуальные права и право новых технологий» Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Аннотация. Автор рассматривает особенности субъектного состава обладателей исключительного права на географическое указание и наименование места происхождения товара. Автор преследует цель выявления пробелов и проблем в сфере нормативного правового регулирования исследуемых обозначений с использованием теоретического и практического анализа действующего законодательства. Уникальность и активное развитие института требует повышенного внимания к нему за счет собственных особенностей регулирования и правовой охраны.

Одной из важнейших задач исследования является разрешение вопроса множественности исключительных прав, что разнится с понятием множественности субъектов права. В работе исследуются отдельные субъекты таких прав, в частности ассоциации. Автор ставит под сомнение целесообразность наделяния ассоциаций исключительным правом из-за весьма посредственной связи некоторых их участников с процессом производства товара. В работе рассмотрены примеры ситуаций, сконструированных из официальных данных российской и иностранных ассоциаций. Исследованы позиции и взгляды российских ученых по поводу правовой природы и характера прав на географическое указание и наименование места происхождения товара в части исключительности и абсолютности этих прав. Автор также затрагивает тему выделения долей исключительного права и его перспективы. В результате работы оценены

- риски наделяния правом таких субъектов и действительная возможность наступления неблагоприятных последствий. Помимо собственной оценки достоинств и недостатков автор рассматривает мнения ведущих специалистов области, в том числе заведующего отделом экспертизы заявок на регистрацию географических указаний и независимых практикующих юристов.

- **Ключевые слова:** географическое указание; наименование места происхождения товара; субъекты исключительного права

- **Для цитирования:** Сасина М.А. Множественность исключительных прав географического указания // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2022. Т. 42, № 3. С. 89–97; DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.15938>

Maria A. SASINA

O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation,
marisa99.00@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7580-6605>

Information about the author

- M.A. Sasina — a student of the master's program "Intellectual Rights and the Law of New Technologies" at O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

- **Abstract.** The author in this study examines the features of the subject composition of the holders of the exclusive right to a geographical indication and appellation of origin. The author aims to identify gaps and problems in the normative legal regulation of the studied designations using theoretical and practical analysis of the current legislation. Uniqueness and active development of the institute requires increased attention to it due to its own peculiarities of regulation and legal protection.

изготовителей, для которых открываются возможности продвижения своих товаров на российском рынке и привлечения дополнительных инвестиций.

Не вдаваясь в понятийное содержание рассматриваемого института, нужно сказать о характерной его черте — местности производства товаров, которая, в свою очередь, должна быть известна широкому кругу лиц за счет преобладающих качественных свойств товаров с ее территории. При этом качество товара не обусловлено частями или ингредиентами, присущими данной территории, как в случае с производством швейцарских часов, собираемых не всегда в самой Швейцарии. Данный пример иллюстрирует ГУ, где на обозначенной территории должна совершаться хотя бы одна стадия производства товара, оказывающая существенное влияние на формирование характеристик товара. Между тем регистрация в качестве НМПТ возможна, когда на территории данного географического объекта осуществляются все стадии производства товара, оказывающие существенное влияние на формирование особых свойств товара. Например, свойства астраханской осетровой икры связаны с уникальным температурным и гидрологическим режимом, водно-солевым и минеральным балансом речной и морской воды, присущими исключительно Астраханской области [3].

Сравнивая исследуемый институт с ближайшим родственником — «товарным знаком», можно заметить, что круг заявителей сильно расширяется. Законодатель в ст. 1478 ГК РФ в качестве правообладателя исключительного права на товарный знак выделяет юридическое лицо и индивидуального предпринимателя в единственном числе. При этом на практике и в доктрине рассматривается коллективный товарный знак как обозначение товаров, производимых или реализуемых лицами, входящими в объединение, и обладающих едиными характеристиками их качества или иными общими характеристиками. В отношении ГУ круг субъектов прямо определен в п. 1 ст. 1518 ГК РФ, где ГУ может быть зарегистрировано одним гражданином либо несколькими гражданами, одним либо несколькими юридическими лицами, а также ассоциацией (союзом) или иным объединением лиц, создание и деятельность которого не противоречат законодательству страны происхождения товара. В отличие от института товарных знаков правообладателем может выступать не только индивидуальный предприниматель, но и гражданин, не зарегистрированный в качестве такового, что на данный момент выделяет ГУ среди других средств индивидуализации.

Такая множественность исключительных прав появляется в силу правовой природы ГУ, потому что обозначение становится известным в результате его

использования в отношении товара, особые свойства которого главным образом определяются природными условиями и /или человеческим фактором, присущим конкретному географическому объекту. Производителей на одной территории, обладающей особыми свойствами, может быть несколько, и кажется справедливым наделение подобным «коллективным» правом группы лиц. Причем понятие множественности исключительных прав отличается от понятия множественности субъектов одного исключительного права, так как не предполагает существования правовых отношений между субъектами, но и не исключает их. Существование множественности исключительных прав определено п. 4 ст. 1229 ГК РФ, что как раз предусматривается для исследуемых отношений. Именно этот факт, по мнению некоторых авторов, ставит под сомнение саму исключительность прав на ГУ, где право пользования «не может являться по своей природе исключительным, поскольку [4, с. 410]:

- не относится к разряду абсолютных, характер которых предполагает наличие единственного обладателя и противостоящего ему неопределенного круга лиц, обязанных воздержаться от действий, составляющих содержание его права. В абсолютном правоотношении право управомоченного субъекта может быть нарушено любым лицом, т.е. и другим обладателем свидетельства;
- требование о прекращении использования наименования места происхождения товара может заявить не только обладатель свидетельства, но и государственный орган или общественная организация. Это мнение критикуется, потому что в сравнимых обстоятельствах с коллективным товарным знаком исключительный характер права каждого правообладателя не умаляется [5].

В научной литературе обсуждение возможности отнесения рассматриваемого института к разряду «коллективного» права подвергается критике и считается несостоятельным [6, с. 411]:

- право пользования получает конкретное лицо, которое зарегистрировало соответствующее наименование и может самостоятельно осуществлять защиту принадлежащего ему права;
- прекращение действия одного или нескольких свидетельств на право пользования наименованием места происхождения не влечет прекращения правовой охраны данного наименования в целом и прекращения действия других свидетельств, удостоверяющих право пользования этим же наименованием.

Законодатель в абз. 2 п. 2 ст. 1518 ГК РФ устанавливает, что исключительное право на ГУ в отношении

того же ГУ может быть предоставлено любому лицу, которое в границах того же географического объекта производит товар. Соответственно этот товар должен обладать всеми теми же уникальными свойствами. Исходя из этого права и правила заявку изначально может подать один гражданин или несколько граждан, одно или несколько юридических лиц и т.п., а также они могут присоединиться к обозначению уже после регистрации. Так, после успешной первоначальной регистрации все последующие заявки будут касаться предоставления исключительных прав на уже зарегистрированное обозначение, а права будут распространяться на всех заявителей (правообладателей) автоматически в равной мере. Все они не должны каким-либо образом быть связаны между собой для получения исключительных прав, хотя могут состоять в договорных и иных отношениях. В любом случае исключительное право каждого из них самостоятельно и не зависит от прав иных лиц. В связи с этим законодатель разграничил первоначальное предоставление исключительного права, сопряженное с государственной регистрацией, и последующее предоставление исключительного права другим лицам на основе ранее состоявшейся регистрации.

В плюсе остаются все заявители: первоначальный заявитель одновременно с заявкой на регистрацию имеет определенные преимущества в обозначении/определении характеристик товара, которым должны соответствовать последующие заявители, а плюс последних заключается в отсутствии обязанности доказывать возможности регистрации этого обозначения, потому что этим занимался первоначальный заявитель.

При этом в доктрине встречаются мнения, что законодатель, определяя заявителя термином «гражданин», исключает возможность наделения исключительным правом лиц без гражданства — апатридов. Считаю такую трактовку ошибочной, потому что законодатель в разрезе всей 4-й части ГК РФ оперирует этим термином, подразумевая физическое лицо. Например, в ст. 1257 ГК автор произведения — гражданин, творческим трудом которого оно создано, причем автором может быть только физическое лицо для возможности его наделения личными неимущественными правами, а наличие или отсутствие гражданства не рассматривается как определяющий фактор.

Также не имеет значения гражданство, так как право регистрации иностранным лицом прямо предусмотрено в ст. 1517 ГК РФ в отношении обозначения, идентифицирующего товар, происходящий с территории географического объекта, который находится в другом государстве. Особенности порядка такой регистрации предусмотрены ГК РФ, они в большей степени связаны с характером имеющейся ре-

гистрации в иностранном государстве. Причем иностранные граждане и иностранные юридические лица должны подавать заявки через патентных поверенных, зарегистрированных в Роспатенте, если международным договором Российской Федерации не предусмотрено иное.

Изучая институт ГУ, я усматриваю проблему в наделении исключительным правом ассоциации. Из общих положений ГК РФ в ст. 123.8 ассоциацией признается объединение юридических лиц и (или) граждан, основанное на добровольном или (в установленных законом случаях) на обязательном членстве и созданное для представления и защиты общих, в том числе профессиональных, интересов, для достижения общественно полезных целей, а также иных не противоречащих закону и имеющих некоммерческий характер целей.

В законе нет требования вхождения в ассоциацию исключительно производителей определенных товаров. Ассоциации часто имеют смешанный характер участников. Например, Российский зерновой союз объединяет около 300 организаций агропромышленного сектора, среди которых [7]:

- 1) ведущие агрохолдинги страны.
- 2) производители техники и оборудования для сельского хозяйства;
- 3) биржи, страховые, лизинговые и инвестиционные компании;
- 4) союзы, ассоциации и другие некоммерческие организации, объединяющие участников смежных отраслей;
- 5) средства массовой информации;
- 6) научные учреждения и негосударственные аналитические центры.

Этот факт является преимуществом такого объединения, позволяя формировать согласованную позицию всех участников в отношении текущей ситуации на рынке зерна и системы мер по ее регулированию.

Предлагаю пофантазировать и представить, что в ассоциацию входят организация по сбору зерна, производитель техники для сельского хозяйства, несколько перевозчиков и три хлебобулочных завода, которые объединились для совместной и слаженной деятельности в городе N. Причем продукт их общей (в какой-то степени) деятельности, а точнее уникальные бублики, узнаваемы во всей стране. Тогда ассоциация принимает решение зарегистрировать НМПТ в отношении этих хлебобулочных изделий. Успешно пройдя все круги регистрации, ассоциация становится правообладателем, получая весь объем исключительных прав.

В пояснительной записке к законопроекту № 509994-7 «О внесении изменений в часть четвер-

тую Гражданского кодекса Российской Федерации и ст. 1 и 23.1 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции»» указано, что особые свойства товара зависят от деятельности всех указанных выше лиц, входящих в ассоциацию.

Если от хлебобулочного завода действительно зависят определенные свойства, то вклад производителей сельхозтехники и перевозчиков спорен. Закрепление таких лиц в числе действительных производителей кажется нецелесообразным, ведь их связь является весьма косвенной и неустойчивой. Неустойчивой хотя бы потому, что перевозчика и сельхозтехнику всегда можно заменить, при этом свойства конечного продукта останутся неизменными.

В той же пояснительной записке этот спорный вопрос признается и обсуждается, но остается нерешенным. Прямая цитата: «В ряде случаев невыполнимо требование к заявителю быть непосредственно производителем товара. Так, объединения лиц, включающие производителей сырья, производителей конечного продукта (товара, в отношении которого зарегистрировано НМПТ), а также лиц, обеспечивающих хранение, перевозку и распространение товара, маркированного НМПТ, не могут выступать заявителями при государственной регистрации НМПТ. При этом, как правило, особые свойства товара зависят от деятельности всех вышеуказанных лиц, входящих в ассоциацию. Данные лица, наряду с производителями конечного продукта, должны иметь право на использование в своей деятельности НМПТ» [8]. Из этого следует, что ассоциация хотя бы с одним участником — производителем имеет право выступать в качестве заявителя, даже если основная масса ее участников занимается иной деятельностью.

Причем на основании Федерального Закона «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 № 2300-1 лицом, ответственным за качество, свойства и характеристики товара, выступает изготовитель (исполнитель, продавец), из чего следует отсутствие ответственности иных лиц. Возникает правомерный вопрос: почему при отсутствии прямой связи с результатом производства и ответственностью эти лица получают право становиться в ряд с производителями и объективно им содействующими лицами?

На практике положение о возможности регистрации ГУ ассоциациями реализуется достаточно успешно. Так, правообладателями обозначения КУБАНЬ.НОВОРОССИЙСК [9] являются ассоциация «Саморегулируемая организация «Виноградари и виноделы»», ассоциация виноделов «Честно», само-

регулируемая организация «Ассоциация «Винодельческий Союз»». Обозначение зарегистрировано для вина и игристого вина (шампанского), производимых в границах муниципального образования Новороссийский район Краснодарского края. В самом свидетельстве предусмотрен перечень лиц, имеющих право использования ГУ, все они входят в указанные ассоциации, и основной вид их деятельности — производство вина или выращивание винограда. Перевозчики и иные способствующие реализации товара организации в этом перечне отсутствуют, прежде всего потому, что их нет и составе участников ассоциаций.

При этом несколько ранее состоялась регистрация обозначения КУБАНЬ [10] также в отношении вин. В перечень лиц, имеющих право использовать его, вошла организация, основная деятельность которых напрямую связана с производством вина. Но среди них нашло свое место ООО «ГУНЬКОВВ», которое по сведениям, содержащимся в ЕГРЮЛ, основным видом деятельности выбрало оптовую торговлю машинами, оборудованием и инструментами для сельского хозяйства [11]. Это подтверждает возможность беспрепятственной регистрации и наделения правами использования лиц, от которых свойства товара зависят в наименьшей степени [12].

На момент написания данной статьи крайним зарегистрированным ГУ было обозначение «NAPA VALLEY», заявителем на которое стала ассоциация The Napa Valley Vintners (Калифорния, Соединенные Штаты Америки) [13]. Обозначение используется в отношении вин, происходящих из винодельческого региона Napa Valley (Напа Вэлли — Долина Напа). В приложении к заявке на регистрацию в перечень лиц, имеющих право использовать географическое указание, входят 549 организаций [14]. Не исключено, что среди них также найдутся организации, которые лишь косвенным образом способствуют производству вина.

Ученые-правоведы рассматривают вопрос справедливости возможности распоряжения исключительным правом на ГУ участниками ассоциаций [15]. Вероятно, такое ошибочное восприятие формируется на фоне путаницы понятийного содержания множественности, где она рассматривается в отношении нескольких внутренних субъектов — участников ассоциации. На самом деле множественность исключительных прав необходимо рассматривать по кругу заявителей, обозначенных законодателем. Именно заявителю (правообладателю) всецело принадлежит исключительное право, которое состоит из права распоряжения, использования и запрета/разрешения на использование третьим лицам результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализа-

ции. При этом отсутствие запрета не считается разрешением, то есть запрет имеет постоянное действие. Исключительное право может возникнуть только в случае действующей в Российской Федерации правовой охраны обозначения, которая возникает в силу его государственной регистрации в установленном законом порядке. Правообладателем в свидетельстве о регистрации будет указана сама ассоциация, а не отдельные ее элементы. Участникам ассоциации достается лишь кусочек этого пирога — право использования, причем его условия определяются внутренними документами объединения. Так, я считаю невозможным рассмотрение рисков для производителей товара, если одним из них исключительное право будет отчуждено новому, в том числе недобросовестному, производителю [16, с. 354].

Во-первых, такое отчуждение невозможно из-за отсутствия важнейшего условия договора — предмета, который в нашем случае состоит из трех вышеописанных правомочий. Во-вторых, особенностью данного средства индивидуализации является запрет на распоряжение исключительным правом на ГУ и НМПТ, в том числе путем их отчуждения или предоставления другому лицу права использования этого ГУ или НМПТ (п. 4. ст. 1519 ГК РФ) [17]. «Запрет распоряжения исключительным правом на наименование мест происхождения товаров обуславливает отсутствие «оборотоспособности» права на наименование мест происхождения товаров» [18, с. 125]. «Право на использование наименования мест происхождения товаров связано с территорией, соответствующей наименованию места происхождения, и не может быть выделено с целью передачи изготовителю из другой местности. В противном случае такая передача вводила бы в заблуждение потребителя в отношении места происхождения и свойств товара» [19, с. 19]. Н.М. Фролова высказывает свое мнение следующим образом: «Отмечая отсутствие у его обладателя правомочия распоряжения наименованием места происхождения товаров, следует отметить, что обладание данным объектом носит исключительный характер. Можно сказать, что право на данный объект является усеченным исключительным правом, его можно сравнить с вещными правами на материальные объекты, в которых право распоряжения так же, как и здесь, ограничено, в связи с чем они обособляются от права собственности и объединяются в отдельную группу вещных прав» [20, с. 79]. Этот и другие взгляды высказываются в рамках дискуссии о правовой природе и характере права на ГУ в части исключительности и абсолютности прав. Я же считаю такую множественность правообладателей особенностью исключительного права ГУ, которая не посягает на

его отнесение к исключительным наравне с другими средствами индивидуализации, несмотря на неабсолютный характер этого права.

Хочу обратить внимание на отсутствие долей в исключительном праве. По действующему законодательству исключительное право является единым и неделимым. В соответствии с п. 35 Постановления Пленума ВС от 23.04.2019 № 10 исключительное право на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации (за исключением права на фирменное наименование) может принадлежать нескольким лицам совместно, в том числе при переходе по наследству. Указанное не означает наличия у данных лиц права на раздел принадлежащего им исключительного права и выдел из него долей». Такой подход является традиционным, но все чаще поддается критике при столкновении с реальной жизнью. Пример тому — некоторые сложности раздела имущества супругов, когда туда попадает «общее» исключительное право, которое по логике вещей должно принадлежать им на равных началах. В общем-то, этот вопрос находится в активной фазе обсуждения, и, вероятно, подход к неделимости исключительного права будет изменен в ближайшее время. Но в любом случае изменения не отразятся на правах участников ассоциаций.

В рамках XXV Международной конференции Роспатента «Формирование экосистемы интеллектуальной собственности» в сентябре 2021 г. была проведена панельная дискуссия: «Географические указания: успехи первого года» [21]. А.Е. Сычёв, заведующий отделом экспертизы заявок на ГУ и НМПТ, доложил участникам дискуссии о результатах первого года работы Роспатента в условиях измененного законодательства. Он рассказал об основных мероприятиях, проведенных Роспатентом в данной сфере, привел статистические данные. По состоянию на 27 июля 2021 г. подано 13 заявок (три из которых — от иностранных заявителей) на регистрацию ГУ от заявителей-ассоциаций за год. Основное преимущество заключается в возможности подачи заявки централизованно из одних рук для большого количества пользователей (участников ассоциации). Это упрощает процесс регистрации сразу для нескольких лиц. А.Е. Сычёв отметил, что такой способ активно используется иностранными заявителями.

Анна Бобкина поделилась своим опытом регистрации ГУ «고려홍삼 Korean Red Ginseng корейский красный женьшень» ассоциацией «Кориэн джинсенг эсоушиэйшн», пользователями указано 120 лиц [22]. Она также подчеркнула, что у иностранных заявителей популярно подавать заявки объединениями, которые сами по себе не являются произ-

водителями и включают в себя маркетологов, а также иных лиц, содействующих реализации товара. Анна Бобкина отметила, что ранее процесс регистрации ГУ иностранными лицами был затруднен, поскольку по российскому законодательству заявителями могли быть исключительно производители, в то время как во многих иностранных юрисдикциях такая регистрация ассоциациями допускалась. В пример она привела процесс регистрации НМПТ «PROSECCO» [23], где на этапе экспертизы возникали вопросы как раз в отношении того, что ассоциация не являлась непосредственным производителем. Причем от лица действительного производителя подать эту заявку было невозможно, так как в стране происхождения (национальной регистрации) обозначение было зарегистрировано ассоциацией.

В России допускается государственная регистрация в качестве ГУ наименования географического объекта, который находится в иностранном государстве [24, с. 220]. В качестве условия государственной регистрации закон указывает на охрану такого обозначения в стране происхождения товара (п. 2 ст. 1517 ГК РФ). Обладателем исключительного права на «иностранное» обозначение может быть только лицо, право которого на использование такого наименования охраняется в стране происхождения товара.

В декабре 2021 г. проведен семинар «Региональные бренды России — новые точки роста», где обсуждался новый объект интеллектуальных прав — географическое указание [25]. На слайдах выступающего А.Е. Сычёва были рассмотрены следующие плюсы включения ассоциаций в ряд заявителей:

- 1) уменьшение издержек путем распределения затрат среди участников;
- 2) учет интересов всех лиц, участвующих в производстве и продвижении товара;
- 3) возможность участия индивидуальных предпринимателей, малых и средних предприятий;
- 4) объединение усилий при защите от несанкционированного использования ГУ и НМПТ третьими лицами;
- 5) поддержание репутации ГУ или НМПТ путем проведения контроля за исполнением правил производства;
- 6) совместная разработка требований к товару.

В блоке этой темы подробно рассматривались правила составления заявок на регистрацию ГУ, в том числе с особенностями, применяемыми к ассоциациям [26]. В графе заявки «Перечень лиц, имеющих право использования географического указания и условия его использования» приводится полный перечень участников объединения. При этом условия использования ГУ указываются в соответствии с вну-

тренними документами объединения, например Уставом. Спикер обратил внимание на то, что перечисление лиц идет с указанием ОГРН (ОГРНИП), ИНН, КПП, в случае указания участника — физического лица, не зарегистрированного в качестве индивидуального предпринимателя, — СНИЛС.

Соглашусь, что такой подход успешно применяется в мире, а теперь и в России. Совместными усилиями отдельных участников рынка создается более качественная и конкурентоспособная продукция. Производители получают значительную прибыль, а экономика региона развивается. Подводя итог, можно утверждать, что регистрация ГУ ассоциациями возможна и актуальна, но вопрос наделения правом использования обозначения некоторых участников остается нерешенным. Вполне возможны случаи злоупотребления правом теми лицами, которые не осуществляют деятельность по производству товаров, указанных в свидетельстве о регистрации ГУ и НМПТ, к тому же они не будут являться лицами, ответственными за качество производимых товаров. Критика этих положений объяснима, если исходить из факторов риска для действительных производителей. Такой риск ложится на плечи заинтересованных лиц, их основной задачей становится упорядочивание и уточненные внутренних документов (соглашений), в связи с которыми определяются условия использования участниками обозначения. Остается надеяться на добропорядочность организаций, входящих в ассоциации, на то, что их общие цели и интересы не противоречат закону.

Исследуемый институт активно развивается и показывает качественные преимущества регистрации ГУ, где полезных свойств для правообладателей и общества в целом значительно больше, чем вредных. Он способствует сохранению культурных традиций, навыков и знаний, выступая гарантом наличия исключительных свойств товара. Очень важно создавать благоприятные условия для правообладателей на всех этапах взаимодействия: от регистрации до квалифицированной правовой охраны и защиты.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Указ Президента РФ от 16.01.2017 № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Закон Новгородской области от 24.10.2018 № 357-ОЗ «О региональных, муниципальных, территориальных брендах, народных художественных промыслах и ремесленной деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Свидетельство о регистрации наименования места происхождения товара «АСТРАХАНСКАЯ ОСЕТРОВАЯ ИКРА» № 179 от 30.11.2018.
4. Городов О.А. Право промышленной собственности. М.: Статут, 2011, с. –409-411 с. // СПС «КонсультантПлюс». — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=16986#DuPy80T5UvcfF6zO> (дата обращения: 10.03.2022).
5. Комментарии к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации / под ред. А.Л. Маковского; вступ. статья В.Ф. Яковлева; Исследовательский центр частного права. М.: Статут, 2008, 685 с. (автор комментария — О.Ю. Шилохвост).
6. Городов О.А. Право промышленной собственности. М.: Статут, 2011, с. 409–411 // СПС «КонсультантПлюс». — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=16986#DuPy80T5UvcfF6zO> (дата обращения 10.03.2022).
7. Официальный сайт Российского зернового союза. — URL: <http://grun.ru/membership/members/> (дата обращения 17.02.2022).
8. Пояснительная записка к законопроекту № 509994-7 «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 1 и 23-1 Федерального закона “О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции”». — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/509994-7> (дата обращения 15.02.2022).
9. Свидетельство о регистрации географического указания «КУБАНЬ.НОВОРОССИЙСК» № 275 от 26.11.2021.
10. Свидетельство о регистрации географического указания «КУБАНЬ» № 260 от 19.03.2021.
11. Выписка из Единого государственного реестра юридических лиц № ЮЭ9965-22- 53340829 от 21.02.2022, сведения о юридическом лице Общество с ограниченной ответственностью «ГУНЬКОВВ» (ОГРН 1082330001137, ИНН 2330036464).
12. Свидетельство о регистрации географического указания «КУБАНЬ» № 260/1 от 19.04.2021, п. 31, 6 с.
13. Свидетельство о регистрации географического указания NAPA VALLEY № 278 от 28.01.2022.
14. Приложение № 4 к заявке на регистрацию географического указания NAPA VALLEY № 2020739417 от 27.07.2020.
15. Щекочихина А. Географическое указание как новое средство индивидуализации товаров: сб. материалов X Международного юридического форума (IP Форум) Т. 1, 2022, с. 352–355.
16. См: п. 15.
17. Руководство по регистрации и предоставлению исключительного права на географическое указание и наименование места происхождения товара // СПС «КонсультантПлюс». — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_364657/
18. Аникин А.С. Содержание и осуществление исключительных прав. М., 2008. 125 с.
19. Горленко С.А. Проблемы регулирования охраны наименований мест происхождения товаров. М., 1994. 19 с.
20. Фролова Н.М. Наименование места происхождения товаров как объект правовой охраны: сб. научных трудов, посвященных памяти В.А. Рясенцева / Сост. В.В. Долинская. М., 1995, 79 с.
21. Панельная дискуссия: «Географические указания: успехи первого года» в рамках XXV Международной конференции Роспатента «Формирование экосистемы интеллектуальной собственности». — URL: https://www.youtube.com/watch?v=1-tEZi_1d98 (дата обращения 04.03.2022).
22. Свидетельство о регистрации географического указания «고려홍삼 Korean Red Ginseng корейский красный женьшень» № 259 от 26.02.2021.
23. Свидетельство о регистрации наименования места происхождения товара PROSECCO № 154 от 15.01.2016.
24. Право интеллектуальной собственности: учебник / А.С. Ворожевич, О.С. Гринь, В.А. Корнеев и др.; под общ. ред. Л.А. Новоселовой. Т. 3: Средства индивидуализации. М.: Статут, 2018. 220 с.
25. Семинар «Региональные бренды России — новые точки роста». — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=U7PohX6pl8Y> (дата обращения 04.03.2022).
26. Семинар «Региональные бренды России — новые точки роста». — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=cOAmNkVzbY> (дата обращения 04.03.2022).

REFERENCES

1. Ukaz Prezidenta RF ot 16.01.2017 № 13 “Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj politiki regional`nogo razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda” // SPS “Konsul`tantPlyus”.
2. Zakon Novgorodskoj oblasti ot 24.10.2018 № 357-OZ “O regional`ny`x, municipal`ny`x, territorial`ny`x brendax, narodny`x xudozhestvenny`x promy`slax i remeslennoj deyatel`nosti” // SPS “Konsul`tantPlyus”.
3. Svidetel`stvo o registracii Naimenovaniya mesta proisxozhdeniya tovara “ASTRAXANSKAYA OSETROVAYa IKRA” №179 ot 30.11.2018.

4. Gorodov O.A. Pravo promy`shlennoj sobstvennosti. M.: Statut, 2011. S. 409-411 // SPS "Konsul`tantPlyus". — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=16986#DuPy80T5UvctF6zO> (data obrashheniya 10.03.2022).
5. Kommentarii k chasti chetvertoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii / pod red. A.L. Makovskogo; vstup. st. V.F. Yakovleva; Issledovatel`skij centr chastnogo prava. M.: Statut, 2008. 685 s. (avtor kommentariya — O.Yu. Shiloxvost).
6. Gorodov O.A. Pravo promy`shlennoj sobstvennosti. M.: Statut, 2011. S. 409–411 s. // SPS "Konsul`tantPlyus". — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=16986#DuPy80T5UvctF6zO> (data obrashheniya 10.03.2022).
7. Oficial`ny`j sajt Rossijskogo Zernovogo Soyuz. — URL: <http://grun.ru/membership/members/> (data obrashheniya 17.02.2022).
8. Poyasnitel`naya zapiska k zakonoproektu № 509994-7 "O vnesenii izmenenij v chast` chetvertuyu Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii i stat`i 1 i 23-1 Federal`nogo zakona "O gosudarstvennom regulirovanii proizvodstva i oborota e`tilovogo spirta, alkohol`noj i spirtosoderzhashhej produkcii i ob ogranichenii potrebleniya (raspitiya) alkohol`noj produkcii". — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/509994-7> (data obrashheniya 15.02.2022).
9. Svidetel`stvo o registracii Geograficheskogo ukazaniya «KUBAN`.NOVOROSSIJSK» №275 ot 26.11.2021 goda.
10. Svidetel`stvo o registracii Geograficheskogo ukazaniya «KUBAN`» № 260 ot 19.03.2021 goda.
11. Vy`piska iz Edinogo gosudarstvennogo reestra yuridicheskix licz № YuE`9965-22-53340829 ot 21.02.2022, svedeniya o yuridicheskom lice Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost`yu "GUN`KOVV" (OGRN 1082330001137, INN 2330036464).
12. Svidetel`stvo o registracii Geograficheskogo ukazaniya KUBAN` No 260/1 ot 19.04.2021, s. 31, 6 s.
13. Svidetel`stvo o registracii Geograficheskogo ukazaniya NAPA VALLEY No 278 ot 28.01.2022.
14. Prilozhenie № 4 k zayavke na registraciyu Geograficheskogo ukazaniya NAPA VALLEY №2020739417 ot 27.07.2020.
15. Shhekochixina A. Geograficheskoe ukazanie kak novoe sredstvo individualizacii tovarov: sbornik materialov X Mezhdunarodnogo yuridicheskogo foruma (IP Forum). T. 1, 2022, s. 352–355.
16. Sm: p. 15.
17. Rukovodstvo po registracii i predstavleniyu isklyuchitel`nogo prava na geograficheskoe ukazanie i Naimenovanie mesta proisxozhdeniya tovara // SPS "Konsul`tantPlyus". — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_364657/
18. Anikin A.S. Soderzhanie i osushhestvlenie isklyuchitel`ny`x prav. M., 2008. 125 s.
19. Gorlenko S.A. Problemy` regulirovaniya oxrany` naimenovaniy mest proisxozhdeniya tovarov. M., 1994. 19 s.
20. Frolova N.M. Naimenovanie mesta proisxozhdeniya tovarov kak ob`ekt pravovoj oxrany` // sbornik nauchny`x trudov, posvyashheny`x pamyati V.A. Ryasenceva / sost. V.V. Dolinskaya. M., 1995, 79 s.
21. Panel`naya diskussiya: "Geograficheskie ukazaniya: uspehi pervogo goda" v ramkax XXV Mezhdunarodnoj konferencii Rospatenta "Formirovanie e`kosistemy` intellektual`noj sobstvennosti". — URL: https://www.youtube.com/watch?v=1-tEZj_1d98 (data obrashheniya 04.03.2022).
22. Svidetel`stvo o registracii geograficheskie ukazaniya 고려홍삼 Korean Red Ginseng korejskij krasny`j zhen`shen` No 259 ot 26.02.2021.
23. Svidetel`stvo o registracii naimenovaniya mesta proisxozhdeniya tovara PROSECCO No 154 ot 15.01.2016.
24. Pravo intellektual`noj sobstvennosti: uchebnik / A.S. Vorozhevich, O.S. Grin`, V.A. Korneev I dr.; pod obshh. red. L.A. Novoselovoj. T. 3: Sredstva individualizacii. M.: Statut, 2018. 220 s.
25. Seminar «Regional`ny`e brendy` Rossii — novy`e točki rosta». — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=U7PohX6pl8Y> (data obrashheniya 04.03.2022).
26. Seminar "Regional`ny`e brendy` Rossii — novy`e točki rosta". — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=cOAmNkVzbY> (data obrashheniya 04.03.2022).

Научная статья

УДК: 347.78

DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.15939>

Original article

ИНСТИТУТ АВТОРСТВА И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ THE INSTITUTION OF AUTHORSHIP AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Марина Николаевна КОМАШКО

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия,
komashko@list.ru, mkomashko@hse.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-5211-0055>

Информация об авторе

М.Н. Комашко — кандидат юридических наук, руководитель Центра правового сопровождения в сфере науки, интеллектуальной собственности и информации НИУ ВШЭ, преподаватель программ повышения квалификации

Аннотация. В статье рассмотрена проблема определения автора для тех результатов интеллектуальной деятельности, которые созданы при участии искусственного интеллекта. Целью настоящей работы является демонстрация на конкретных примерах роли автора в создании интеллектуальной собственности. Для наглядности примеры выбраны из области изобразительного искусства.

Рассмотрены различные техники, которые используют художники, проведено их сравнение с применением искусственного интеллекта для создания арт-объектов. Кроме того, проанализированы случаи квалификации автором своего труда как акта творчества и случаи, когда автор, несмотря на полученный результат, определил свой труд как не носящий творческого характера.

Демонстрация конкретных примеров позволила наглядно показать, что именно создатель определяет, является ли тот или иной объект произведением, объектом авторского права и является ли труд создателя актом творчества. Также в статье продемонстрировано, что

- применение искусственного интеллекта при создании
- результата интеллектуальной деятельности не отличает
- ся от других техник. Эти обстоятельства подтверждают,
- что автором может быть только человек.
- Кроме того, в статье кратко раскрыты сущность ин-
- теллектуальных прав и отсутствие интереса, какой-либо
- пользы для искусственного интеллекта в обладании эти-
- ми правами. В силу того, что право не является чем-то
- объективным, а придумано людьми и для людей, только
- человек может воспользоваться правовыми института-
- ми. По этой причине также отсутствует смысл призна-
- вать авторство за искусственным интеллектом.
- В силу указанных обстоятельств искусственный ин-
- теллект является лишь инструментом в руках человека.

- **Ключевые слова:** автор; художник; творец; искусствен-
- ный интеллект; творчество; искусство; произведение;
- авторское право; исключительное право; интеллекту-
- альная собственность

- **Для цитирования:** Комашко М.Н. Институт авторства
- и искусственный интеллект // Труды по интеллектуаль-
- ной собственности (Works on Intellectual Property). 2022.
- Т. 42, № 3. С. 98–107;
- DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.15939>

Marina N. KOMASHKO

- National Research University “Higher School of
- Economics”, Moscow, Russia,
- komashko@list.ru, mkomashko@hse.ru,
- <https://orcid.org/0000-0002-5211-0055>

Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 [1], определила ИИ как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека; этот комплекс включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе то, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений.

Как видим, государство решило дать определение регулируемому объекту через его функцию. Такой подход, вероятно, был оправдан для целей принятия Стратегии, особенно в условиях, когда регулируемый объект настолько бурно развивается и изменяется, что «ухватить» в документе его суть так, чтобы через пару лет документ не устарел, не перестал соответствовать актуальному состоянию объекта регулирования, практически невозможно (по меньшей мере, крайне затруднительно). В качестве примера стремительного развития технологий, именуемых в обиходе искусственным интеллектом, приведу машинное обучение, которое еще несколько лет назад чаще всего имели в виду, говоря об ИИ, но в последнее время в среде ИИ-разработчиков становится принято разделять AI (Artificial Intelligence, ИИ) и ML (Machine Learning, машинное обучение). Некоторые даже считают, что нужно различать между собой ML и DL (Deep Learning, глубокое обучение).

Однако вряд ли определение ИИ, данное в Стратегии, можно использовать как универсальное определение, опираться на него. Из определения через функцию совершенно непонятно, что же все-таки представляет собой определяемый объект. Для наглядности можно взять определение стола, если бы его дали через функцию: предмет, на котором расставляют еду. Под это определение подходит не только стол, но и любой другой предмет, на который теоретически можно поставить еду: подоконник, табуретка, пуф, даже покрывало на пикнике, капот автомобиля или пень. С другой стороны, все остальные столы

(письменные, операционные, столы заседаний и т.д.) оказываются вовсе не столами, так как предназначены для выполнения других функций.

В силу этого более правильным подходом принято считать определение объекта не через выполняемую им функцию, а через присущие ему признаки: «дефиниция — это краткое определение какого-либо понятия, отражающее существенные (качественные) признаки явления, предмета» [2, с. 182].

В литературе исследователи предпринимают попытки дать свои определения ИИ. Так, Г.П. Ивлиев и М.А. Егорова определили ИИ как компьютерную технологию и систему, способную решать поставленные сложные задачи либо предпринимать «собственные» действия посредством машинного обучения в условиях реальной действительности [3, с. 35].

И.В. Понкин и А.И. Редькина считают ИИ «искусственной сложной кибернетической компьютерно-программно-аппаратной системой, обладающей свойствами субстантивности, автономности, а также возможностями воспринимать и анализировать данные, самообучаться» [4, с. 91]. Авторы также дают более развернутое определение ИИ: «искусственная сложная кибернетическая компьютерно-программно-аппаратная система (электронная, в том числе виртуальная, электронно-механическая, биоэлектронно-механическая или гибридная) с когнитивно-функциональной архитектурой и собственными или релевантно доступными (приданными) вычислительными мощностями необходимых емкостей и быстродействия, обладающая:

- свойствами субстантивности (включая определенную субъектность, в том числе как интеллектуального агента) и в целом автономности, а также элаборативной (имеющей тенденцию совершенствования) операциональности;
- высокоуровневыми возможностями воспринимать (распознавать, анализировать и оценивать) и моделировать окружающие образы и символы, отношения, процессы и обстановку (ситуацию), самореферентно принимать и реализовывать свои решения, анализировать и понимать свои собственные поведение и опыт, самостоятельно моделировать и корригировать для себя алго-

ритмы действий, воспроизводить (эмулировать) когнитивные функции, в том числе связанные с обучением, взаимодействием с окружающим миром и самостоятельным решением проблем;

- способностями самореферентно адаптировать свое собственное поведение, автономно глубоко самообучаться (для решения задач определенного класса или более широко), осуществлять омологацию себя и своих подсистем, в том числе вырабатывать омологированные «языки» (протоколы и способы) коммуникации внутри себя и с другими искусственными интеллектами, субстантивно выполнять определенные антропоморфно-эмулирующие [конвенционально относимые к прерогативе человека (разумного существа)] когнитивные (в том числе познавательно-аналитические и творческие, а также связанные с самоосознанием) функции, учитывать, накапливать и воспроизводить (эмулировать) опыт (в том числе человеческий)» [4, с. 94-95].

П.М. Морхат дает следующее определение ИИ: «полностью или частично автономная самоорганизующая (самоорганизующаяся) компьютерно-аппаратно-программная виртуальная (virtual) или киберфизическая (cyber-physical), в том числе биокибернетическая (bio-cybernetic), система (юнит), наделенная / обладающая способностями и возможностями:

- антропоморфно-разумных мыслительных и когнитивных действий, таких как распознавание образов, символьных систем и языков, рефлексия, рассуждение, моделирование, образное (смыслопорождающее и смысловоспринимающее) мышление, анализ и оценка;
- самореферентности, саморегулирования, самоадаптирования под изменяющиеся условия, самоограничения;
- самоподдержания себя в гомеостазе;
- генетического поиска (genetic algorithm — эвристический алгоритм поиска с сохранением важных аспектов «родительской информации» для «последующих поколений» информации, накопления информации и опыта;
- обучения и самообучения (в том числе на своих ошибках и своем опыте); самостоятельной разработки и самостоятельного применения алгоритмов самоомологации;
- самостоятельной разработки тестов под собственное тестирование, самостоятельного проведения самотестирований и тестирований компьютерной и, при возможности, физической реальности;

- антропоморфно-разумного самостоятельного (в том числе творческого) принятия решений и решения задач и проблем [5, с. 69].

Предпринимались и другие попытки дать определение понятию ИИ [5, с. 53–59].

Во всех этих дефинициях присутствует упоминание машины, компьютерной программы.

Таким образом, все исследователи сходятся во мнении, что ИИ представляет собой некий программно-аппаратный комплекс, а сама «разумная» деятельность ИИ — это «деятельность» программы для ЭВМ. То есть существенным признаком (или одним из существенных признаков) ИИ является наличие в нем программы для ЭВМ.

В рамках настоящей статьи понимания того, что деятельность ИИ — это в первую очередь работа программы для ЭВМ, будет достаточно.

Однако не все так прозаично. Программа для ЭВМ, являющаяся ядром ИИ, устроена настолько сложно и ведет деятельность на таком высоком уровне, что в научной среде (особенно среди гуманитариев — юристов, социологов, философов) обсуждается *разум ИИ* (сопоставимый или превосходящий человеческий) и все, что связано с ведением разумной деятельности.

Одним из наиболее интересных вопросов, которые встали в связи с расширением сферы применения ИИ и его «очеловечиванием», является вопрос о возможности совершения искусственным интеллектом акта творчества, возможности создания им произведений литературы и искусства. В научной литературе по этому вопросу сформировалось несколько точек зрения, в разной степени противоречащих друг другу. Рассмотрим наиболее популярные.

Как видно из приведенного выше определения, П.М. Морхат допускает осуществление искусственным интеллектом творческой деятельности («образное смыслопорождающее мышление» и «творческое принятие решений»).

Признает творчество в деятельности ИИ и А. Гурко: «одним из признаков ИИ является способность решать творческие задачи, подобно человеку», «генерируемые ИИ объекты являются результатом машинного творчества» (хоть автор и указывает однажды, что «имитация творческой деятельности машиной и программой для ЭВМ еще не является таковой деятельностью») [6].

Однако есть и полностью противоположная точка зрения. Так, В.С. Витко считает, что «в деятельности искусственного интеллекта по созданию результатов, похожих на объекты авторского права, отсутствует творчество» [7, с. 20]. Примечательно, что В.С. Витко в своей работе последовательно говорит о результатах

труда ИИ «результаты, *похожие* на объекты авторского права» (выделено мной. — К.М.). Также этот автор считает, что результаты работы ИИ вовсе не подлежат охране правом интеллектуальной собственности [7].

Другие исследователи придерживаются более мягкой позиции. Не выводя результаты деятельности ИИ за рамки охраны интеллектуальной собственности в целом, часть исследователей, тем не менее, высказалась за невозможность отнесения этих результатов к объектам авторского права. В частности, потому что нельзя считать автором-создателем этих произведений разработчика компьютерной программы (ИИ) [8, с. 163]. Другие варианты авторства и сочетания авторства и признания самих произведений объектами авторского права, видимо, не рассматривались.

По всей видимости, норма права, согласно которой автором признается только гражданин (человек), внесший творческий вклад в создание произведения, довлеет над умами и движет научную мысль (по крайней мере, в некоторых случаях) по формальному пути, так сказать, по пути доказывания «от обратного»: право не признает автором-творцом никого (и ничего), кроме человека, значит, ИИ не может быть автором и не может творить.

С такой аргументацией нельзя согласиться: нормы права — не нечто существующее объективно, независимо от человека; право пишут люди сообразно своим представлениям о «правильном» и изменяют его под актуальные нужды. История знает множество примеров таких изменений, как положительных, так и не очень.

Соответственно верным представляется противоположный подход: не прятаться, как за бастионом, за устаревшей (возможно) нормой, а своевременно выявлять возникновение новых общественных отношений, нуждающихся в правовом регулировании, и создавать правовые нормы, адекватные этим отношениям.

Таким образом, несмотря на установленные в законодательных актах правила, вопрос возможности творчества ИИ остается на текущий момент дискуссионным.

Чтобы найти на него ответ, представляется полезным обратиться не к научным дискуссиям и теоретическим измышлениям, а к практической стороне жизни, опереться на живые примеры актов творчества (и «творчества»).

Творчество можно рассматривать в разных аспектах. В рамках этой статьи оно будет рассмотрено на примере одной из наиболее популярных и доступных для понимания форм — изобразительного искусства.

Если бы в XIX в. и в более ранние времена существовал ИИ, то не было бы никаких сомнений в том, может ли авторство принадлежать ИИ, можно ли счи-

тать то, что «создал» ИИ, объектом авторских прав, произведением, искусством. Было очевидно, что произведения искусства создают только талантливые люди, которые специально много лет учились в академиях художеств, и искусство — это только то, к чему приложено много труда, что выполнено на высочайшем уровне мастерства и к тому же имеет достаточно глубокий сюжет, как, например, знаменитая картина А.А. Иванова.

Иванов А.А. Явление Христа народу. 1837–1857 гг. [9]

Но XX в. все изменил: достаточно вспомнить хотя бы «Черный квадрат» К.С. Малевича [10]. Люди, не знакомые с историей этой картины и с периодом, в который художник ее создал, обычно недоумевают: что в черном квадрате такого, почему это вообще искусство. Иногда даже предпринимаются попытки объяснить значение «Черного квадрата» тем, что будто бы на оригинале видно особое мастерство автора, недоступное для повторения всеми прочими людьми. Однако свое место в искусстве эта работа заняла вовсе не благодаря какому-то особенному мастерству художника, а как раз в силу своей простоты и незамысловатости.

И вот уже более 100 лет мы не можем, глядя на объект (по крайней мере, на некоторые из объектов, но с каждым годом таких объектов все больше), однозначно сказать, что это: шедевр или каракули, искусство или хулиганство и порча имущества. Яркий пример тому — творения знаменитого Бэнкси.

Время не стоит на месте: в современном мире искусство живет не только в музеях и не ограничивается холстом и традиционными средствами.

Рассмотрим в качестве примера два панно в технике травления металла.

Являются ли эти панно произведениями, объектами авторского права? Казалось бы, ответ очевиден: да, несомненно. Но на самом деле второе панно — это не совсем панно, а... дверь в подъезд многоквартирного дома.

Эта дверь была исписана граффити (причем не слишком умело). Мастер ЖЭКа вытравил граффити,

Бэнкси. «Мрачный жнец» (The Grim Reaper). Начало 2000-х гг. [11]. Бэнкси, как известно, зачастую использует вместо холста чужие здания, здания суда (как в случае с «Мрачным жнецом») и другие подобные объекты, и многие его творения утрачены по банальной причине: владельцы расписанного Бэнкси имущества распорядились закрасить его художества (теперь, когда он знаменит, наверное, жалеют, что когда-то посчитали произведения стрит-арта вандализмом)

Декоративное панно «Лев». Автор неизвестен [12]

Панно «Пейзаж (с высоты птичьего полета)». Автор неизвестен. Из личного фотоархива

и неожиданно получилась красота, этакий в меру фантастический пейзаж.

Зная историю создания второго панно, вряд ли легко согласиться, что рассматриваемое нами изображение — объект авторского права, произведение.

С одной стороны, нет причин не соглашаться. Объекты авторских прав охраняются, как всем известно, независимо от достоинств и назначения произведения, а также от способа его выражения. С другой стороны, что-то нам мешает всерьез воспринимать результат труда мастера ЖЭКа как произведение.

В чем же тут дело? Ведь в отношении панно «Лев» нет сомнений, что оно является произведением искусства. Даже если бы мы вдруг узнали, что оно имеет утилитарную функцию (например, является подставкой под горячее), наше мнение не изменилось бы: утилитарность не мешает объекту быть произведением искусства (в частности, декоративно-прикладного искусства).

Оба эти панно выполнены из металла. К обоим приложен труд. На обоих — узор, рисунок, линии которого формируют узнаваемые очертания соответствующих объектов. Оба рисунка не являются воспроизведением объекта с фотографической точностью, а представляют собой некую фантазию на тему.

Так почему же один лист металла с узором — произведение искусства, а другой лист металла с узором не относится к ним?

Очевидно, что, если бы панно с пейзажем (которое по совместительству дверь) стояло в галерее и было подписано именем известного художника, ни у кого не родилось бы ни малейшего сомнения в том, что это — объект авторских прав. Причем заметим, что такое умозаключение — вовсе не фантазия. В Третьяковской галерее, одном из лучших музеев мира, демонстрируется дверь. Простая деревянная однотонно окрашенная дверь. Даже подпись к ней предельно проста («Дверь»), не содержит ни малейшего намека на какой-то философский подтекст или что-то вроде этого. Но автором экспоната указан художник, и дверь представлена в музее. Она — объект авторских прав.

Можно провести аналогию с картинами Поллока, который работал в технике «брызги краски».

Испачкать поверхность брызгами краски может каждый (и даже с каждым такое случалось хотя бы раз). Но у всех будет просто заляпанная краской поверхность, а у Поллока то же самое — произведение искусства.

В чем же магия?

Эти три примера — пейзаж на двери, дверь в музее и брызги на картинах Поллока — приводят нас к выводу, что произведением некий объект делают не характеристики самого этого объекта, а намерение его создателя (изготовителя) создать произведение искусства. По крайней мере, автор хотя бы в отношении готово-

Поллок Джексон. № 8 (фрагмент). 1943 г. [13]

го объекта должен решить, что создал произведение (даже если это у него это получилось случайно).

А теперь настал момент вернуться к рассмотрению искусственного интеллекта. Может ли ИИ (мы помним, что ИИ — это в первую очередь программа для ЭВМ) решить, что он создал произведение искусства? Может ли ИИ вообще оценивать себя и результаты своей деятельности с позиции творца? На данном этапе развития — точно нет.

Представляется, что программно-аппаратные комплексы никогда этого не смогут. ИИ может оценить соответствие результата заданным критериям, не более того. Но парадокс состоит в том, что художник становится художником, входит в историю, когда его работы НЕ соответствуют критериям. «Рожи» Олега Целкова (см. пример ниже) и «Банки супа Кэмпбелла» Уорхола [14] явно не соответствовали критериям искусства, когда эти художники начинали свой творческий путь.

Собственно, только человек, но никак не машина, не программное обеспечение, может задаться целью создать произведение. И только человек может определить, что произведение создано (закончено) и что то, что получилось, является произведением (далее мы увидим это на конкретных примерах).

Поэтому норма законодательства «автором признается гражданин», т.е. человек, актуальна, несмотря на развитие технологий.

Рассмотрим в качестве примера «оживленную» картину Васнецова «Баба-Яга» [16], которая демонстрировалась, в частности, на выставке «Русская сказка. От Васнецова до сих пор» в Третьяковской галерее.

Вадим Эпштейн, известный медиахудожник, позиционировал эту работу как созданную в соавторстве: его (человека) и алгоритмов ИИ «Self-Supervised Learning of Decoupled Motion and Appearance for Single-Image Video Synthesis» и «Multi-Domain Multi-Modality [2] Translation».

О.Н. Целков Коллекционер и коллекция. 1989 г. [15]

<https://vimeo.com/392963973>

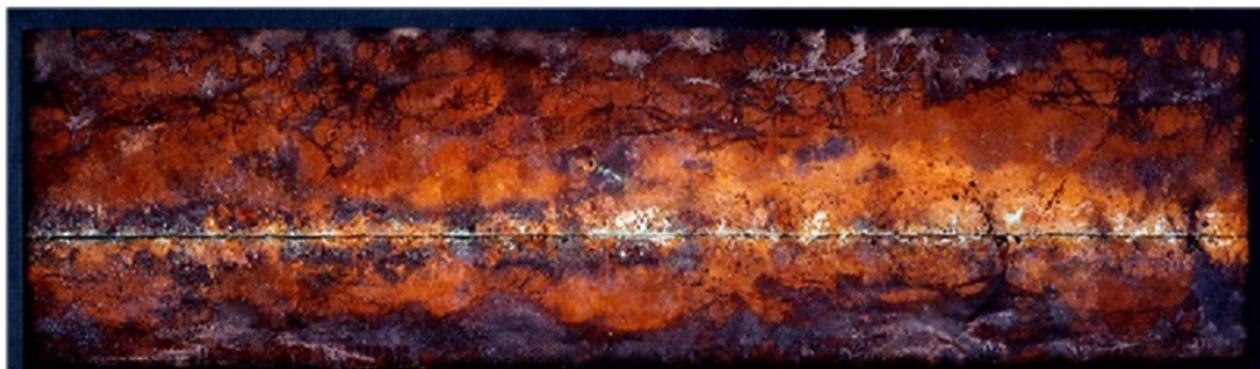
Но так ли это?

Из названия алгоритмов видно, что это программное обеспечение было изначально разработано для «оживления» изображений. Выбирали ли алгоритмы, какую картину оживлять? Очевидно, нет. Проявили ли алгоритмы (как бы смешно ни звучал этот вопрос) какую-либо инициативу, «творческий полет», осуществили ли они необычную для себя деятельность? Нет.

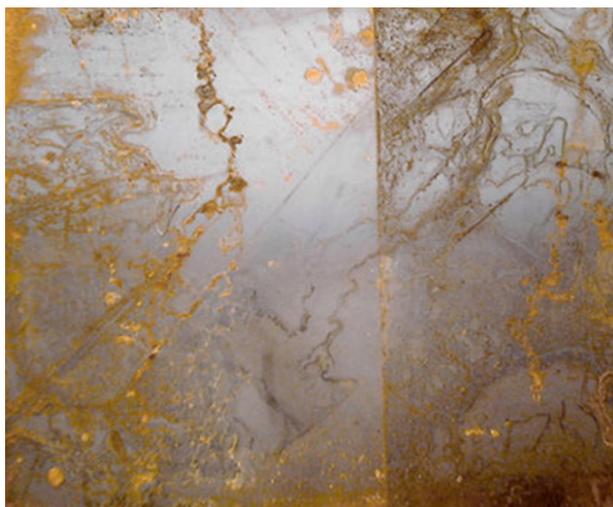
То есть совершенно ясно, что задумка «оживить» Бабу Ягу Васнецова — это идея художника, а не алгоритма. Художник обратился к этому ИИ именно и только потому, что уже имел идею этой видеопроекции и представление, что он хочет получить в итоге. Была бы другая идея — художник выбрал бы другие алгоритмы (или даже совсем другие методы, без привлечения ИИ).

Да, художник не в полной мере контролировал работу ИИ. Но известны и другие техники, применяя которые художник отдается на волю случая или естественного течения событий.

Например, сразу несколько современных художников создают картины, используя естественную коррозию металла (ржавление).

Тони Ризон. Медная полоса. 2005 г. [17]

Дэн Демпстер. Дубхе [18]

Другие работают с морской водой.

А кто может себе позволить — используют двигатели самолетов.

Итак, есть достаточно других методов творчества, где художник не в полной мере контролирует процесс создания своего шедевра или даже сознательно отказывается от влияния на этот процесс, только начинает его и определяет момент завершения.

Использование ИИ не так уж отличается от этих методов, чтобы стоило говорить об авторстве и творчестве ИИ. Иначе придется признать автором, творцом также и ржавчину, и морскую воду, и турбины самолетов.

Другой важный аспект состоит в том, что право придумано людьми и для людей.

Даже если признать ИИ автором, а его деятельность — творчеством, что толку? ИИ никогда не сможет воспользоваться правами ни автора, ни правообладателя. Да они ему и не нужны. Алгоритму, программному комплексу не нужны исключительные права, он не ведет деятельность на рынке, не заинтересован в получении дохода.

Творческий процесс в технике Jet art. [19]. Метод Jet art придумал в 1982 г. австрийский принц Юрген фон Анхальт, дело которого после его кончины продолжает Таринан фон Анхальт. Метод заключается в общих чертах в следующем: позади самолета ставят полотно, художник разбрызгивает краску перед полотном так, чтобы краска под действием воздуха, который выдувает турбина самолета, разлеталась и оседала на полотне. То есть художник не определяет, как ляжет краска, какие узоры получатся, он может лишь в силу своего опыта предполагать и надеяться, что узор получится близким к тому, что художник изначально себе представил (а может, вовсе ничего и не представляя, а просто доверился случаю)

Личные права ИИ также не нужны. У него нет эмоций и чувств. Его это не пострадает от того, что его забыли указать автором, или от того, что его творение исказили (потому что это у ИИ нет).

Не менее важен и характер деятельности ИИ и человека.

ИИ не «творит» сам по себе. Если человек не поставит перед программой для ЭВМ задачу, она не станет вдруг работать и что-то создавать. Без внешнего

импульса программа мертва (хотя мертва она, конечно, всегда, никогда не жива) и никакой деятельности не осуществляет. «Жизнь» в ИИ, побуждение к деятельности, смысл в совершаемые им действия привносятся только человеком.

Много ли творцов ждали заказа, чтобы взять в руки кисти (или перо)? Скорее, наоборот, работа по заказу считалась и считается до сих пор в каком-то смысле «менее творческой», ведь творец поставлен заказчиком в рамки и не вполне волен выражать себя.

В этой связи возникает еще один важный аспект. В отличие от человека ИИ не будет отстаивать свой творческий замысел, свое видение.

Множество художников, как известно, долгое время не получали признания, некоторые вообще не дождались признания при жизни. Но они не бросали творить, не изменяли себе, продолжали работать в своей уникальной манере, и их произведения только после их смерти были оценены по достоинству, стали признанными шедеврами.

Можно ли представить себе, что ИИ станет отстаивать свою манеру творить? Что он не будет создавать то, что нравится человеку (художнику, использующему ИИ, или заказчику, который, например, заказал Студии Артемия Лебедева логотип от Николая Иронова [20])? У такого ИИ нет шансов на существование. Это лишний раз показывает, что ИИ — всего лишь инструмент, пригодность которого оценивает человек.

Но незаинтересованность ИИ в правах автора никак не отменяет интерес человека к правам на объект, созданный ИИ, точнее — при участии ИИ. Именно потому, что право придумано людьми и для людей, люди заинтересованы в правовой защите того, что создано с помощью ИИ.

Работы, создаваемые с применением ИИ, вполне самобытны, в них достаточно творчества (правда, внесенного человеком). Они не отличаются от всех прочих произведений каким-то особым примитивизмом (по крайней мере, они не более примитивны, чем произведения, созданные без использования ИИ), чем-то таким «бездушным», что слышится в словосочетании «машинное творчество». Поэтому нет никаких оснований вычеркивать произведения, созданные с помощью ИИ, из объектов авторского права и тем более лишать их как интеллектуальную собственность правовой охраны.

В заключение перечислим главные выводы из представленного материала:

- произведением (объектом авторского права) некий объект становится не в силу своих объективных характеристик, а благодаря осознанию автором факта создания им произведения, оценке

автором созданного им объекта как произведения, а своего труда — как акта творчества;

- ИИ, являясь по существу программой для ЭВМ, не обладает сознанием, не ставит себе задач, не осознает своих действий и не оценивает их;
- ИИ не нужно авторское право, признание его авторства, право на имя, ему не важна неприкосновенность произведения (да и какие-либо другие права не имеют для ИИ значения и не несут ему пользы);
- ИИ является инструментом в руках автора, пусть даже автор не в полной мере контролирует его работу.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/АН4х6HgKWANwVtMOфDPDhcbRpvd1HCCsv.pdf> (дата обращения: 19.07.2022).
2. Кашанина Т.В. Юридическая техника. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 496 с.
3. Ивлиев Г.П., Егорова М.А. Юридическая проблематика правового статуса искусственного интеллекта и продуктов, созданных системами искусственного интеллекта // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 6. С. 32–46. DOI: 10.12737/jrl.2022.060.
4. Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 1. С. 91–109. DOI: 10.22363/2313-2337-2018-22-1-91-109.
5. Морхат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд. М.: Буки Веди, 2017. 257 с.
6. Гурко А. Искусственный интеллект и авторское право: взгляд в будущее // СПС «КонсультантПлюс».
7. Витко В. Анализ научных представлений об авторе и правах на результаты деятельности искусственного интеллекта // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2019. № 3. С. 5–22.
8. Об итогах работы IX Пермского конгресса ученых-юристов «Правовое регулирование цифровизации общества: приоритетные задачи» // Lex Russica. 2018. № 12. С. 161–174. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.145.12.161-173
9. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AF%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%A5%D1%80%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B0_%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%83 (дата обращения: 19.07.2022).
10. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A7%D1%91%D1%80%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%BA%D0%B2%D0%B0%D0%B4%D1%80%D0%B0%D1%82 (дата обращения: 19.07.2022).

11. URL: <https://artifex.ru/%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B8%D1%82-%D0%B0%D1%80%D1%82/%D0%B1%D1%8D%D0%BD%D0%BA%D1%81%D0%B8/> (дата обращения: 19.07.2022).
12. URL: <https://tsvetmet.wordpress.com/2020/07/22/%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D0%BC%D0%B5%D1%82%D0%B0%D0%BB%D0%BB%D0%B0-%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4-D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D0%B8-%D0%B2%D0%B8%D0%B4/> (дата обращения: 19.07.2022).
13. URL: <https://www.be-in.ru/review/34502-dzhekson-pollok-kak-brend/> (дата обращения: 19.07.2022).
14. URL: <https://kulturologia.ru/blogs/060121/48660/> (дата обращения: 19.07.2022).
15. URL: <https://vladey.net/ru/artist/oleg-tselkov> (дата обращения: 19.07.2022).
16. URL: <https://vimeo.com/392963973> (дата обращения: 19.07.2022).
17. URL: <http://www.cablook.com/design-art/rzhavye-kartiny-sem-hudozhnikov-rabotayushhih-rzhavchinoj/> (дата обращения: 19.07.2022).
18. URL: <http://www.cablook.com/design-art/rzhavye-kartiny-sem-hudozhnikov-rabotayushhih-rzhavchinoj/> (дата обращения: 19.07.2022).
19. URL: <https://blog.kunjut.com/vdohnovlenie/jet-art-risunki-s-pomoshhyu-reaktivnogo-dvigatelya/> (дата обращения: 19.07.2022).
20. URL: <https://www.artlebedev.ru/nikolay-ironov/> (дата обращения: 19.07.2022).
7. Vitko V. Analiz nauchnih predstavleniy ob avtore i pravah na resul'tati deyatel'nosti iskusstvennogo intellekta // *Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorsкое parvo i smejnje prava*. 2019. No 3. S. 5–22.
8. Ob itogah raboti IX Permskogo kongressa uchenih-yuristov "Pravovoe regulirovanie tsifrovizatsii obschestva: prioritietnie zadachi" // *Lex Russica*. 2018. No 12. S. 161–174. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.145.12.161-173
9. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AF%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%A5%D1%80%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B0_%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%83 (дата obrascheniya: 19.07.2022).
10. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A7%D1%91%D1%80%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%BA%D0%B2%D0%B0%D0%B4%D1%80%D0%B0%D1%82 (дата obrascheniya: 19.07.2022).
11. URL: <https://artifex.ru/%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B8%D1%82-%D0%B0%D1%80%D1%82/%D0%B1%D1%8D%D0%BD%D0%BA%D1%81%D0%B8/> (дата obrascheniya: 19.07.2022).
12. URL: <https://tsvetmet.wordpress.com/2020/07/22/%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D0%BC%D0%B5%D1%82%D0%B0%D0%BB%D0%BB%D0%B0-%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4-D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D0%B8-%D0%B2%D0%B8%D0%B4/> (дата obrascheniya: 19.07.2022).
13. URL: <https://www.be-in.ru/review/34502-dzhekson-pollok-kak-brend/> (дата obrascheniya: 19.07.2022).
14. URL: <https://kulturologia.ru/blogs/060121/48660/> (дата obrascheniya: 19.07.2022).
15. URL: <https://vladey.net/ru/artist/oleg-tselkov> (дата obrascheniya: 19.07.2022).
16. URL: <https://vimeo.com/392963973> (дата obrascheniya: 19.07.2022).
17. URL: <http://www.cablook.com/design-art/rzhavye-kartiny-sem-hudozhnikov-rabotayushhih-rzhavchinoj/> (дата obrascheniya: 19.07.2022).
18. URL: <http://www.cablook.com/design-art/rzhavye-kartiny-sem-hudozhnikov-rabotayushhih-rzhavchinoj/> (дата obrascheniya: 19.07.2022).
19. URL: <https://blog.kunjut.com/vdohnovlenie/jet-art-risunki-s-pomoshhyu-reaktivnogo-dvigatelya/> (дата obrascheniya: 19.07.2022).
20. URL: <https://www.artlebedev.ru/nikolay-ironov/> (дата obrascheniya: 19.07.2022).

REFERENCES

1. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/AH4x6HgKWANwVtMOFpDhcbRpvD1HCCsv.pdf> (дата obrascheniya: 19.07.2022).
2. *Kashanina T.V.* Yuridicheskaya tekhnika. M.: Norma: INFRA-M, 2011. 496 s.
3. *Ivliev G.P., Egorova M.A.* Yuridicheskaya problematika pravovogo statusa iskusstvennogo intellekta i produktov, sozdannih sistemami iskusstvennogo intellekta // *Jurnal rossiiskogo prava*. 2022. T. 26. No 6. S. 32–46. DOI: 10.12737/jrl.2022.060
4. *Ponkin I.V., Red'kina A.I.* Iskusstvenniy intellect s tochki zreniya prava // *Vestnik Rossiiskogo universiteta drujbi narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki*. 2018. T. 22. No 1. S. 91–109. DOI: 10.22363/2313-2337-2018-22-1-91-109
5. *Morkhat P.M.* Iskusstvenniy intellect: pravovoy vzglyad. M.: Buki Vedi, 2017. 257 s.
6. *Gurko A.* Iskusstvenniy intellect i avtorsкое pravo: vzglyad v budushee // SPS "ConsultantPlus".

**О Кафедре ЮНЕСКО
по авторскому праву, смежным,
культурным и информационным
правам НИУ «Высшая
школа экономики»**

Международный научно-образовательный центр «Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам» (сокращенно — «Кафедра ЮНЕСКО НИУ ВШЭ») создан решением Ученого совета НИУ ВШЭ в октябре 2020 г. в соответствии с Соглашением между ЮНЕСКО и Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) от 7 августа 2020 г.

Свою историю Центр ведет от Кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву и другим правам интеллектуальной собственности, созданной по инициативе Постоянного представителя Российской Федерации при ЮНЕСКО в 1993–1998 гг., Чрезвычайного и Полномочного посла РФ доктора юридических наук профессора М.А. Федотова. Соглашение о создании Кафедры ЮНЕСКО на базе Института международного права и экономики имени А.С. Грибоедова (ИМПЭ, ныне — Московский университет имени А.С. Грибоедова) было подписано 12 июня 1998 г. В 2009 г. Кафедра по согласованию с Секретариатом ЮНЕСКО была передислоцирована в Высшую школу экономики.

Кафедра ЮНЕСКО является научно-образовательным структурным подразделением НИУ ВШЭ. Одновременно она входит во всемирную сеть Кафедр ЮНЕСКО в соответствии с Программой UNITWIN/UNESCO Chairs, учрежденной по решению 26-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО в 1991 г. для развития межвузовского сотрудничества на глобальном, межрегиональном, региональном и субрегиональном уровнях по отдельным направлениям образования, науки, культуры и коммуникации. Программа UNITWIN/UNESCO Chairs объединяет в настоящее время более 830 кафедр и 20 специализированных кафедральных сетей в 110 странах.

Во всем мире кафедры ЮНЕСКО, действуя в духе академической солидарности, стимулируют процесс формирования крепких и устойчивых связей между вузами и академическими учреждениями, правительствами, местными властями, предпринимательскими кругами, гражданским обществом и т.д. Основопологающим принципом Программы UNITWIN/UNESCO Chairs является полноценное и равноправное партнерство университетов, которые через кафедры ЮНЕСКО инициируют и реализуют в ее рамках различные проекты, уважая университетскую автономию и академическую свободу.

Кафедра ЮНЕСКО НИУ ВШЭ специализируется в области авторского права и смежных прав, культурных и информационных прав, включая правовое регулирование киберпространства, технологий искусственного интеллекта и трансгуманизма. Деятельность Кафедры осуществляется в сотрудничестве с соответствующими подразделениями Секретариата ЮНЕСКО, в особенности с Сектором культуры и Сектором информации и коммуникации, с Институтом ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании, а также с Комиссией Российской Федерации по делам ЮНЕСКО.

Разносторонняя исследовательская, образовательная, просветительская, законопроектная, консультационная и экспертная деятельность Кафедры ЮНЕСКО в сфере свободы творчества и свободы выражения мнений, правовых и этических аспектов информационного плюрализма, развития ин-

формационного общества, многоязычия в киберпространстве, преодоления цифрового неравенства, технологий трансгуманизма, влияния искусственного интеллекта на институты права и общественное развитие требует стабильного функционирования открытой дискуссионной площадки для обмена мнениями, обсуждения идей, передачи и популяризации знаний.

С 1999 г. Кафедра ЮНЕСКО выпускает ежеквартальный научно-аналитический журнал «Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property)» (www.tis.hse.ru). У его истоков стояли такие выдающиеся российские правоведы, как И.Л. Бачило, М.М. Богуславский, Э.П. Гаврилов, В.А. Дозорцев, А.П. Сергеев, М.А. Федотов и их зарубежные коллеги Mihaly Ficsor (WIPO, CEECA, CITIP), Adolf Ditz (Max Planck Institute for Innovation and Competition), Peter Maggs (Illinois University), Kaarle Nordenstreng (University of Tampere) и др.

Журнал публикует научные статьи и аналитические материалы, рецензии на книги, экспертные мнения по широкому кругу правовых проблем интеллектуальной собственности и современной информационной экосистемы. В числе тем, привлекающих внимание авторов и читателей журнала, — актуальные проблемы авторского права и смежных прав, право интеллектуальной собственности в условиях цифровизации, культурные и информационные права в контексте конвенций и рекомендаций ЮНЕСКО, права человека в цифровую эпоху, правовое регулирование киберпространства, массовых коммуникаций, цифровых платформ и экосистем, технологий искусственного интеллекта и трансгуманизма.

Журнал выпускается на основании Соглашения между ЮНЕСКО и НИУ ВШЭ об учреждении Кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам. Входит с 2014 г. в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (Перечень ВАК при Минобрнауки России). Журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ). Свежий номер и архив журнала доступны на сайте Кафедры ЮНЕСКО: <https://hse.ru/unesco/tis>, а также на странице журнала <https://tis.hse.ru/>.

Кафедра ЮНЕСКО НИУ «Высшая школа экономики» выпускает также ежемесячный информационный бюллетень «Среда», который бесплатно рассылается в электронном виде по подписке. Бюллетень содержит информацию о вступающих в силу нормативных правовых актах, о проектах новых законов, указов и постановлений, о прецедентных судебных решениях, о прошедших и предстоящих научных конференциях, семинарах, форумах и т.д.

Контакты:

109028, Москва, Б. Трехсвятительский пер., 3, каб. 436;

тел./факс +7(495) 772-95-90 * 23017;

www.hse.ru/unesco/

tis@hse.ru

About the UNESCO Chair on Copyright, Neighboring, Cultural and Information Rights at HSE University

The International Scientific and Educational Center “UNESCO Chair on Copyright, Related, Cultural and Information Rights” (abbreviated as “UNESCO Chair of the NRU HSE”) was built by the decision of the Academic Council of the NRU HSE in October 2020 under the Agreement between UNESCO and the National Research University “Higher School of Economics” (NRU HSE) dated August 7, 2020.

The Center traces its history back to the UNESCO Chair on Copyright and Other Intellectual Property Rights, established by initiative of the Permanent Representative of the Russian Federation to UNESCO in 1993–1998, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor M. A. Fedotov. The agreement on the organization of the UNESCO Chair based on the Institute of International Law and Economics. A.S. Griboyedov (IMPE, now — Moscow University named after A.S. Griboyedov) was signed on June 12, 1998. In 2009, the Chair, in agreement with the UNESCO Secretariat, was relocated to the Higher School of Economics.

The UNESCO Chair is a scientific and educational structural subdivision of the National Research University Higher School of Economics. It participates in the worldwide network of UNESCO Chairs Program called UNITWIN. The program works based on the decision of the 26th session of the General Conference of UNESCO in 1991. The program focuses on inter-university cooperation at the global and regional levels of education, science, culture, and communication. The UNITWIN/UNESCO Chairs program currently unites more than 830 Chairs and 20 specialized chair networks in 110 countries.

All over the world, UNESCO Chairs, acting in the spirit of academic solidarity, stimulate sustainable ties between universities and institutions, governments, local authorities, business circles, civil society, etc. The fundamental principle of the UNITWIN/UNESCO Chairs Program is an equal partnership of universities, which, through the UNESCO Chairs, initiate and implement various projects within its framework, respecting university autonomy and academic freedom.

The HSE UNESCO Chair specializes in copyright, related rights, and cultural and information laws, including the legal regulation of cyberspace, artificial intelligence technologies, and transhumanism. The Chair cooperates with the relevant divisions of the UNESCO Secretariat, particularly the Sector of Culture and Information and Communication. The Chair cooperates with the UNESCO Institute for Information Technologies in Education and the Commission of the Russian Federation for UNESCO.

UNESCO Chair realizes versatile research, education, consulting, and expert activities in the field of freedom of creativity and freedom of expression, legal and ethical aspects of information pluralism. The Chair works on the progress of the informational society and multilingualism in cyberspace. Chair toils on overcoming the digital divide, transhumanism technologies, and the impact of artificial intelligence on social and legal institutions. All this requires the stable functioning of an open discussion platform for the exchange of opinions, discussion of ideas, transfer, and knowledge popularization.

Since 1999, the UNESCO Chair has published a quarterly scientific and analytical magazine named Works on Intellectual Property (www.tis.hse.ru). Its origins were such prominent Russian jurists as I.L. Bachilo, M.M. Boguslavsky, E.P. Gavrilov, V.A. Dozortsev, A.P. Sergeev, M.A. Fedotov, and their foreign colleagues Mihaly Ficsor (WIPO, CEECA, CITIP), Adolf Ditz (Max Planck Institute for Innovation and Competition), Peter Maggs (Illinois University), Kaarle Nordenstreng (University of Tampere) and others.

The journal publishes scientific articles and analytics, book reviews, and expert opinions on a wide range of IP problems and the modern information ecosystem. Among the topics that attract the attention of the authors and readers of the journal are topical issues of copyright and related rights, intellectual property rights in the context of digitalization, and cultural and information rights in the context of UNESCO conventions and recommendations. The list embraces human rights in the digital age, legal regulation of cyberspace, mass communications, digital platforms and ecosystems, artificial intelligence technologies, and transhumanism.

The journal published based on the Agreement between UNESCO and the National Research University Higher School of Economics since 2014. The journal presented in the List of peer-reviewed scientific publications publishing the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science for the degree of Doctor of Science (the List of Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of Russia). The journal is on the Russian Science Citation Index (RSCI).

The latest issue and archive of the journal are on the website of the UNESCO Chair: <https://hse.ru/unesco/tis>; and on the magazine web page <https://tis.hse.ru/>.

The UNESCO Chair of the National Research University "Higher School of Economics" also publishes a monthly newspaper called "Sreda", distributed free of charge in electronic form by subscription. The Bulletin contains information about normative legal acts coming into force, drafts of new laws, decrees and resolutions, precedent judicial decisions, past and upcoming scientific conferences, seminars, forums, etc.

Contacts of the UNESCO Chair at HSE University:

109028, Moscow, B. Trekhsvyatitelsky per., 3, room. 436;

tel./fax +7(495) 772-95-90 * 23017;

website: www.hse.ru/unesco/

e-mail: tis@hse.ru